

Р291р
96

Евгений
Гусев

Августовский
звездочад

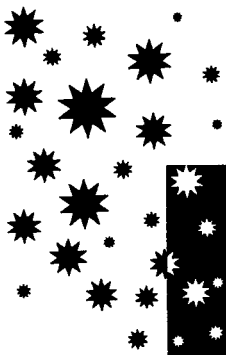
Запечатанному
верстному
посланному
бюджету имени
пермента
шмента
шмента!

М. Ю. Перин
 с благодарностью
 за помощь в
 приобретении
 книги "Рассказы
 о жизни
 и смерти"
 (М. Ю.
 Перин)
 15.10.03

05

Р29р
Г96

Евгений
Гусев

128715-2

*Августовский
звездапад*

стихи,
проза,
юмор,
сатира

Архангельская городская
централизованная система
библиотек

«РЫБИНСКОЕ ПОДВОРЬЕ»

2003

Гусев Е. П.

Августовский звездопад. Стихи, проза, сатира, юмор. — Рыбинск: Рыбинское подворье, 2003. — 416 с.

Евгений Гусев — автор стихотворных и прозаических книг «Имя твое любовь», «Утоли моя печали», «Три века любви», «Огонь памяти», «Визит к даме» и др.

В настоящем сборнике несколько разделов, включающих любовную лирику, стихи о деревне, Великой Отечественной, афганской и чеченской войнах, поэму «Праздник Покрова», рассказы, юмор и сатиру.

Произведения Е. Гусева отличают гражданственность, выразительность и точность слова. Он активно публикуется в центральной и областной периодике, коллективных сборниках и альманахах, проводит встречи с читателями. Е. Гусев — член Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации. Живет в Ярославле.

ISBN 5-85231-112-X

© Е. П. Гусев, 2003 г.
© Издательство «Рыбинское подворье», 2003 г.

ВРЕМЯ СОЗРЕВАНИЯ ПЛОДОВ

У каждого писателя своя дорога в литературе, ее заманчивых лабиринтах, заводящих иногда туда, откуда нелегко найти выход, чтобы двинуться дальше. Своеобразен творческий путь и у Евгения Гусева, в первую очередь тем, что он и поэт (лирик и публицист), и прозаик (автор коротких, но емких полусерьезных-полушутливых рассказов), и сатирик-юморист (подмечающий в жизни смешное и выдающий его читателю в стихах, рассказах и других разновидностях этого непростого литературного направления). Уместно сказать, что его имя вошло в «Антологию сатиры и юмора XX века». Не может Евгений Гусев ни без стихов, ни без прозы, а талант юмориста, данный далеко не каждому, и вовсе грешно зарывать в землю. Таким предстает он и в своей новой, в некоторой степени итоговой, книге «Августовский звездопад».

Евгений Гусев — писатель, идущий от факта, иногда, казалось бы, незначительного, но с помощью творческой фантазии доведенного до литературно значимого. Так, например, деревенские драчуны из стихотворения «Рассказ пожилого человека», обычные озорные парни «не гадали, не думали сроду, что подраться придется всерьез» — всех сроднила суровая военная реальность, народная беда. Гусев не боится некоторой банальности и даже наивности в своих стихах, поскольку все это является исходом чувства — основы поэзии. Готов он и к полной откровенности, распахнутости перед читателем, на что способен не каждый поэт.

Решение темы Евгением Гусевым традиционно: бытовая приземленность сочетается в его стихах с пафосом, возвышенностью. Читать Гусева интересно, поскольку и в стихах, и в рассказах — жизнь, близкая каждому, и частная, и во многом типичная. Писатель любит своих героев, хочет рассказать о них как можно подробнее. Такие стихи не насытишь вычурными образами, они требуют точных деталей, душевной теплоты. Взгляд автора часто ироничен, но за этим видится серьезность отношения к предмету. Цитировать излишне, поскольку свойство это присуще большинству стихов Гусева.

Немало в книге произведений о людях героических, тех, для кого любовь к Родине — не затертые слова, а самое главное в жизни. В подобных стихах простительна и некоторая вторичность. Такое не мешает повторить в нынешнее сложное время, когда уже многие начинают забывать, какие испытания выпали на долю нашего народа в прошлом веке. Проникает в стихи Евгения Гусева и робкая пока еще вера в Бога, стремление приблизиться к Творцу на расстояние молитвы. А это совсем не просто после долгих лет атеистического насилия.

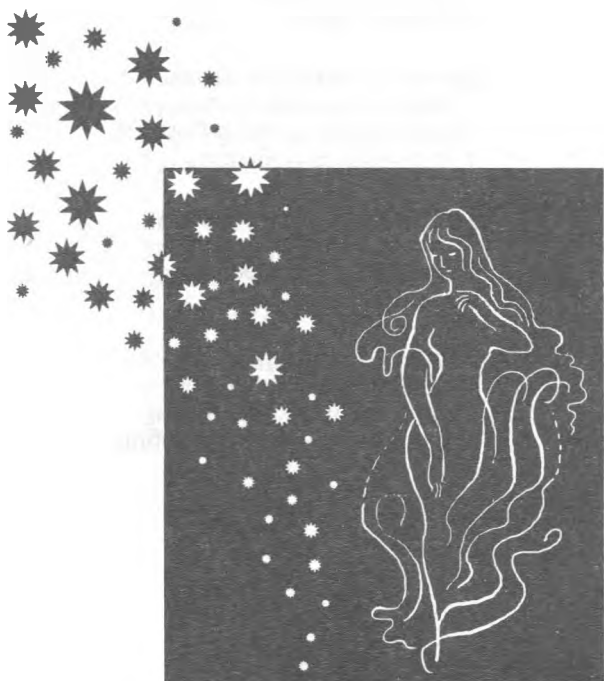
Рассказы Евгения Гусева свойственна та же жизненная актуальность. Это — кусочки бытия, составляющие вместе достаточно полную картину. Я бы не назвал их юмористическими, поскольку здесь присутствует и лиризм, и драматизм, и даже трагические нотки. Герои его рассказов напоминают шукшинских чудиков, попадающих в разные неудобные ситуации и выходящих из них каждый своим способом. Чувствуется, что у многих есть прототипы, а в некоторых угадывается и сам автор. Естественно, реальность дополнена необходимой долей художественного вымысла.

Кроме стихов и рассказов, в книгу Евгения Гусева вошли сатирические миниатюры, все то, что определяет на данный момент сферу его творческих интересов и возможностей. А они достаточно широки, поэтому читатель не будет скучать над страницами «Августовского звездопада», перечитывая уже знакомые произведения и открывая для себя новые творческие грани писателя.

**Сергей ХОМУТОВ, член правления
Ярославской писательской организации
Союза писателей России**

*Любовь, любовь — гласит преданье —
Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой.*

Ф. Тютчев

Три века любви

УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ *

Помнишь, как они кричали,
Улетая, журавли?
Утоли моя печали,
Дорогая, утоли.

Дай мне радости и силы
Сохранить задор и стать.
Церковь есть у нас в России,
Где нам надо побывать.

Говорят, ко храму божью
Поразмыли путь дожди, —
По любому бездорожью
Я приду, ты подожди.

Утоли моя печали,
Стань опорой и судьбой.
 Попрошу, чтоб обвенчали
В светлом храме нас с тобой.

* Название иконы Божией Матери и церкви в Саратове.

ЗОДИАКАЛЬНАЯ НОЧЬ

В небе ярко-желтой сливой
Кувывается луна.
Дорогая, будь счастливой!
Ты жена мне? Да, жена.

Твой Телец, бычок игривый,
Мчит по небу сквозь года.
Дорогая, будь счастливой!
Ты любовница мне? Да!

Лев, мотая звездной гривой,
Забавляет Дев-подруг.
Дорогая, будь счастливой!
Я твой друг? Конечно, друг!

К Близнецам неторопливо
Рак ползет, как во хмелю.
Дорогая, будь счастливой!
Я люблю тебя! Люблю!

* * *

Тебя за ручку, как ребенка,
Я через улицу веду.
Ах, как же любишь ты, девчонка,
Быть непременно на виду!..

Красивых женщин я немало
Встречал за сорок с лишним лет,
Но мне тебя не доставало,
Чтобы в груди зажегся свет.

Ах, как летели дни, недели...
Но в декабре была среда,
И ты ушла под свист метели.
Совсем ушла. Зачем? Куда?

С утра над городом ненастье,
Нисходит сумрак с высоты...
Не спутал я любовь со страстью!
Я знаю, счастье — это ты!

* * *

Ты шла уверенно и твердо.
Ты уходила. Навсегда.
Ты улетаала птицей гордой.
Знакомый бомж с опухшей мордой
Сказал: «Вернется. Ерунда!»

Мне стало холодно и жутко.
Но я стоял, смотрел и ждал,
Что ты вернешься, скажешь: «Шутка»,
Но подоспевшая «маршрутка»
Тебя умчала на вокзал.

Сочувственно все тот же нищий
Вновь изрекает: «Ерунда,
Таких, как эта, будут тыщи!»
Ты ошибаешься, дружище.
Такой не будет никогда!

Март 1997

ИМПЕРАТРИЦА

К вам когда-нибудь жар-птица
Залетала ночью в сад?..
Ты — моя императрица,
Ты живешь сто лет назад.

Ты — мой свет звезды далекой,
Ты — лампы близкий свет,
Цвет мой нежный, меч жестокий,
Путь провалов и побед.

Ты — неверие и вера,
Ты — восход мой и закат,
Ты — Диана, ты — Венера,
Ты — мой рай и ты — мой ад.

У тебя есть имя, слава,
Поклонение людей.
Где твой скипетр? Где держава?
На — судьбу мою — владей!

На вот — сердце, мне — не надо!..
Не порвать тугую сеть,
И чугунная ограда
Высока, не улететь...

Это мне, конечно, снится —
Звезды, ночь, жар-птица, сад...
Только ты — императрица,
И живешь сто лет назад!

* * *

Тепло твоих лучистых глаз
Мне душу лечит.
Я буду помнить день и час
Январской встречи.

Была расстелена тахта,
Дразня, конфузя.
Я снял с колен твоих кота
По кличке Кузя.

Прошел с той встречи ровно год —
Какая малость! —
Ушел из дома черный кот,
Тахта осталась.

Остались кресло, стул и стол,
Стаканы, блюда.
Вчера и я ушел. Ушел,
Чтобы вернуться.

Тепло твоих лучистых глаз
Мне душу лечит.
...Благословляю день и час
Январской встречи!

ПИСЬМО

«До свидания, друг вечный...»
(Из письма Ф. М. Достоевского
к Апполинарии Сусловой)

Твое «последнее сказанье»
Я получил... Скажи, зачем
Опять приковывать вниманье
Ко мне, носителю проблем?

Тебе известно, я не волен
Все время пить сей горький мед.
А то, что я тобою болен,
Так это, думаю, пройдет.

Порхай, лети куда угодно,
Глупей от выбора орбит.
Прощай, друг вечный. Ты свободна
От ожиданий, ссор, обид.

Свободна ты от всех признаний
И поцелуев до утра.
Я покидаю «поле брани».
Пора, любимая, пора.

А Бог простит меня, я знаю,
Грехи с грешками замолю.
И ты прости меня, родная.
Люблю тебя. Люблю, люблю...

* * *

О, как убийственно мы любим...
Ф. Тютчев

Я не кусаю губы в кровь,
В душе — ни злости, ни азарта.
Ты предала мою любовь
Вчера — тринадцатого марта.

К тебе пришел я точно в срок,
Аки небесное светило,
Но ты с порога мне урок,
Верней, экзамен заката.

Вопросов-шпилек целый воз
Ты мне шарахнула навстречу.
Я этот воз домой увез,
Подразберусь чуть-чуть — отвечу.

Ты не уснешь сегодня от
Несправедливых обвинений.
А я... а я не дам развод
Тебе, мой милый вздорный гений!

ОЧЕНЬ СЕРДИТОЕ ПИСЬМО

С тобой как будто на качелях.
И. Баринс...

Пролилась дождями осень,
Потушив огонь в крови.
Ах, смешная цифра восемь —
Восемь месяцев любви.

Девять? Может быть, и девять,
Срок не так уж и большой...
Подскажите, что мне делать
С развороченной душой?

Счастье виделось вначале,
Радость брезжила вдали.
Утолить мои печали
Вы, конечно, не могли.

Не могли и не хотели,
Находясь в своей игре...
Про какие там качели
Вы писали в сентябре?

Вспоминаю с нервной дрожью
Тот январь и тот февраль,
Как я к вам по бездорожью
Мог прийти в любую даль.

Вы мои шальные ласки
Запивали коньяком.
Не хочу я в этой сказке
Быть Иваном-дураком.

Не надену в божьем храме
Я на палец вам кольца.
Все, что было между нами —
Ложь с начала до конца.

Очень жаль, что знал вас близко,
Млел у вашего огня.
Все! Ни слова, ни записки!
Нет и не было меня!..

ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

Трудно понять китайцев и женщин.

А. Аверченко

Ты — прехорошенькая дама,
И все милей из года в год,
Бываешь, правда, зла, упряма,
Но это, думаю, пройдет.

Один поэт подметил тонко
За шумным дружеским столом,
Что ты обычная бабенка,
С талантом, правда, и умом.

Я «тонкость» этого поэта
Тогда прервал: «Дурак ты, брат,
Она у нас — источник света
Она алмаз во сто карат.

Она — Везувий, Ниагара,
Она — жара, она — мороз,
Она таким, как ты, не пара,
Таким, как я, — другой вопрос!»

«Бабенка»... Женщина! Богиня!
Терзая, мучаясь, любя
И ненавидя, помоги мне
Понять хоть чуточку тебя!..

* * *

Сжег я все твои записки —
Горстка пепла на столе.
Ты была мне самым близким
Человеком на земле.

Ты была мне всех желанней —
Дочь моя, жена и мать.
Я не знал любви ранней,
Мог и поздней не узнать.

Ты при встрече спрячь смущенье,
Улыбнись, махни рукой...
Вот и все. На возвращенье
Нет надежды никакой.

Горстка пепла, томик Рильке,
Твой любимый шоколад,
И еще... еще три шпильки
На столе моем лежат.

* * *

Ты гони, гони, гони же
Ненадежного меня,
А сама все ниже, ниже
Падай, падай, жизнь браня.

Ты кидай, кидай, кидай же
Слово бранное мне вслед,
А сама все дальше, дальше
Убегай от мнимых бед.

Ты пойми, пойми, пойми же —
Поздно нам менять коней...
С каждым днем ты ближе, ближе,
С каждым днем родней, родней...

ЖДУ ТЕБЯ

А за окном сирень шептала:
«Напрасно ждешь. Напрасно ждешь».

И. Баранова

Смеется радостно соседка,
Смеется — так, на ерунду.
А мне в окно стучится ветка:
«Сейчас приду. Сейчас приду».

Немного странная соседка,
У ней кудахтающий смех,
Она и с виду, как наседка,
Но у мужчин — всегда успех.

Ах, если бы не драли глотку
Мои наседка с петушком,
Я им, наверное, за водкой
Сходил бы в Брагино пешком!

За стенкой храп и скрип кровати,
И бормотанье: «Брошу пить!..»
А вот и дождь пошел, некстати, —
Ты в дождь не любишь приходить.

Смеется, плачет ли соседка —
Из-за дождя не разберешь...
А мне в окно стучится ветка:
«Напрасно ждешь. Напрасно ждешь...»

* * *

Жил я смело, балом правил,
Попадал всегда в струю, —
Почему же Бог оставил
Душу грешную мою?

Может, правда, я — мужчина
Не для женщины-Тельца?
Или, может быть, причина
В белой «Волге» у крыльца?

Объясни, Христос-спаситель,
Почему — хоть плачь к утру?
Кто я — грешник, небожитель
Или парус на ветру?

Почему ни днем, ни ночью
Стало ей не до меня?
Как мне жить на свете, Отче,
Без душевного огня?..

Жил я смело, балом правил,
«Отрывался» от души...
Снится мне: апостол Павел
Шепчет в ухо: «Не спеши!..»

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Я свет увидел на Покров,
Мне завтра день рождения.
Найдите пару теплых слов,
Прошу вас, для Евгения.

Он вас любил, он любит вас,
В душе его — пожарище.
Найдите пару теплых фраз
Для этого товарища.

Он в ваш двухкомнатный мирок
Был вхож, как говорится.
Вот он опять на ваш порог
Ступил, чтобы... проститься.

Он будет плыть по воле волн,
И дней так через триста
Его побитый утлый челн
Найдет в тумане пристань.

Разбив о камни душу в кровь,
Он громко крикнет: «Люди!
Скажите, где моя любовь?...»
Ответом — эхо будет!

14.10.1996

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Я уничтожен, дорогая,
Разбит тобою в пух и прах,
Но по инерции, сгорая,
Лечу в зенит на всех парах.

Я знал: ты — женщина, с которой
Я не смогу остаться цел.
Прости меня, но стать опорой
Тебе я просто не успел.

К такому полному разгрому
Я не готов был — видит бог.
Я сам толкнул тебя к другому,
И тот примчался со всех ног.

Своим же собственным талантом
Тебя порой сбивало с ног,
Но быть врачом и музыкантом
Я — одновременно — не мог.

Ты не вернешься вновь — я знаю,
Ни к январю, ни к февралю.
Прощаю все тебе, родная.
Люблю тебя. Люблю. Люблю!..

АВГУСТОВСКИЙ ЗВЕЗДОПАД

Лето — к финишу. Июль
Въехал в август, как «маршрутка».
От трассирующих пуль —
Звезд, летящих с неба — жутко.

В нас летит «боезапас»,
В небо ты глядишь с испугом.
Сток в тумане, как Парнас,
Возвышается над лугом.

Говоришь: «Присесть непрочь
У подножия Парнаса?»
Жалко, что в такую ночь
Нет у нас с тобой Пегаса.

Улетел крылатый конь,
Догонять, наверно, поздно...
Кто командует «Огонь!»
Августовским этим звездам?..

ОСЕННЕЕ

Кто втянул, какую сетью
В этот омут-водоем?
Месяц, год или столетье
Были мы с тобой вдвоем?

Календарь тех лет листая,
Вспомнил, как на склоне дня
Улетала птичья стая,
За собой меня маня.

Пролететь придется птицам
Через сто земных границ.
Без желания проститься
Я смотрел на белых птиц.

Ах, как мне хотелось с ними
Раствориться в синей мгле,
Но коротенькое имя
Оставляло на земле...

* * *

Стынет осень. Бабье лето
Провожая не скорбя.
Третий месяц ни ответа,
Ни привета от тебя.

Александра Кочеткова
Не читаю, — гложет стыд.
На дверях моих подкова
Вверх тормашками висит.

Усмири свой гонор женский,
А не то я в Слободу
В монастырь Преображенский
Вслед Галюдкину* уйду.

Ты же — долгими ночами,
Утопив печаль в вине,
Будешь вздрагивать плечами
И пророчить беды мне.

И в одну из этих ночек
Соберешься на вокзал...
Напиши мне пару строчек,
Напиши, чтобы встречал!..

* В. Галюдкин — поэт.

НАШЕМУ ЛЮБИМОМУ ХУДОЖНИКУ

На стенах — отблески зари.
Ты говоришь, открыв окошко:
— А не поехать ли в Раи
К Олегу Павлычу Отрошко?

Раи! России уголок,
Росинка, капелька, комочек, —
Скорей туда — от споров, склок
И нерождающихся строчек!..

Темно. Начало сентября.
Ты говоришь: «Закрой окошко!»
...Горит над городом заря,
Как на картинах у Отрошко.

* * *

Ты помучай меня, помучай,
Попытай неумным огнем, —
Ну когда еще выпадет случай
Провести нам полсуток вдвоем.

Листопад — это, в сущности, пепел...
Снова удаль проснулась в крови,
Снова двери срываются с петель
От безумного ветра любви.

Я лечу по второй полусотне,
Ты по первой идешь не спеша...
Нет, не пес заскулил в подворотне,
Это стонет от пыток душа.

Так что мучай меня, но недолго,
Долгий гнев прибавляет седин...
Завтра мы собираемся в Толгу.
Не поедешь? Тогда я один!..

* * *

Мои следы стирает вьюга,
Твои — прилив морской волны.
Я еду с севера, ты — с юга,
Мы скоро встретиться должны.

На циферблат смотрю украдкой,
Боясь замедлить ход часов.
Болит под левою лопаткой, —
Ах, эта смена полюсов!

Звонят на столике тарелки,
В стаканах плещется коньяк.
Последний круг минутной стрелки
Не завершается никак.

На машиниста, как на Бога,
Молюсь всю ночь: «Скорее, друг!»
...Поет железная дорога
И днем, и ночью песнь разлук...

* * *

Я не буду ни строгим, ни ласковым,
И ревнивым не буду теперь.
Улетела любовь моя страстная
Тихой ночью в открытую дверь.

На железной решетке балкона
Лунных бликов шальной хоровод.
Рядом с дверью висела икона,
Охранявшая нас от невзгод.

Ты во сне улыбалась чему-то,
Ты и днем не бывала грустна.
Этот год пролетел, как минута,
Всколыхнув мою душу до дна.

Я не знаю, кому на погоны
Возлагаешь ты руки сейчас.
Я запомнил название иконы,
Охранявшей любовь нашу — Спас...

* * *

Задуваю свечу,
Видя сомкнутость век,
Еле слышно шепчу:
«Спи, родной человек!»

Светит месяц-рожок —
Друг ночных сторожей.
Ты устала, дружок,
От моих виражей.

Подожди, не вяжи
Мне на сердце петлю.
Все мои виражи
Оттого, что люблю.

Отключаю звонок,
И эпоху, и век...
Спи! Храни тебя Бог,
Дорогой человек!

* * *

«О, Господи, и это пережить,
и сердце на клочки не разорвалось».

Ф. Тютчев

Ты для меня не попутчица,
Мысли о прошлом отбрось.
Вместе нам жить не получится,
Как, между прочим, и врозь.

Мы — две планеты в галактике.
Где это было — во сне? —
В белом больничном халатике
Ты приходила ко мне.

Все познается в сравнении,
Зиму сменяет весна.
Взлеты, полеты, падения
Вы испытали сполна.

Ревность, упреки, страдания —
С кем это было, когда?
Жизнь наша — зал ожидания...
Мимо прошли поезда...

* * *

Ты вновь до белого каленья
Меня сегодня довела...
Все, не потянет на сближенье
Теперь ни души, ни тела.

Теперь потянет только к водке
Или к дешевому вину.
Рассохлось дно в любовной лодке
И вмиг пошла она ко дну.

Нет, синяки считать не надо,
Их все равно не сосчитать.
Ты напиши губной помадой
Мне на прощанье строчек пять.

И пусть задиристые строки
Тебе прибавят куражу.
...Души своей кровоподтеки
Я никому не покажу!..

НАШ ПУТЬ

...Обожаю целоваться,
А ведь бабе сорок лет.

...Но я добровольно сгораю
И яд выпиваю до дна.

И. Барина

Ты обожаяешь крепко целоваться
И пить до дна любовный сладкий яд.
Но мне, мой друг, давно уже не двадцать,
Мне, извиняюсь, скоро пятьдесят.

Я, как и ты, несу свой крест, сгорая,
Среди тревог сегодняшних и бед.
Зачем искать на этом свете рая,
Когда его на этом свете нет.

Тот настоятель в церкви Параскевы
Нам говорил — и прав был, как всегда, —
Что мы с тобой — озимые посевы,
И пережить придется холода.

...Из кубков с позолоченной оправой
Среди сомнений нынешних и мук
Вино любви с любовною отравой
Испить до дна нам выпало, мой друг.

ТРИ ВЕКА ЛЮБВИ

Моей любви исполнилось три года,
Верней, три века в этом январе.
Мы снова вразь, причиной — не погода,
Тем более, что тихо на дворе.

Три века — это, в сущности, немного —
Четыре жизни или жизней пять...
Да, мы с тобой гневить умеем Бога,
Вот и вчера поссорились опять.

Три года вместе... Вместе ли, родная?
Наш костерок то вспыхивал, то гас.
Я жил тобой, я шел к тебе, не зная,
Какой ты будешь ровно через час.

Сегодня вновь приснилась почему-то
Церквушка-свечка Спаса-на-крови.
...Благословляю каждую минуту
Из трех веков расхристанной любви!..

1997

СПАСИБО ВАМ

От глупых распрей и обид
Живу разбитый и усталый.
«Душа к спасению болит», —
Сказал один ученый малый.

Ваш прочный замок, ваш гранит
Мне не разрушить, к сожаленью.
Но если так душа болит,
То очень может быть — к спасенью.

Я не беру любовь в кредит
И не жонглирую словами.
К спасенью, что ли, так болит
Душа, разбуженная вами?

Уют мой вдребезги разбит,
А вы прошествовали мимо.
К спасенью, может быть, болит
Душа. Но боль невыносима.

Пусть Бог вас, милая, хранит!
Ушло в предзимье бабье лето.
К спасенью, видимо, болит
Душа. Спасибо Вам за это.

*Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор...*
Н. А. Некрасов

Малая родина

В ДЕРЕВНЕ

В конце апреля начала
Зима опять свои капризы,
И снова улица бела,
И снова нос у деда сизый.

Храня поллитра в сапоге,
Хворает дед такой весною.
— А ну, внучок, в какой руке? —
И прячет стопку за спиною.

А бабка — восемьдесят лет! —
Приносит соль и хлеба с луком:
— Другого дела, что ли, нет,
Как трескать гадость эту с внуком!

А дед подмигивает: — Тут
В погоде, старая, причины!
— Да уж слыхали, старый плут, —
Нет — нащепать бы мне лучины!

И снова — к печке — колдовать,
Слегка поправив полушалок.
А дед уже «почал зевать»,
Хотя «ишшо бы не мешало»...

Какое счастье — бабка, дед —
Смешные, старенькие люди!
— Весна-то будет али нет?
— Ну как не быть! Конечно, будет!..

* * *

Что за этим перелеском —
Поле, рига, хуторок?
Впереди с надрывным треском
Пляшет парочка сорок.

С тонким свистом круг за кругом —
Враг тетерок и куниц —
Ястреб кружится над лугом,
Иногда срываясь вниз.

Расступаются деревья,
Спасу нет от комарья...
Вот она, моя деревня,
Сон мой сладкий, боль моя.

Подхожу несмело ближе,
Все теплей, все ярче свет.
Дом как будто стал пониже, —
Ну да шутка ли — сто лет.

Две рябины у фасада,
За овинницею — пруд...
Деревеньку в два посада
Перекладово зовут.

НА РОДИНЕ

А в деревенском доме печка
И рай небесный двум котам.
Приеду, дерну за колечко,
Услышу бабкино: «Кто там?»

Усадит бабка под иконы,
На стол подаст, что Бог послал.
— Когда поешь, скидай погоны,
Да спать иди на сеновал!

Глаза котов горят, как свечки,
Смешно и боязно слегка.
— Как в городе живут без печки? —
Бормочет бабка у шестка.

В сенях возьму пустую банку —
Успеть смородины нарвать.
На сеновальчике сквозь дранку
Тепло струится — благодать!

Просплю всю ночь. Какое дело
Мне до парламентской борьбы!..
В деревне тихо. Солнце село.
Пойду-ка завтра по грибы!..

* * *

Дождичком малая родина
Встретила... Ну и дела! —
Дочка у Вени Погодина,
Словно цветок, расцвела.

Видя восторг и смущение,
Веня с улыбкой изрек:
— Ладно, мое угощение,
Ну а с тебя — пузырек!

Эх, разговорчик за рюмкою,
Многие души ты спас!
Резво огурчики хрумкаю,
Слушаю Венин рассказ.

— Помнишь ли Лохину Аллочку?..
Лунная выдалась ночь.
Сел под сиренью на лавочку,
Рядышком — Венина дочь.

Пахнет малиной, смородиной,
Тянет теплом от жилья.
...В августе к Насе Погодиной
Сватался Лохин Илья.

ДУША

Как с душою нараспашку
Жить сегодня на Руси?..
Снял последнюю рубашку
И бомжу отдал — носи!

Мужики смеются, бабы
С огорченьем смотрят вслед:
— Всем хорош мужчина, кабы
Не чудил на склоне лет!

От души смеются дети,
Веря слухам и молве.
Всем понятней, если ветер
Не в душе, а в голове.

Подавая поздний ужин,
Говорит жена:
— Поэт,
Ты случайно не контужен?
Отвечаю:
— Вроде, нет!

Эх, поеду к бабке Насте,
Там, в березовом краю,
Распахну я душу настежь,
Душу грешную свою!..

* * *

К деревне новую дорогу
Построил город-доброхот,
И бездорожье понемногу
Стал забывать честной народ.

Исчезли рытвины, овраги
И рвы, похоже, навсегда...
После четвертой кружки браги
Дед изрекает: «Эх, беда!»

Вздыхает бабка: «Жаль дорогу!
Собрав, бывало, тощий скарб,
По ней ходил молиться Богу
Еще твой прадед — Поликарп!»

Старик опять: «Конечно, надо...
Но вот уже который год
Через нее, паскуду, стадо —
Хоть кнут исхлопай — не идет!»

Смотрю вокруг с душевной дрожью,
Немея сердцем и лицом,
И вижу, как по бездорожью
Идут из церкви мать с отцом.

* * *

Перекладово, Вокшары, Скоково —
Вы моя колыбель и мой суд.
Постою возле храма высокого
И войду, если ноги внесут.

Не бывал я отъявленным грешником,
Но несмело плетусь к алтарю.
Бородатому дядьке с подсвечником
Я «Три века любви» подарю.

«Нет ли в Скокове, — спросит он, — сродника?»
Я скажу: «Здесь родился отец!»
Светлый лик Николая Угодника
Растревожит мне душу вконец.

Вдоль дороги — ковыль с подорожником.
Даже в самом советском году
Не бывал я отпетым безбожником,
Но с улыбкой от храма иду.

Две березы стоят у обочины,
Подойду к ним, на храм оглянусь.
...Сколько бед и несчастий пророчили,
А подишь ты — жива моя Русь!..

* * *

Деревня есть — Великий Двор,
Где я родился в прошлом веке.
Иду с оглядкой, словно вор,
По травяной густой аптеке.

Зарос бурьяном школьный сад,
А школа год назад сгорела.
Куда — вперед или назад
Нести уставшее вдруг тело?

Великий Двор, ты был велик,
Ты был учителем и другом.
В твой измененный хворью лик
Смотрю с печалью и испугом.

Стучит о дерево топор
В конце заброшенного сада...
Деревня есть — Великий Двор,
Где три двора на два посада...

* * *

Глубокой осени дождусь,
Пойду на дальнее болото,
Где, улетаая, белый гусь
Мне прокричит с печалью что-то.

Небес высоких синева,
Даль без конца и без начала.
Перевести бы на слова,
Что эта птица прокричала.

Хотя, какой там перевод, —
От стаи — маленькая точка.
«Задумав плыть по лону вод...» —
Не обо мне ли эта строчка?

Ну да, конечно, обо мне,
Теперь я точно знаю это.
Косяк растаял в вышине,
«Как наше северное лето —

Карикатура южных зим...»
Нисходит сумрак на болото,
Но птицы белые над ним
Кричат мне радостное что-то.

* * *

Стихотворенье, как спасенье,
С утра стучится в душу. Стог,
Где ночь проспал, в одно мгновенье
Преобразуется в чертог.

Водичка божья, как сквозь сито,
На землю сыплется с небес.
Пишу: «Душа моя разбита!» —
Ну вот, в кликушество полез.

Пишу: «Душа моя, как птица!» —
О, Боже, что за ерунда!..
А с неба сыплется водица,
Кропя деревни, города.

В стогу тепло, как в старом доме.
— Привет вам, братцы пастухи!
...Под дождик выйду, а в соломе
Тоску оставлю. И стихи...

РЕКА ДЕТСТВА

Когда, в какие времена
Река вот так пересыхала?
Торчит, как чудище, со дна
Бочонок ржавого металла.

Коряг не вытащить сто лет,
И ни души «на диком берегу»,
Лишь покореженный скелет
Когда-то брошенной телеги.

А чуть подальше, где был мост,
За ивняковыми кустами
Уже пошла осока в рост
И камыши грозят перстами.

Все изменилось, все не так,
Как было в снах, воспоминаньях.
Была река, теперь — овраг,
Хранящий старое название.

Не знаю, сбудутся ли сны,
И забулдят ли здесь потоки,
Но я дыхание весны
Услышал в шелесте осоки.

ВЕЧЕРНИЕ БЕСЕДЫ

Бабка: — Слышь ты, сегодня
дождик будет аль нет?

Дед: — Так воля ж Господня,
не подашь ведь совет!

Бабка: — Туча в полнеба,
жалко — вишни падут!

Дед: — Пужаться не треба,
есть на все Божий суд!

Бабка: — Ну, коли с градом —
не поднять огород!

Дед: — Всевышний, он рядом,
не оставит народ!..

Хлестанул дождик в стекла,
Как пастушьим кнутом.

Дед: — Не убрана свекла!

Бабка: — Бог с ней, потом!..

БАБКА ВЕРА

Собирает бабка свеклу,
Урожайным вышел год,
Под дождем спина намокла
И на лбу, как бисер, пот.

А глаза с небесным цветом
Излучают теплый свет.
Бабке было прошлым летом
Ровно восемьдесят лет.

Внучки, сонные тетери,
«Лясы точат» про парней,
Помогают бабке Вере
Тем, что есть они у ней.

Младший правнук, сняв «бананы»,
Собирает свеклу в таз.
— Ты, бабуся, как ни странно,
Всепогодная у нас!

Пар идет от телогрейки,
Взят последний боровок:
«Был бы жив сынок Андрейка,
Завсегда бы мне помог!..»

* * *

Вырубали деревья,
Умирал школьный сад.
Говорили в деревне:
— Огород городят!

Храм в Залесье крушили
Торопливо, не в лад.
Старики говорили:
— Огород городят!

Стали строить дорогу
Через лес, наугад.
Дед мой хмыкал:
— Ей-богу,
Огород городят!..

Нет деревьев, нет храма,
Нет дороги в лесу.
Эту память упрямо
Через годы несу.

Дом купил, вместо сада —
Лопухи да осот.
Скоро, думаю, надо
Городить огород!..

* * *

— Вставай, приехали, однако! —
Дед лыс и крепок, как валуй.
Шучу в ответ: — Москва? Монако?
Старик сердито:
— Не балуй!

Затем гудит валуй шербатый
Коняге:
— Стой!
Мне:
— Вылезай,
Вон тот, у яблони, с лопатой
И есть Маркелов Николай!

Березки чахлые вдоль поля,
Кусты вот-вот накроет снег.
— Не признаете, дядя Коля?
— Не признаю, мил человек!

На телогрейке дядьки Коли
Следы пяти десятков лет.
— Ну, а приехал-то отколя,
Издалека?
— Оттуда, дед!

Дымят костры на поле стылом,
Неся душе покой и грусть.
Как будто поп с паникадиллом
Обходит храм с названьем Русь.

* * *

Хрустит снежок под валенком,
Скрипит под сапожком.
Проталинки, завалинки
Засыпаны снежком.

Эх, на конюшню сбегая
По звонкой белизне,
Запрячь лошадку пегую
Поможет конюх мне.

— Не утоми Цыганочку!
— Да разве ж утомлю!
Лечу я в легких саночках
К тебе по февралю.

Стогами, как соборами,
Окружено село,
В косыночке с узорами
Ты выйдешь на крыльцо.

Под вечер из-за снега я
Не попаду домой.
Да и лошадка пегая
Распряжена тобой...

* * *

Все отдам на свете, лишь бы
Расцветал весною сад...
Я оставил эти избы
Сорок лет тому назад.

Вот колодец. Крутит ворот
Незнакомый человек.
— Эй, прохожий, как там город? —
Ставит ведра прямо в снег.

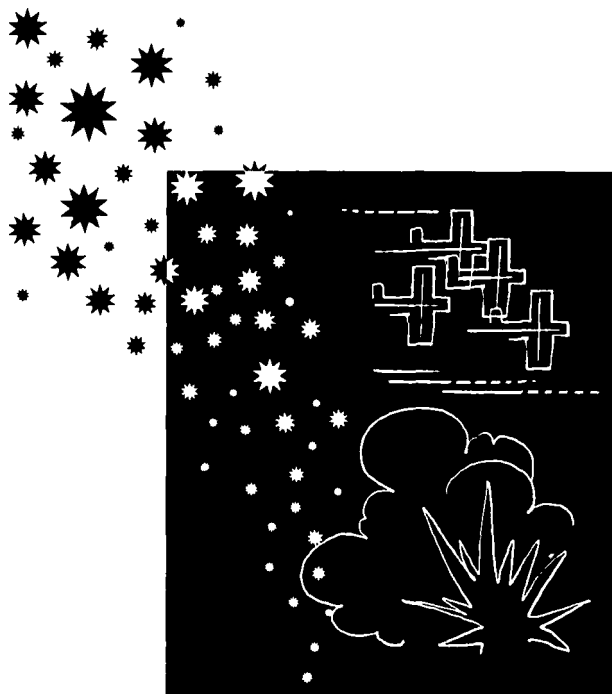
— Город жив, а вы-то — живы?
— Да стараемся пока,
Но апрельские разливы
Зададут нам трепака!

— Не боитесь?
— Страшновато!
— Зябко что-то!
— Не тепло!..
Снег на крышах, словно вата,
Лед на речке, как стекло.

Тороплюсь до снегопада
В сумрак, к станции, назад...
Мне весной увидеть надо
Лепестковый снегопад!..

*Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.*

К. Симонов

Огонь памяти

ИМ ВОЗВРАТИТЬСЯ НЕ ДАНО

Звучит солдатская поверка:
— Петров? Лежава? Становой?
В ответ: — Погиб под Кенигсбергом!
Под Братиславой! Под Москвой!

Уже полвека с половиной
Прошло с тех пор, а счет растет.
— Матросов? Жвания? Невинный?
— На mine! Снайпер! Пулемет!..

Чем тише гул пятидесятых,
Тем ярче их священный свет,
А мы всё ищем виноватых
У основания наших бед.

Но им, солдатам, что погибли
На Волге, Буге и Десне —
Не важно, Сталин или Гитлер
Повинен больше в той войне.

Им, день иль год провоевавшим,
Или четыре — все равно!
Уставшим, порохом пропахшим,
Погибшим, без вести пропавшим,
Им возвратиться не дано!..

2000

АТАКА В ЛОБ

Военный декабрь. Лихолетье
Ведет свой неистовый бег...
Высотка свинцовою плетью
Стегает упавших на снег.

Залег батальон у церквушки,
У каждого — собственный крест,
И каждый — у немца на мушке.
А шпиль колокольни — как перст.

А шпиль указывает дорогу
Туда, где ни горя, ни слез.
Но тянутся души не к Богу,
А к дальней полоске берез.

Казалось бы, что еще проще —
Привстать, распрямиться, шагнуть,
Но путь до березовой роши
Уже неприжизненный путь.

А может, сегодняшней ночью
Кому-то Бог даст уцелеть?..
Солдатские ватники в клочья
Терзает свинцовая плеть.

И слезы, как капельки воска,
Спадают в подтаявший снег.
...Никто не вернулся с погоста.
Никто. Ни один человек.

РАССКАЗ ВЕТЕРАНА

Это было не сражение,
Это был крошечный ад,
В общем, светопредставление,
Как в народе говорят.

Помню, как от полустанка,
Словно воткнутого в степь,
Тридцать два немецких танка
Развернулись быстро в цепь.

На ходу стреляют гады,
Лезут, как из-под земли...
А у нас, видать, снаряды
Пушкарям не подвезли.

Что тут скажешь, мы — солдаты,
Командир — отец и бог...
В общем, я тогда гранаты
До окопов доволол.

Как остался жив — не знаю,
Ног вот нет, две пули в грудь...
Ты не знаешь, парень, к Маю
Нам дадут чего-нибудь?..

СМЕРТЬ КОМАНДИРА

Е. С. Амбражевичу

— Помнишь, слово про кумира
В божьей заповеди есть?..
Двадцать было командиру,
Мне, солдату, двадцать шесть.

Были «старые» — за сорок,
Только больше среди нас
Было тех, кто «нюхал порох»
В этой жизни первый раз.

Командира звали Сашей, —
Александр Фомич Боград
Изо всей разведки нашей
Больше всех имел наград.

«Мне Бог рад!» — кричит, бывало,
И хохочет, как пацан.
Смерть его не доставала.
Умер Саша не от ран.

Командирскую заботу
Кто оценит, кто поймет?
Отказался бросить роту
Капитан на пулемет.

Треснул выстрел конвоира,
Птицы взмыли в синеву...
Сотворил себе кумира,
С ним полвека и живу!..

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

М. И. Сорокину

— Раз четвертый, а может, и пятый
В чистом поле отряд наш залег...
Да, с пустым винтарем да лопатой
Воевать скучновато, парнек.

Ждем, готовые встать по приказу,
Только некому крикнуть «ура!» —
Командиров повыбило сразу, —
Снайпера и у них — мастера.

Час, не меньше, лежали в грязи мы,
Правда, грязь та — не грязи в Крыму...
Никому умирать на озимых
Не хотелось, браток, никому.

Весь в бинтах лейтенант Селиванов
Сполз в воронку ко мне и хрипит:
«Перешлепают всех, как баранов,
Если им не собьем аппетит!»

Протянул он мне «диск» и «лимонку»
И добавил: «Давай, старшина,
Только помни, что мать похоронку
Получить на тебя не должна!»

Что же: «Есть!» — говорю по Уставу...
Ну, а в сорок четвертом году
В медсанбате вручили мне Славу,
Лейтенанту — Героя Звезду...

ПАМЯТЬ

Мимо чудом уцелевших
Одиноких хуторов,
Деревень до тла сгоревших,
Мы преследуем врагов.

Тут и там дымы, воронки
Да столбы без проводов.
Санинструктору-девчонке
Нет семнадцати годов.

От привала до привала
По войне мы шли с тобой,
Ты нам Пушкина читала
Наизусть — «Полтавский бой».

Свищет ветер, снег и пули,
Землю рвет шальной снаряд.
— Шире шаг! Что там, заснули? —
Впереди кричит комбат.

Сапоги не по размеру
Закрепили за тобой,
Но не шутят кавалеры,
Кавалерам завтра в бой...

На шоссе к Волоколамску
Разыгрался летний дождь.
В легком платье, с сумкой дамской —
Снится мне, что ты идешь...

ОСЕННИЙ СОН 41-го

Осенний парк, сентябрьский дождь,
Стволы деревьев, как солдаты.
Все тело стягивает дрожь,
И даже сразу не поймешь,
Чего ты ждешь, идешь куда ты.

А до атаки ровно час,
Тревоги час, час ожидания,
И нет минуты про запас, —
Как он выматывает нас
И душу рвет до основания.

А я, пожалуй, закурю,
В рукав припрятавши сигарку,
Как заклинание повторю
Себе, войне и сентябрю,
Что я живой пройду по парку.

И что не бьет меня озноб,
Не ежусь я, как от иголок,
Пусть через час атака в лоб,
Но я, покинув свой окоп,
Не встречу вражеский осколок.

Я поднимусь, и встанут все, —
Не страшно ротой в рост подняться.
Бежать по взрытой полосе
Навстречу пулям, как косе,
Нам метров сто или сто двадцать.

И брызнет магний из-под ног,
И звезд навстречу миллионы...
— Ты спишь, солдат? Вставай, браток,
Уж весь до ниточки промок,
Не время «фрицу» бить поклоны.

Осенний дождь, осенний лес,
Воронки оспой вдоль дороги,
А дождик сыплется с небес
И желтый лист, утратив вес,
Шурша ложится нам под ноги.

КОНЮХ

«Какой был конь! Не конь — огонь!
Поджарый, в яблоках, высокий,
Вожжой, бывало, только тронь —
Косится глазом с поволокой.

И вдруг задаст такую прыть,
Что весь приходит в белой пене,
А поведешь на речку пить —
Танцует, словно на арене.

Стрижет ушами и храпит,
И ржет, и землю бьет копытом...
Теперь, наверное, убит.
Ну, да и как не быть убитым —

Смотри-ка, сколько лошадей,
И все куда-то гонят, гонят, —
Пожалуй, больше, чем людей!..»
И обронил слезинку конюх.

Четвертый год идет война,
Атаки, выстрелы, погони,
Подпруги, седла, стремяна
И кони! Кони, кони, кони...

ГАРМОНИСТ

Старик играет на гармони,
Забыв о всех земных делах,
Его тяжелые ладони
Почти недвижны на ладах.

И только пальцы еле-еле,
Как бы с опаской ищут лад.
Полвека так — с конца апреля
Встречает праздник свой солдат.

Припоминает за напевом
Гармошки старой фронтовой,
Как был контужен он под Ржевом,
И как был ранен под Москвой.

Он видит вновь, как два солдата
После атаки — «Жив, браток?» —
Через лесок до медсанбата
Несут его... его — без ног.

Он видит медсестричку Аню,
Анюту с солнышком в глазах,
Как та его, обрубка, в баню
Носила с месяц на руках.

Он снова чувствует ладони,
Которых не было милей...
Старик играет на гармони,
А рядом — пара костылей...

СТАРИКИ

Пригретый солнышком апрельским,
Дед распрямляет с хрустом грудь:
— Жена, откинь-ка занавески,
На божий свет хочу взглянуть!

Супруга, глаз не поднимая,
Вздыхает: — Ты бы, Михаил,
Хоть до девятого-то мая
Собрался с духом да не пил!

— Вопрос сурьезный, но едва ли
Его решим мы на ходу!..
Дед Михаил достал медали,
Две Славы, Красную Звезду.

— Вот, вся Россия и Европа,
Лишений адовы круги,
За то, что мне пришлось протопать,
Теперь и выпить не моги?..

Дед Михаил подсел к окошку.
Жена сказала, помолчав:
— Ну ладно, выпей! Но немножко! —
И отворила дверцу в шкаф.

Два огурца лежат на блюде,
Картошка, хлебушка ломоть.
...Ах, дорогие мои люди,
Храни вас, стареньких, Господь!

РАССКАЗ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА

— Дядька мой был любитель подраться,
Закричит кто-нибудь за селом:
«Наших бьют, выручайте же, братцы!» —
Он — туда — с двухметровым колом.

Сколько б ни было — пять или десять
Драчунов, он, как танк — напролом!
Ну, и дядьке, конечно, отвесят
По хребтине таким же колом.

А дрались-то ведь моде в угоду,
Было так, что колхоз на колхоз.
Не гадали, не думали сроду,
Что придется подраться всерьез.

А когда подошло сообщение,
Собрались драчуны у РОНО.
Кто кого — не имеет значения —
Раньше бил, все теперь заодно.

Через месяц уже похоронками
Одарила деревню война,
Ежедневно двумя почтальонками
Выдавались ее письма.

Мне запомнились тетнины пальцы
И ее обжигающий крик...
Дядька мой был любитель подраться,
Озорной, говорят, был мужик!..

МЕДСЕСТРА

К. Н. Пяткиной

Ты надеваешь праздничное платье,
Отгородясь от всех мирских забот.
Твои медсестры и твои медбратья
К тебе приходят в гости каждый год.

Не соловьи свистят, а свищут пули,
Не дятла дробь слышна, а пулемет...
О русском парне, раненном в Кабуле,
Никто из вас сегодня не поет.

У вас «Землянка» в памяти, «Катюша»,
Огонь в печурке, яблоневый цвет.
Но у певцов мелодия все глуше,
Певцам уже под восемьдесят лет.

Певцы давно — прабабушки, прадеды,
У них «проблемы возраста» с утра.
Но в каждом мае, в каждый День Победы
Они к тебе приходят, медсестра.

ЧЕЛОВЕК УПАЛ

Все было очень даже просто —
Шел человек, затем упал.
Одни сказали: — Дядя Костя
Опять сегодня перебрал!

Другие, знавшие мужчину,
Острили в меру сил: — Готов,
Напился, видно, по причине
Ухода зимних холодов!

И правда, дело было в мае,
Стонал на реках ледоход...
Лежал старик, не понимая,
Зачем вокруг него народ.

Скулила жалобно собака,
Последний в этом мире друг...
Ему мерещилась атака,
Не смех, а выстрелы вокруг.

И повторялось то, что было,
Он вновь бежал туда, туда...
«Ну вот и все, теперь убило,
Теперь уж точно — навсегда!..»

Гонял по улицам бумагу
Весенний ветер-чародей,
А две медали «За отвагу»
Смотрели грустно на людей...

В ГОСТЯХ

У дядьки Вали — орден Славы,
Медаль Нахимова и Крест
Какой-то западной державы.
— А это вот — за город Брест!

У дядьки Вали на ладони —
Осколок граммов в двадцать пять.
— Слыхал, поди, об обороне?
Да, не хотелось помирать!

Плеснув в стаканы «Русской» водки
Еще сказал, как бы не мне:
— Считай, что все мои погодки
Остались там, на той войне!

Затем он встал: — Махнем по малой
За пролетариев всех стран! —
Старик рукой своей трехпалой
Берет наполненный стакан.

— Восьмого, видимо, поеду
Сначала в Брест, потом под Клин!..
Очередной свой День Победы
Встречает дядька Валентин.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ИЮНЯ

В какие бы дали судьба ни свела,
Хоть надолго, хоть ненамного,
Июньского двадцать второго числа
Терзает мне душу тревога.

О, сколько же эта война унесла
Кто честен, красив был и молод!
Июньского двадцать второго числа
Мне в душу врывается холод.

Вдруг летнее небо заря обожгла,
Начав свой разбег не с востока...
О, сколько же двадцать второго числа
Легло в нашу землю до срока!

Но что это — взрывы?! Оставив дела,
Спешу к голубому экрану...
Не в силах я двадцать второго числа
В глаза посмотреть ветерану.

Масштабная акция пышно прошла
С названием громким «Забота».
И все-таки двадцать второго числа
Мне грустно и стыдно чего-то.

Горит неустанно, даруя тепло,
Огонь на могиле солдата...
Июньское двадцать второе число
В стране моей — горькая дата!..

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны
А. Твардовский*

Последний десант

ВОПРОСЫ

Опять звенит твоя гитара,
Опять поешь ты для ребят,
Ушедших в горы Кандагара,
Погибших за Джелалабад.

Страна идей, скорбящих женщин,
Стоящих тихо у ворот...
Тринадцать тысяч! Больше? Меньше?
О, Боже, что это за счет!

— Два года с ним в одной упряжке,
Но эти два, как двадцать лет.
«Оставь, братишка, на затяжку!» —
А через час братишки нет!..

«Тюльпан» чернее черной тучи
Несет в ночи свинцовый груз...
Ты улыбнулся: — Я везучий!
Друзья, прекрасен наш союз!

Берешь гитару. Хрипловато
Поешь про жаркую страну,
Про неизвестного солдата
И непонятную войну...

БОГ АФГАНА

Батальон уходит в ночь.
Без меня идут ребята.
Мне теперь им не помочь —
Пуля-дура виновата.

Разорвав остаток дня,
В небо стая птиц сорвалась.
Эта пуля для меня
Одного предназначалась.

Ноет левое плечо,
Чуть пониже бы — и точка!
Ночь за окнами течет,
Эх, предательская ночка!

Август месяц на дворе,
А жарища, как в июле.
Завтра будут на заре
Избавлять меня от пули.

Невезучий я такой,
Ну да ладно, так и надо!..
Хлопнул выстрел за рекой —
Началось! Видать, засада.

Бог Афгана, отзовись,
Я хочу тебя послушать:
Ты зачем даруешь жизнь,
Выворачивая душу?..

Затихает бой в ночи.
Без меня ушли ребята.
Уплывают вдаль врачи,
Госпитальная палата...

ПОСЛЕДНИЙ ДЕСАНТ

Умирают в боях молодые,
Хоть не хочется им умирать.
Б. Окуджава

За палаткою снова
Засвиристывал норд.
Капитан из Ростова
Взял гитарный аккорд.

Он тянул три минуты
Свою песню без слов.
Все земные маршруты
Пролегли на Ростов.

Лейтенант из Калуги
Двадцати с лишним лет
Своей первой подруге
Шлет последний привет.

Просит парень прощенья
За внезапный отъезд.
Норд, что дул из ущелья,
Превратился в зюйд-вест.

Необъятна Россия,
Утром в поле туман.
— Настроенье? — спросили.
— Есть! — сказал капитан.

Воздух рубит «вертушка»
Тяжко, как никогда.
Под Ростовом кукушка
Все считает года.

А в Калуге девчонка
Улыбнулась во сне...
Пули цокают звонко
С трех сторон по броне.

«Стингер» рывкает люто
И летит по прямой.
Завтра их без салюта
Переправят домой.

Жизнь и здесь, и «за речкой»,
К сожаленью, одна.
Эти жизни, как свечки,
Потушила война.

ВETERAN

В. Петряеву

Ты закурил и сел на стул.
Настроена гитара.
Ты вновь за памятью шагнул
В предгорья Кандагара.

Молчим. Прохладно и темно
В квартире ветерана.
Луна таращится в окно
Кровавая, как рана.

Ты снова вспомнил перевал,
Где «духи» дали жару.
— Нет, не поймет, кто не бывал! —
Сказал, беря гитару.

Звучит один, другой аккорд,
Поешь легко и с чувством:
«Война, я думал, это спорт,
А вышло, что искусство...»

Вот так!.. С годами все сильнее
Души сквозная рана
Болит ночами у парней,
Прошедших ад Афгана...

САША

У бойца по фамилии Волков
Завершилась со смертью игра.
Из него девятнадцать осколков
Извлекли в Ханкале доктора.

Оклемався, но четверо суток
Находился он в гибельном сне.
На чеченской войне не до шуток,
Впрочем, как и на каждой войне.

Вспоминать будет снова и снова
Саша Волков, российский солдат,
Эту ночь девяносто шестого,
Этот страшный рождественский ад.

Может, днем, может, вечером звездным
Мать из почты узнает о том,
Что сынок ее в городе Грозном
Был на шаг от свиданья с Христом.

«Волка кормят, как помнится, ноги!» —
Юморил в медсанбате сынок.
...Доктора, к сожаленью, не боги, —
Саша Волков остался без ног...

ДВОЕ

Двое их было — Антон и Никита.
Жили ребята, любили подруг.
Плачет по ним вечерами ракита,
Помня тепло их мальчишеских рук.

Вышли однажды ребята из дома,
Встретил их ветра веселый порыв.
Что обсуждать тут — приказ военкома,
Что тут поделать — осенний призыв!

Были походы, засады, «вертушки»,
Был на фугасе подорванный танк.
Оба они оказались на мушке
У перевала с названием Саланг.

Где ваши души, Антон и Никита?..
Бой тот закончился только к утру.
Пусто в их доме. Лишь клен и ракита
Плачут листвой на осеннем ветру.

НЕ ПОЙТЕ О СМЕРТИ

Нету в песне «афганской» надрыва,
Нету крика и нот со слезой,
Но идешь в ней всегда над обрывом,
Где хозяйствуют ветер и зной.

Эх, ребята, красивые черти,
Ваши песни нам очень нужны,
Но не пойте, не пойте о смерти,
Все устали от этой войны.

Вспоминайте вы в песнях разливы,
Взгляд любимой и брови вразлет,
Озеро, где сидели под ивой,
Размышляя: а может, в морфлот?

Вспоминайте, как радостной трелью
Соловей вас будил по весне.
Но не пойте, как вы были целью
На жестокой, ненужной войне.

В быстротечности и круговерти
Наших дней — предостаточно тем.
Но не пойте, не пойте о смерти.
Надо жить. Надо выжить. Нам всем...

В ЗЕМЛЯНКЕ. ЧЕЧНЯ-99

Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал...

М. Лермонтов

У капитана Виктора Смирнова
В землянке зябко, каплет с потолка.
Вчера во сне он видел, как живого,
Поручика Тенгинского полка.

При эполетах тот, высоколобый,
Мундир гусарский облегает стан.
«Чеченец зол, но той святою злобой,
Какую Бог прощает, капитан!»

Он говорил: «Взрастет на поле битвы
Не хлебный злак, а горькая полынь.
В чеченце боль, но места для молитвы
Не отыскать средь рухнувших святынь!»

Он говорил, глаза его горели,
Не человек, а демон во плоти.
«Чеченец смел, и нет такой шрапнели,
Нет пуль таких... О, Господи, прости!

Чеченец горд... Но это все не ново,
По крайней мере, было до сих пор!»
...Всю ночь во сне на Виктора Смирнова
Глядит поручик Лермонтов в упор.

ПОЛКОВНИК В ОТСТАВКЕ

У полковника в отставке
Скудноватый пенсион,
Дог в прихожей, кот на лавке
И японский телефон.

У полковника в отставке
Год не мытое окно,
Нелюбовь к трамвайной давке
И к военному кино.

У полковника в отставке
На углу в аптеке блат,
Дочь в каком-то местном главке
И поношенный бушлат.

У полковника в отставке
Две ноги, одна рука,
Орден, справка о поправке
И зеленая тоска.

У полковника в отставке
После двух чеченских лет
Появилась тяга к «травке»,
Тяга есть, а жизни нет...

СОТРУДНИК МИЛИЦИИ

Тех, кто погибли, считаю храбрее.

Г. Поженян

— Вся судьба их — горение! —
Про таких говорят.
Нет прошедшего времени
Для погибших ребят.

В захолустье, в столице ли,
В зной, метели и дождь
Шел сотрудник милиции
На обрез и на нож.

Шел сотрудник на выстрелы
Сквозь удушливый мрак,
Зная то, что не выстоять
Он не может никак.

Не за денежной премией,
Часто гол, как сокол,
Из прошедшего времени
В настоящее шел.

А зима нынче ранняя.
В день милиции — снег.
Всех погибших и раненых
Вижу часто во сне.

Память их в неизвестности
Не растает, как дым.
Павшим — царство небесное,
Честь и слава — живым!..

ОРДЕНА НА АТЛАСЕ

*Памяти лейтенантов милиции
В. Разгуляева, А. Карпушина, А. Си-
вагина, погибших 7 января 1995 г.
в Чечне при исполнении служебного
долга*

Грозовой черной тучею
Навалилась беда.
Что поделаешь — лучшие
Чаще гибнут всегда.

Дым над древней столицей
Выше горных вершин.
Лейтенантам милиции
Двадцать лет с небольшим.

Город с грозным названием
Превратился в погост.
Смерть лишила их звания,
Первых маленьких звезд.

Не положат их в госпиталь,
Не приедет к ним мать.
Справедливо ли, Господи,
В Рождество умирать?

На атласе три ордена
Алым цветом горят.
В день милиции, Родина,
Помолись за ребят!..

КРАСИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Памяти В. П. Ширяева

Когда уходит человек,
Мы смотрим в мир его глазами,
Его глазами видим снег,
Весенний дождь, разливы рек...
Но человека нету с нами.

А жизнь и в прошлом, и сейчас
Проходит суетно и странно.
Нет, не в отставку, не в запас
Уходят лучшие из нас,
Они всегда уходят рано.

Он был рожден, чтобы гореть
И петь на самой звонкой ноте.
Он так боялся не успеть!
Не может сердце не болеть,
Когда оно всегда в работе.

Идет к концу двадцатый век,
Спешит стомильными шагами.
Ушел из жизни человек.
Ушел красивый человек,
Чтоб навсегда остаться с нами.

1997

ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ ТРИПТИХ

I. ВСЕ ЭТО БЫЛО

И ночь в бушующем огне,
И день тревожных ожиданий
Приказов новых и заданий —
Все это было не во сне.

Апрельский дождик в тишине,
Страшной один другого слухи,
Проклятье сгорбленной старухи —
Все это было не во сне.

Старик в распахнутом окне
С почти бесцветными глазами
И толпы беженцев с узлами —
Все это было не во сне.

Безмолвный крик: «По чьей вине?»
И героизм высокой пробы —
Все это в имени Чернобыль,
Все это было не во сне...

II. СТАРИК

Упала птица. День угас.
Померк, потух иконостас.
«О, Боже святой!»
Кобель поднял истошный вой,
И ветер, словно домовой,
Метался в хате.

Закат над Припятью-рекой
Посыпал красною мукой
Безмолвный город.
Старик — воздушный, как перо, —
Пошел к колодезю, взял ведро,
Вращает ворот.

«Не знаю, буду ли живым,
Покуда ладим с домовым...»
Тоскливо деду.
Заката красная мука
Коснулась лика старика.
«Нет, не поеду!..»

III. ЛЕЙТЕНАНТЫ

Над станцией — дым, над станицей — туман,
К северо-западу — туч караван.

Белый туман и коричневый дым...
Сколько осталось вам жить, молодым?

О, если б можно увидеть врага!..
Меркнет сознание, слабеет рука.

О, если б можно увидеть рассвет!..
Сколько же вам той весной было лет?

Дочка глазенки потерла рукой:
— Мама, а папа наш, правда — герой?..

Тучи на северо-запад летят.
С тучами — светлые души ребят...

*Натолкавшись и наблудившись,
Все равно придем к красоте.*

Н. К. Рерих

Приметы времени

МАДОННЫ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Громяхая по улицам вечности,
Новый век начинает разбег.
Человека от бесчеловечности
Уберечь может лишь человек.

Я не барин, не раб и не стрелочник,
Я художник, и этому рад,
Но зверею от брошенной мелочи
В горсть старухе у Знаменских врат.

Восседают мадонны чумазые
На асфальте в кругу ребятни.
— Вы откуда, мадам?
— Из Абхазии!
— Ну а вы, госпожа?
— Из Чечни!

Моны лизы российской окраины,
Расскажите нам прямо сейчас —
Кто, какие жестокие каины
В волжский город забросили вас?

Рванный коврик у ног вместо скатерти
Заслоняет о прошлом мечту.
...Не Россия ли с улицы-паперти
Тянет руки свои в пустоту?..

ЧЕРНАЯ ПУЧИНА

*Памяти экипажа
атомохода «Курск»*

Похоронил двадцатый век
Под всхлипы северного ветра
На глубине сто восемь метров
Сто восемнадцать человек.

«Безумство храбрых...» Боже мой!
Стоит у Баренцева моря
Мать, поседевшая от горя,
И не звать ее домой.

Сияют в церкви образа,
Маня рабов своих покорных,
И ищут в ликах рукотворных
Опору женские глаза.

«Жестокосердный Бог морей,
Верни единственного сына!..»
...Ответом черная пучина
Не удостоит матерей...

Август 2001

ХУДОЖНИК

Художник нам изобразил
Глубокий обморог сирени.
О. Мандельштам

Посвящаю О. П. Отрошко

Рисуй, твори, художник,
Пиши в тиши, в глуши,
В подснежник, в подорожник
Вдыхай тепло души.

Рисуй стога и вишни,
Ворону на столбе.
Рисуй, пока Всевышний
Не требует к себе.

Рисуй потоки света,
Дорогу, Божий храм, —
Тебе зачтется это
И на земле, и там!..

ВАН ГОГ

Он был, конечно же, чудаки.
Любил, творил и жил он странно.
Его «поехавший чердак»
Сердил Гогена и Сезанна.

Курил он трубку, был он рыжий,
Любил Дега и Монтичелли.
Не знал ни Лондон, ни Париж
Его масла и акварели.

Худой голодный арльский Лель,
Он пьет вино, а в горле сухо.
Возьми же, глупая Рашель,
Его отрезанное ухо!

Зачем стреляться в тридцать семь,
Вон — как стрижи над полем вьются!..
Но в тридцать семь дано не всем
Заснуть, чтоб гением проснуться.

ДУША РОССИИ

Что в имени тебе моем?..

А. С. Пушкин

Как громко матушка кричала
И как отец не прятал слез,
Когда потомок Ганнибала
Пришел в сей мир борьбы и грёз.

Глаза и волосы, и брови,
И тонкость рук, и смуглость век —
Ну арапчонок кровь от крови,
И все же — русский человек!

Гордись, ликуй, страна Россия,
В твоей столице майским днем
Родился гений и мессия,
Пророк в отечестве своем!

В пути, в движении великом
Два века — пунктик небольшой,
Шажок... Поэт был темен ликом,
Но светел пылкою душой.

И хоть кого ни опроси я,
Любой ответит неспеша,
Что в этом имени — Россия,
Ее бессмертная душа!..

Май 1999

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

Раньше здесь громоздились бараки,
А теперь — небоскреб, как торос.
Говорят, наступил год Собаки.
Где же ты, беспородный мой пес?

Выходи, если жив, бедолага,
Покажись на глаза, «меньший брат»,
Почему не встречаешь, дворняга,
Как бывало три года назад?

Никаких здесь примет не осталось,
Лишь безногий мужик у пивной.
— Как проходит счастливая старость?
— Помирать буду этой весной!

— А Карат?
— Схоронили Карата!..
Жаль калеку, но чем тут помочь?!
...От «веселых» речей и от мата
Ухожу, дав три «стольничка», прочь.

У подъезда старухи-зеваки
Проглядели глаза в полутьму.
Говорят, наступил год Собаки.
Пусть не будет он годом Муму!..

Январь 1994

БОЛЬ

Он пришел, сказал три слова
Равнодушно, как всегда:
— Дорогая, ты здорова?
Ты в ответ спокойно: — Да.

Все пристойно, честь по чести,
Ты — хозяйка, он — не гость.
Третий отпуск вы не вместе,
Третий год вы как бы врозь.

У него есть помоложе,
У тебя моложе нет.
На супружеское ложе
Ты ложишься, гашишь свет.

Кто поймет твои страдания,
Разрывающие грудь?
Мужа ровное дыхание
Не дает тебе уснуть.

Утром встанет он и снова,
Выпив чай, произнесет:
— Дорогая, ты здорова? —
Чмокнет в щеку и уйдет.

Ну а ночью вновь — о, боже! —
Будешь звать с мольбою сон...
У него есть помоложе.
У тебя есть только он.

ЗИМНИЕ ГРЕЗЫ

Опять морозы завернули,
Опять белым-белы снега,
А ты мечтаешь, как в июле
Поедешь снова на юга.

На муженьке своем постылом
Поставлен крест, ушла любовь.
За что же первый раз побил он?
Кажись — за мамку, за свекровь.

А и делов-то — попросила
Пореже в гости приезжать...
Сначала — в рев, потом простила,
Куда деваться — мать есть мать.

Потом все планы и задумки
Вдруг отошли куда-то в тень,
Потом прикладываться к рюмке
Привыкла каждый божий день.

Потом... В немислимом разгуле
Свистит за окнами пурга,
А ты мечтаешь, как в июле
Поедешь снова на юга.

ОДИНОЧЕСТВО

Конец зимы. Метельная погода.
Беззубо печь зевает в темноту.
На Рождество исполнилось два года,
Как младший сын уехал под Читу.

«Холодный город, даже по названию,
Да в лагерях, слыхала, как в кольце,
И перебои, видимо, с питаньем —
Одни глаза остались на лице.

А все она! — сманила, повязала,
Околдовала парня... Эх, беда!
И что ей, бабе-дуре, не хватало,
Засуетилась — было бы куда!..»

И мать, заткнув за пояс рукавицы,
Идет во двор дровишек наколоть.
А в голове мелькают мысли-птицы:
«Сынок-сынок... Спаси тебя, Господь!..»

ИЗБАВИ БОГ!

Мне не прожить без вас и дня,
При вас же время быстротечно.
Я буду к вам стремиться вечно...
Избави, Бог, вас от меня!

Летите в жизнь свою, звеня
Любовью, молодостью, смехом,
Влюбляйтесь, пользуйтесь успехом...
Избави, Бог, вас от меня!

Я избежал того огня,
Испепеляющего разом,
Преобладает в чувствах разум...
Избави, Бог, вас от меня!

Я буду жить, себя кляня,
Но не пойду я вам навстречу,
А и пойду, так не замечу...
Избави, Бог, вас от меня!

ПЯТЬ КИЛЛЕРОВ

Живут пять киллеров в одном
И том же человеке.
С одним ты ходишь за вином
В палатку у аптеки.

С другим ты кушаешь пирог
С грибами или рисом.
А с третьим мчишься со всех ног
К молоденьким актрисам.

Потешив плоть и душу всласть,
Закончив шуры-муры,
С четвертым ты спешишь во власть,
Во все ее структуры.

А с пятым киллером всю ночь
Подсчитываешь «штуки»,
И возмущенно гонишь прочь
Души усохшей звуки.

...Живут пять киллеров...

У БОГАТОГО ЕВРЕЯ

— Не в деньгах, конечно, счастье! —
Говорит богатый жид.
Жид, лишившись в одночасье
Власти, голосом дрожит.

Софа — нежная подруга
И бесценный секретарь
Говорит: — Живется туго,
Многовато наглых харь!

Софе Ваксман — девятнадцать,
Софочка — жена и мать:
— Не успеешь подниматься,
Если каждому давать!..

— Рвут, как ястребы, на части! —
Прерывает Софу жид.
— При Советской-то при власти
Положил свое — лежит!..

— Угрожают, паразиты,
Мол, жену твою, еврей...
— Софа, карты наши биты,
Нет в колоде козырей!..

— Пристегнут за батарею,
И скули, как пес, всю ночь!..
...Нынче бедному еврею
Вряд ли можно чем помочь!..

ДВОРНИК ФИМА

Маши метлой, печальный дворник,
Блатную песню тихо пой.
Я отстегну тебе во вторник
Рублишек сорок на пропой.

«Жизнь пронеслась, начальник, мимо,
Вчера был шах, сегодня — мат!..»
А я прекрасно помню, Фима,
Каким ты был шесть лет назад.

В глазах — огонь, и кровь, как брага,
Красив, талантлив, денег — воз,
В прихожей — дог, в душе — отвага,
Сосед — сговорчивый завхоз.

Но не сложилось где-то что-то,
Подвел иудина-сосед, —
Не стало банковского счета,
Пошел отсчет тюремных лет.

«Шестеркой» сделали на зоне
И кличку выдали — Пьеро,
У них, которые «в законе»,
Не забалуешь, враз — «перо»...

Потух огонь, прокисла брага,
Лицо в морщинах, денег нет.
В душе — тоска, в сенях — дворняга,
За стенкой — кляузник-сосед.

...Маши метлой, угрюмый дворник,
Сметай в газон свои мечты.
Через четыре дня, во вторник,
Ты будешь пить до тошноты...

КРЕСТ

В душе разор,
а в мире красота.

Б. Чичибабин

С каждым годом слышу чаще
Голос-зов родимых мест,
Подает его блестящий
На стене висящий крест.

То тревожно, то напевно
Крест свой голос подает.
Семь десятков лет в деревне
Без креста живет народ.

Пот в земле, кровь и слезы
Честных, умных, дурачья.
Жалко спиленной березы
У засохшего ручья.

Ранним утром и под вечер
Над рекой стоит туман.
Говорили — путь наш вечен,
Оказалось — все обман.

Чем гордиться — перестройкой?
Что ругать — партийный съезд?
...Словно меч висит над койкой
Нецелованный мой крест.

1993

НЕ ДАЙ НАМ БОГ!

Матери К. И. Гусевой

Я вижу свет на самом окоеме,
Зовет к себе он, словно человек.
Горит лампада в деревенском доме,
Где доживает женщина свой век.

Я поменял грунтовую дорогу
На сто больших асфальтовых дорог.
Я в сорок лет вдруг начал понемногу
Осознавать, что есть на свете Бог.

Я к этой вере шел через ошибки,
Через крутой душевный перелом.
Я в сорок лет вдруг вспомнил без улыбки,
Как осеняла мать меня крестом.

Я не кляню свои земные галсы
И никого на свете не виню.
Я в сорок лет вдруг сильно испугался,
Что опоздаю к вечному огню.

Стою один в неоскверненном храме,
Не в силах трепет сердца побороть.
Горит свеча. Я возвращаюсь к маме.
Я ей скажу: храни тебя Господь!

Я сочиню хорошие стихи ей,
Она тепло посмотрит на меня.
Не дай нам Бог, застигнутым стихией,
Не дотянуть до вечного огня!..

Прошлое — родина души человека.
Генрих Гейне

Праздник Покрова

Поэма

Часть I

ДЕТСТВО

Я в этой жизни все приемлю:
Жару и холод, тьму и свет,
Цветы и камни, небо, землю...
Мне завтра — сорок девять лет.

Когда последней шаткой сходней
Пойду, — сгребу остатки сил,
И буду этот мир господний
Благодарить за то, что жил.

Перекрещусь на город древний,
На Параскеву, на Илью,
Последний раз пройду деревней,
Воды колодезной попью.

Перекрещусь три раза кряду
На летний дождик, на мороз
И на могильную ограду
У трех задумчивых берез.

Я удержу сознанием слезы,
Но сердцем слез не удержать...
У той, что выше всех, березы
Я вижу вновь отца и мать.

Отец — в солдатской гимнастерке,
На маме — кофточка в реглан.
А там, за ними, на пригорке
Стоит вихрастый мальчуган...

Да, были старые часовни,
Напоминавшие калек,
И сеном пахнувшие дровни,
И в дегте ступицы телег.

Был долгий путь за керосином,
Был финский ножик на ремне,
Стрельба из лука за овином
И игры в жестку на гумне.

Я помню все: как спозаранку
Бежал вприпрыжку к пастухам,
Как с дядькой Мишей драли drankу,
Как стригли шпоры петухам.

Как в Пасху пьяная бабенка
С забавным именем Фома
Так напоила поросенка,
Что напугалась и сама.

Потом смеялись больше года, —
Так ведь и было от чего...
Турнепс с чужого огорода
Казался слаще своего.

На Спасов день и на Успенье,
На Троицу и на Покров
Поры военной поколенье
Больших наламывало дров.

Дрались, чем попадая, ребята:
Кто пряжкой жахнет, кто колом,
Кто длинной ручкой от ухвата,
Кто цепь возьмет, а кто и лом.

Подравшись, пили самогонку,
Курили крепкий самосад.
Однажды мне, еще ребенку,
Налили граммов пятьдесят.

Два дня крутило и вертелo,
Болел от вывертов живот.
Отец сказал: «Питье — не дело
И до добра не доведет!»

А был Покров, мой день рожденья.
Когда утихла муторня,
Пришло под вечер сообщенье,
Так удивившее меня.

Иван Михайлович Опарин,
Ветврач, сказал, даря цветы:
— В один день с Лермонтовым, парень,
Имеешь честь родиться ты!

А дни, как ангельские птицы,
Летели, крыльями шурша,
И стала рваться за границы
Родных полей моя душа.

Меня вперед толкали ветры,
Летящие с седых морей,
И растворялись километры
Вокруг провинции моей.

До слез любил я «поголовье»
Коров, телят, овец и коз,
А лес любил такой любовью,
Что целовал стволы берез.

Любил умчаться за грибами
В свои заветные места,
Налимов голыми руками
Ловил у старого моста.

Я бегал в школу на уроки
За пополнением ума
Под стрекот взбалмошной сороки,
Которой кличку дал — Кума.

Я приближался к ней с частушкой,
Где мне хотелось полетать.
Она была моей подружкой
И в снег, и в дождь, и в тишь да гладь.

Что — девять лет? — совсем мальчишка,
По всем параметрам — малец,
Но одноствольное ружьишко
Уже доверил мне отец.

И я чуть свет с собакой Люткой,
Покинув душный сеновал,

Ходил за зайцем и за уткой,
Но только «ноги убивал».

Зимой однажды видел волка,
От страха — двинуться не мог,
Забыв, что рядом одностволка,
Потом — в деревню со всех ног.

Десятилетним мальчуганом
Я всей округе был знаком, —
Не стал отпетым хулиганом,
Но слыл большим озорником.

«Опять пошел, как черт по бочкам! —
Бранилась мать. — Запру в подвал!»
Зато «учительским сыночком»
Меня никто не называл.

Тонул, но спас какой-то парень...
Я помню тот печальный год:
В апреле — в космосе Гагарин,
А в мае — полный разворот.

«Мы едем в город... Жить... Так надо...»
Прощай, колодезный журавль,
Прощайте лес, поля и стадо;
Я уезжаю в Ярославль!

Прощайте, клены и березы,
Прощайте, школа и река,
Свои непролитые слезы
Не покажу я вам пока!

Прощай, сорока-белобока, —
Другой мальчишка через год,
Сбежав с последнего урока,
Тебе частушку пропое!

А я вернусь еще, приеду,
На все вопросы дам ответ!
...В Покров, пятнадцатого, в среду
Мне стукнет сорок девять лет!..

Часть II

ТВОРЧЕСТВО

Читатель мой добросердечный!
Над лошадьми расправив плетъ,
Я мчал по жизни быстротечной,
Желая многое успеть.

Моя дороженька в начале
Была спокойна и светла,
Но утолить тоски-печали
Она, такая, не могла.

И понесло меня, как шепку,
Среди теснин, ушей, гор.
Но, наконец, побитый крепко
Я все же выплыл на простор.

И, обхватив башку руками,
Поникнув ею ниже плеч,
Вдруг ощутил, что лишь стихами
Смогу я душу уберечь.

И появилась жажда слова,
А вместе с жаждой — гонор, прыть,
Но Ольга Павловна Крылова
Не позволяла «воспарить».

И все же творческие силы
Мне всколыхнула не она, —
Та — оттащила от могилы,
Отбив у водки и вина.

Я шел неведомой дорогой,
Искал свой жанр, манеру, стиль
И видел, как мой стих убогий
Летит в редакциях в утиль.

Я рисовал в стихах картины,
Где было золото осин,

Но вовсе не было причины
Воскликнуть: «Ай да сукин сын!»

От всех шлепков, пинков и ссадин
Я не споткнулся, не угас,
И постепенно путь был найден —
Через Голгофу на Парнас.

Летели дни, я постепенно
Вникал в «святое ремесло»...
Хочу признаться откровенно —
С учителями повезло.

Я ловко плел венки сонетов,
И вряд ли был большой сюрприз,
Когда на конкурсе поэтов
Завоевал я первый приз.

Я помню трепет и волнение,
Когда, родив двенадцать строк,
Вдруг понял: это — вдохновение
И ниспослал его мне Бог.

Поосмелев, расправив плечи,
Я резво двинулся в народ:
Концерты, творческие встречи,
Восьмое марта, Новый год...

Я приходил на выступленья
За полчаса, а то за час.
Успехи были и паденья,
И был набор нелестных фраз.

В одном салоне на «пятерке»
От уважаемых гостей
Подвергся я такой литпорке,
Что нынче слышу свист плетей.

Слетали гонор, самомнение,
Ушел, исчез тщеславный зуд.
Я понял, что стихотворенье —
Не только праздник, но и труд.

Я был подобен скалолазу,
Одолевающему склон.
Слагались вирши по заказу —
От свадеб и до похорон,

От рядовых до генералов,
От мэров и до слесарей, —
Не жизнь, а шторм в двенадцать баллов
В одном из северных морей.

Порою душу с потрохами
Штормяга этот вытрясал.
Но «паровозики» стихами
Я никогда не называл.

Боязнь студийных микрофонов
Тактично, вежливо помог
Преодолеть А. П. Платонов —
Эфирный ас, поэт и Бог.

Но я был, в сущности, мальчишкой
Весьма уверенным в себе,
Поскольку с каждой новой книжкой
Ждал изменения в судьбе.

Но ничего не изменялось,
Все также день сменяла ночь.
Тоску, отчаянье, усталость,
Не подпуская, гнал я прочь.

Однажды, как бы ненароком,
Один талантливый худрук
Сказал: «Не тшитесь быть пророком
В своем отечестве, мой друг!»

Остыв немножко на морозе
Той мудрой фразы худрука,
Я посвятил полгода прозе,
Пока не дрогнула рука.

Пока рифмованные строки
Не навестили вновь меня,
И я их встретил на пороге,
И мы присели у огня.

И поклялись всегда быть вместе,
И, как положено, до дна
Махнули дружно грамм по двести
Не очень крепкого вина.

И я сказал, что нашим узам
Ничто на свете не грозит.
А раскуражившимся Музам
Поставил, так сказать, на вид.

Напомнил им о дисциплине,
О том, что можно, что нельзя...
Я полагаю, что отныне
Мы неразлучные друзья!..

Часть III

СОН

Стою один на остановке,
Как мистер Армстронг на Луне.
И вдруг в замурзанной спецовке
Подходит... Лермонтов ко мне.

От удивленья и волненья
Я онемел, а он изрек:
— У нас ведь завтра день рожденья,
Купить бы надо пузырек!

И начал хлопать по карманам,
Ругая власть, автобус, ночь,
Затем сказал: — А не пора нам
Пройтись немного? Ты не прочь?..

Шагаем бодро по Свободе, —
Аптека, цирк, универсам...
— Вот мой Евгений на свободе! —
Смеется Лермонтов, а сам

Спешит к железному киоску,
Берет вина: — Для куражу!
Сегодня в стельку буду, в доску!
А ты поддержишь!
— Поддержу!

Заходим в дом, квартира — двушка,
На стенах — шашки, мундштуки,
В углу — персидская подушка...
— Что, нагулялись, мужики?

Как с неба — юная бабенка,
Причем — красавица, из прим.
И вновь поэт смеется звонко:
— Мой шестикрылый Серафим!

Сидим втроем, трещат поленья,
Камин-очаг наводит грусть.
— А ваши все стихотворенья
Я с детства знаю наизусть!

— Читать не надобно сегодня, —
Прервал хозяин, хмуря глаз, —
На все есть волюшка господня,
Не до поэзии сейчас!

Я не боец, рожден не хватом,
Мне трудно спорить с веком зла, —
Вчера один редактор матом
Послал... Такие вот дела!

— Что вы сказали? Матом? Вас?
Тогда скорее одеваться, —
Сию минуту, сей же час —
На Богдановича, шестнадцать!..

Поэт остался недвижим,
Лишь улыбнулся чуть устало,
А «шестикрылый Серафим»
Вздыхнула так, что сердце сжало.

Поэт — конфузливо: — Да нет,
Я не обиделся... Но все же

С веселым именем Поэт
Нельзя расстаться нам, не гоже.

Ведь лишь ему Всевышний дал
Беречь, спасать людские души.
Но жлоб взошел на пьедестал
Над всей шестою частью суши.

Я у-ста-рел!.. А молодежь
Меня давно уже забыла.
Нет, на стихи не проживешь! —
Опять смеется:
— В плавках сила!

Металлургический гигант
Мне стал Голгофой и Парнасом,
И я готов отдать талант
За черствый хлеб и кружку с квасом!

— Товарищ Лермонтов, эх вы! —
Реву, как барс в горах Тибета, —
Вы стали жертвою молвы,
Восстаньте против мнений света!

Я помогу, я офицер,
Мы завтра ваши все проблемы...
— Да не могу я про трансфер
И про секвестр слагать поэмы!

Ну что тут скажешь? Гений прав!
Встаю: — Но есть еще другое:
Есть плеск волны, есть шелест трав,
Есть Пушкин, Бах, Бетховен, Гойя!

При слове «Пушкин» встал поэт
И «Серафим» вскочила тоже.
— Уж два столетия, как нет,
А он все ближе и дороже!

Он залпом выпил свой стакан
И загрустил. И стало видно,
Как он красив, как гибок стан
И как... И как ему обидно!

— Налей-ка, Настенька, вина,
Пусть озарится новым светом...
— Голубчик, — молвила жена, —
Прошу закончить вас на этом!

— Прости, мон шер, я виноват!
Тогда возьми-ка мандолину,
Да спой про розовый закат
И про безмолвную равнину.

Напомни, как кремнистый путь
Блестит в лучах звезды далекой.
Еще, мой ангел, не забудь
Нам спеть про парус одинокий.

Мы будем слушать в тишине
Твой голос нежный и хрустальный.
— Не по-ой, красавица, при мне
Ты пе-есен Грузии печальной...

— Ах, Пушкин, Пушкин...
В этот миг
Меня толкнули резко в спину.
— О чем задумался, мужик? —
Спросил подвыпивший детина.

Неделикатный этот слон
Был в старой выцветшей спецовке.
...Ах, боже мой, какой был сон,
Осенний сон на остановке!..

Часть IV

СТАРИКИ

Порвав с деревней пуповину,
Я полюбил другой простор,
Но городским наполовину
Себя считаю до сих пор.

Иду по улице Свободы,
Как будто Тойминой плыву.
Купил рубашку в Доме моды —
В такой бы мне ловить плотву.

Так и живу. Но половины,
Бывает, сходятся в одно,
Когда на риги и овины
Гляжу в вагонное окно...

А вот и станция. К платформе
Старик подходит неспеша.
— Ну, как делишки-то?
— Все в норме!
— А похудел ты, мил-душа!

— Толстеть-то некогда, к тому же
Я по характеру — спортсмен!
— Ну, это, слышь ты, и не хуже.
А как насчет зарплаты, цен?

— Да цены — что, а вот зарплата...
— Но ты еще ведь и поэт, —
В газете вижу — то стишата,
То книжку выпустил на свет!..

За любопытство дядьку Колю
Не осуждаю, через час
Наговорится старый вволю
И будет все тип-топ у нас.

«Тип-топ» — такая приговорка
У дядьки Коли с давних лет...
Дорога — змейкою с пригорка.
Вот и деревня. В окнах — свет.

— Встречай пропавшего-то, Марья! —
С порога грянул Николай, —
Для поцелуев нынче стар я,
А ты уж, это, налетай!

Прижался телом к бабке Мане
И слезы брызнули из глаз.

— А я уж думала — обманешь,
Не залетишь и в этот раз!

— Ну, хватит, хватит, птичье племя,
Чего зазря мочить глаза! —
Старик, почесывая темя,
Присел в углу под образа.

Винишку оба были рады.
Дед Николай надел пиджак,
Где были все его награды.
— Стопарь-то хлопнешь или как?

Текут часы за разговором.
— Что в городу-то, много дел?
— Скажи-ка лучше — что с Трезором?
— На той неделе околел!

Хворал, бедняга, ровно сутки,
Потом преставился без мук.
— А кем приходится он Лютке...
Кем приходился то есть?
— Внук!

У бабки Мани взгляд печальный,
Дрожат и голос, и губа.
— Слыхала, будто ты начальник?
— Нет, баба Маня, не судьба!

— Да и не надо, ну их к шуту!
Вон, поглядишь, так жуть берет...
— Не по тому ты, мать, маршруту
Людей уводишь от забот!

Дед Николай достал газету,
Потертый выцветший кисет.
— Хотел, однако, бросить к лету,
Да силы воли, видно, нет!

— Тебе бы лучше бросить водку! —
У бабки Мани строгий вид.

— Нет, под хорошую погоду
Стопарь-другой не повредит!

— А как ты хошь на триста тысяч
Прожить-то, старый ты нахал?..
Старик, огонь пытаюсь высечь
Из зажигалки, проворчал:

— А, проживем, не то бывало,
Все образуется тип-топ!
Ты принесла бы лучше сало,
А то жуем один укроп!

Дед Николай, чадя махрую,
Достал пакет какой-то: — Слышь,
Сейчас секрет тебе открою,
Держись за то, на чем сидишь!

Смотрю на выцветшие снимки,
В свой пятьдесят девятый год:
Валерка, я, Алена, Димка —
Неунывающий народ.

— У Алки — трое ребятишек,
Валерка — в городе, завхоз,
Ты — написал штук десять книжек,
А вот у Димки — перекося.

Не видел трезвым уж полгода,
Жену оставил, обормот.
С тех пор, как выгнали с завода,
Без перерыва пьет и пьет.

Вчера опять поставил брагу,
Да не удержится и дня...
— Устала я, пойду прилягу,
А вы уж тут без меня!

Перекрестив нас, бабка Маня
Ложится тихо на диван.
— Нет, надо жить, не хулиганя,
И не хвататься за стакан!

Гляжу на дедовы медали,
Маршрут войны: Москва — Белград.
— Что, постелить на сеновале?
— Где ни постелешь, буду рад!

Угас, растаял день осенний,
Все небо в звездном серебре.
Да, «Анну Снегину» Есенин
Писал, наверно, в сентябре.

Такой бодрящей душу силы
В другое время года нет.
В России, только лишь в России
Родиться мог такой поэт.

И забродили в сердце строки,
И запросились выйти вон.
...А может, не было сороки,
А то, что было — только сон?

Где сорванец с двумя вихрами,
Куда унес его Пегас,
В каком подъезде или храме
Стоит он в этот поздний час?

Где ходит он по белу свету,
С кем говорит, с кем пьет вино?..
Дороги к школе больше нету,
Поскольку школы нет давно.

Блестит под звездами бетонка,
Стоят безмолвно тополя.
Не спит родимая сторона,
Болеет отчая земля.

И эта хворь родной землицы
Идет за мной повсюду вслед.
— Старик, а где мне помолиться?
— А прямо здесь! — ответил дед.

Часть V

ГОРОД

О, древний град! О, город юный!
Ты красоты и мощи сплав,
Тебя под гуслей голос струнный
Воздвиг на Волге Ярослав.

Тебе, тебе с лесной опушки
Уже вторую тыщу лет
Звонкоголосые кукушки
Шлют свой бесхитростный привет.

Ты мой форпост, моя обитель,
Где негасим и ярок свет,
Я твой солдат, твой покровитель,
Твой летописец и поэт.

И пусть я родом из деревни,
Но заявить сегодня рад:
Люблю тебя, мой город древний,
Люблю тебя, мой юный град!

Люблю тебя без глупой лести
За непокорную главу,
За то, что мы с тобою вместе
В тревожных снах и наяву.

Люблю за храм Ильи Пророка,
За церковь Спас-на-городу,
За то, что мне простил до срока
Грехопадений череду.

За купола Богоявления
Люблю тебя, мой город-храм,
За первое стихотворенье
И на душе последний шрам.

Я не любить тебя не в силах,
Здесь мой театр, мой институт,

Здесь на родительских могилах
Цветы неяркие цветут.

Я знаю, самым высшим саном
Вознаградит тебя судьба.
Медведь-защитник с протазаном
Глядит уверенно с герба...

Стою под Знаменскою башней, —
Песчинка, слабый человек, —
И вижу новь и день вчерашний,
Грядущий век, и прошлый век.

Отсюда, с этого Монмартра,
С киосков, с выставки картин
Ты раскрываешься, как карта,
Мой светлый город-исполин.

Твои теснины и просторы
Я знаю все наперечет.
И день, и ночь под светофоры
Река машинная течет.

Люблю смотреть на эти реки,
Несущие столь быстрый лед.
...А вот от Власьевской аптеки
Иван Захарович идет.

— Взираешь, как на инородца! —
Весь облик Сурикова строг.
— А что, «Рябина»-то, поется?
— Поется, как же!
— Дай-то, Бог!

Пожали мы друг другу длани
И разошлись, — гуляй душа...
Навстречу, видимо, из бани
Идет мужчина неспеша.

Подходит. Трефолев? Конечно!..
Минут, примерно, через пять
Мы попрощались. Он неспешно
Пошел «Дубинушку» писать.

Вдруг слышу речь: — Без выкрутасов
Глаголом надо жечь сердца!..
Неужто — он? Ну да — Некрасов,
Журит какого-то юнца.

— Изведать надо быт крестьянский!..
Тут я заметил четверых:
Сурков, Ошанин, Марк Лисянский
И с ними Маша Петровых.

Глаза печальны, лица строги,
В упор вопросы задают:
— Ну, как «Землянка»? Как «Дороги»?
А «Гимн Москвы» еще поют?

Я рассказал, как в юбилее
Столицы — каждый божий день
Их пел народ, — повеселели,
Сошла с великих ликов тень.

Зашел в кафе. Там — братский ужин.
И вновь известных земляков
Я вижу: Волков, Опекушин,
Толбухин, Блюхер, Ушаков.

Спустилась тьма на древний город,
В мой юный город ночь пришла.
За воротник прокрался холод.
— О, как мне эта ночь мила!

Савинов!
— Здравствуйте, дружище!
Уж извините старика.
Через опушки и огнища
Я шел сюда издалека.

Все дело в том, что здесь девчонка
Жила когда-то, и она,
Как ярославская сторонка,
Была красива и стройна.

Ты спой мне, тезка, песню эту,
А я подпеть тебе готов, —

Поэту, русскому поэту
Нельзя без песен и стихов!..

Мы разошлись часа в четыре.
На пару дней? На год? На век?
Мне стало жаль, что в этом мире
Так хрупок телом человек.

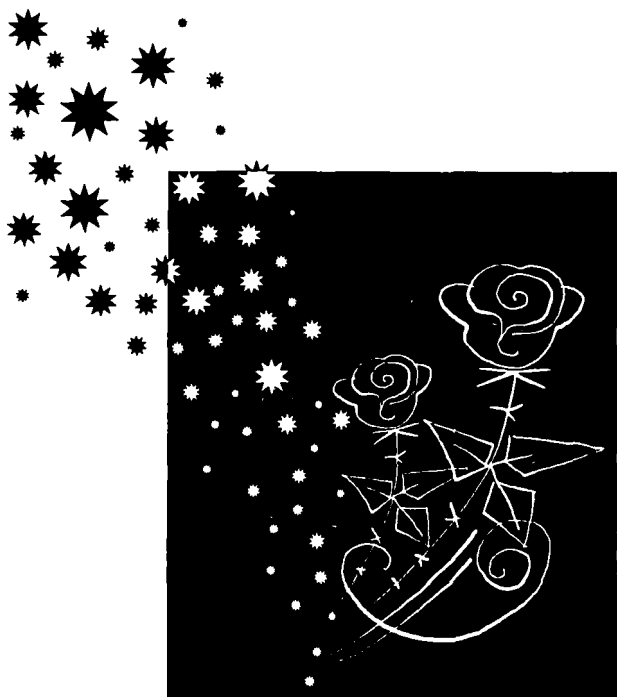
И вдруг на северо-востоке
На чутко спящие поля
Златые брызнули потоки
И улыбнулась им земля.

И я увидел весь свой город,
Увидел, словно первый раз,
Как он величественен, молод,
Красив и в профиль, и анфас.

И почему-то вспомнил детство —
Стога, колодезный журавль...
...Всего одно лишь знаю средство
От всех невзгод — мой Ярославль!..

14 октября 1997 г.

*Другу и учителю
В. К. ЕВДОКИМОВУ*

Визит к даме

Рассказы

ПРОЗА ЖИЗНИ

В кабинет директора Бликина без стука ворвался молодой человек в расстегнутом кожаном пальто.

— Вот... Принес... — сказал он, переводя дух, и положил перед редактором исписанный черным фломастером лист бумаги.

— Что это? — спросил Бликин, недовольный бесцеремонностью посетителя.

— Стихи, естественно, — в свою очередь грубовато ответил парень, не уловив ожидаемого интереса в словах редактора. — Проба пера, как говорится. Наболело.

— Ах, вот как! — окончательно поскучил Бликин. — Пишете, значит?!

— Да вы читайте, читайте, — с плохо скрываемой обидой проговорил обладатель кожаного пальто.

— Так вы хоть бы на машинке напечатали, а то... — не сдавался редактор.

Но пришелец его оборвал:

— На машинке деньги печатают, а это стихи. Сти-хи. Поняли?

И когда его «поняли», удовлетворительно кивнул и закурил сигарету. В клубах дыма некурящий Бликин начал разбирать корявые строчки, поминутно поправляя, вставляя или зачеркивая буквы. Взору предстало следующее:

Я вышел ночью из дверей,
На то была причина.
— Снимай пальто, да поскорей, —
Сказал в дверях мужчина...

Бликин поднял улыбающееся лицо на автора:

— Это вы называете стихами? Извините, как вас?..

— Лева. Азадов. А что, рифмы нет, что ли?

— Да нет, рифма как раз есть, но...

— Тогда читайте дальше, — решительным жестом остановил редактора Лева.

Бликин опять углубился в чтение.

Мужик на левое плечо
Кладет мне сразу лапу

И говорит:
— Ну че ты, че,
Снимай часы и шляпу...

— Нет, я не буду читать это дальше. — Бликин решительно отодвинул от себя лист. — Какие-то «че», «лапу»... Да вы хоть думаете, что... Да вы хоть знаете...

— Да знаем, знаем! — поморщился автор. — Учились понемногу чему-нибудь!

Затем резко навис над Бликиным всей своей пахнувшей кожей фигурой и торжественным шепотом изрек:

— Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан! Слыхали? Так вот, я — пишущий гражданин!

— Ну знаете...

Лев Азадов после довольно продолжительного молчания, испепеляюще взглянув на редактора, встал и выбросил в форточку сигарету.

— Нет, это даже интересно! Ведь это жизнь! Жизнь, понимаете?... Эх, да что вы понимаете! — с горьким сожалением проговорил он, глядя на розовую лысину редактора Бликина. — Это вам не буря мглою небо кроет, не ласточка с весною... Ладно, разберемся!

Азадов сгреб лист бумаги со стола Бликина, сунул его куда-то за пазуху и хлопнул дверью.

Дней через пять Бликин возвращался домой из командировки. В подъезде, как это часто случалось в последнее время, не было освещения. Отыскивая в темноте перила и ступени, редактор почувствовал, что в подъезде он не один. Неприятная дрожь, начавшаяся в области шеи, побежала по спине, ногам и остановилась в пятках. Бликин не выдержал и хриплым от волнения голосом спросил в темноту:

— Здесь кто?

— Я в кожаном пальто! — эхом отозвалась тьма подъезда.

Бликин сразу узнал голос Азадова, но радости от этого не испытал. Вспомнились ему Азадовские строчки:

Мужик на левое плечо
Кладет мне сразу лапу...

Когда могучая Левина рука легла на хрупкое плечо редактора, тот хотел сказать: «Ну че ты, че», но не сказал, а начал снимать пальто. Затем он снял часы и шляпу. В голове крутилось:

Я вышел ночью из дверей,
Была на то причина...

ЖЕНА ЗАМПОЛИТА

Только летом и только в деревне вечерами к людям приходит такая тихая грусть, от которой хочется плакать. Но и жить, конечно, хочется тоже. Хочется поделиться с кем-нибудь своими мыслями, раскрыть душу, пооткровенничать.

В такой вечер, когда июльская жара начала спадать, на свежеструганных бревнах у невысокого сруба сидели трое. У ног каждого стояли плотницкие ящики с собранным в них инструментом. Курили. Разговаривали.

— Вот дай мне сейчас миллионов сто, — говорил один, лет сорока, с прокопченным на солнце лицом, затыгиваясь «козьею ножкой», — скажи — езжай в город, — не поеду!

— А чего не поедешь-то? — с лукавой усмешкой спрашивал его молодой парень в клетчатой рубашке. — С такими миллионами?

— А на кой они мне хрен, твои миллионы, сдались, — беззлобно отвечал копченый. — Чего сегодня на них купишь-то? Говорят, буханка хлеба скоро пять тыщ стоит будет!.. Вот тебе и миллионы!

— Машину купишь! — не унимался молодой. — «Тойоту»!

— Ну, правильно! — в тон ему ответил сорокалетний. — Куплю «Тойоту» ездить по болоту! Потом куплю «Мерседес» и поеду на нем в лес!..

— Петрович, да ты у нас поэт! — засмеялся молодой, показывая белые ровные зубы.

— Я-то поэт, а вот ты сейчас по ушам схлопочешь! — потерял терпение Петрович, оглядываясь вокруг в поисках какого-нибудь предмета. — Сейчас я тебе, звонарю...

— Да не заводитесь вы, ну вас! — прикрикнул на них третий, пожилой мужчина, так же пробитый солнцем, в полинявшей до белизны армейской рубаше и галифе старого образца. — Нашли об чем языки трепать!

Помолчали.

Вставать не хотелось.

Молодой искоса посмотрел на товарищей.

— Дядь Леш, а об чем сейчас языки-то трепать? — обратился он к пожилому. — О политике, что ли? Так уж

до отрыжки она по телику надоела. Я думал, что хоть жить лучше будем, когда... этих-то... депутатов-то выбрали... Ну, выбрали! Ну, и чего?..

— Степаныч, дай-ка мне шархебель, я ему объясню — «чего»! — копченый протянул руку к ящику с инструментами.

— Сам ты шархебель! — обиделся молодой. — Чуть чего, сразу — «шархебель»!.. Деревня и есть деревня!

— А ты городской?

— Городской не городской, а больше тебя понимаю в этом!

— В чем?

— В этом!

— Ну в чем в этом-то?

— В жизни! — с вызовом ответил молодой и обидчиво отвернулся.

Копченый некоторое время с удивлением смотрел на него, потом сказал, обращаясь к пожилому:

— Ты понял, Степаныч?! Он, сопля зеленая, больше нас с тобой в жизни понимает!.. Нет, пожалуй, я ему все-таки выпишу наряд!

— А я не сказал, что с дядей Лешей! — возразил молодой. — Я только тебя имел в виду!..

Копченый резко встал и схватил молодого за воротник рубахи.

— Отставить! — неожиданно звонким голосом выкрикнул пожилой. — Всем сесть!

Копченый отпустил воротник рубахи и нехотя сел на бревно, продолжая зло смотреть на молодого.

Молча закурили. Копченый с пожилым — махорку, молодой — сигарету с фильтром.

— Во, и курит-то, как баба! — съехидничал копченый, дымя в сторону молодого.

— Пошел ты! — отреагировал тот.

Помолчали.

— Живал я в городе-то, — неожиданно произнес пожилой. — Было дело.

Двое с интересом поглядели на него.

— Это когда же? — спросил копченый. — В молодости, что ли?

— В молодости, Миша, в молодости, — с грустью сказал пожилой и затушил самокрутку. — Ладно, потом расскажу!..

— Дядь Леш! — взмолился молодой. — Не надо потом! Сейчас расскажи! Ночь ведь не усну. Вы меня знаете!

Пожилой ласково посмотрел на парня, хлопнул себя по коленям и решительно сказал:

— Ладно! Насыпай, Миша, тогда еще табачку! Расскажу я вам одну историю!

Снова все закурили.

— Было это, значит, году... дай Бог памяти... в шестьдесят первом. При Никите еще. Ну, Гагарин в том году в космос полетел. И тогда же меня направили служить в штаб округа. Не каждому старшему лейтенанту, едрена корень, такая лафа выпадает, а мне пофартило. Правда, я тогда документы в академию имени Фрунзе уже подал. Карьера, в общем, едрена корень, корячилась мне капитальная...

На слове «карьера» копченый хмыкнул и хитро покосился на рассказчика. Тот почувствовал недоверие, но продолжал говорить с той же спокойной интонацией. Но теперь уже больше обращаясь к молодому:

— Штаб нашего округа располагался прямо в городе. Тут и склады, значит, и все такое...

Степаныч помолчал, как бы набираясь сил перед решительным броском, смахнул пепел со своих линиялых галифе и продолжал:

— Ну вот! Приходит, значит, однажды бумага из академии. Вызов, значит. Требуют прибыть на экзамены со всеми для того документами. А главное, едрена корень, иметь с собой характеристику...

Алексей Степанович коротко взглянул на копченого, затушил самокрутку и сказал:

— Мишка, ты рожу-то не криви! Я ведь могу и не рассказывать!

— Дядь Леш, — вскочил молодой, — плюнь ты на него! Не обращай внимания! Он вообще никому не верит. Ты мне говори!..

Пожилой расправил белесые брови и продолжал:

— А характеристику эту, мать ее в душу, надо было получить у нашего замполита... Сейчас-то, кажись, этих замполитов в армии нет. А раньше были... Ну вот! Запер я, значит, склад и пошел...

Сорокалетний снова издал хмыкающий звук, но Степаныч не удостоил его вниманием.

— Суббота, как сейчас помню, была. Офицеры все по домам сидят. Кто с женами, кто чего делают. Ну, я и пошел к замполиту домой. За характеристикой, значит. А замполит этот, едрена корень, каждую субботу в баню с утра закатывался. Парильщик был, мать его, спасу нет!

Ростом метра под два, морда вот с этот ящик! Гирями, помню, все занимался... И жена у него была такая же баржа. Задница, наверное, с колесо у «Белоруса» будет! Поговаривали — гулена-баба, да я что-то не верил...

— Не верил, пока не проверил, — засмеялся копченый, но молодой так на него посмотрел, что он махнул рукой: — Мели, Емеля!

— Ну вот, — продолжал Степаныч, обращаясь только к молодому, — прихожу я, значит, к замполиту. Звоню в дверь. Открывает мне его жена, улыбается, как родному, говорит: «Проходите, пожалуйста. Кости сейчас нет, но он с минуты на минуту должен возвратиться. В баню, знаете ли, пошел!» И смотрит на меня такими глазами, словно проглотить хочет. Ну, я протиснулся между ее грудями и стенкой в комнату, стою. Она мне: «Да вы садитесь, не стесняйтесь! Сейчас мы будем с вами чай пить! А, может, чего покрепче? Вы как, не откажетесь со мной немного выпить?..» Ну, думаю, влип!.. А как тут откажешь?! Да и вообще я тогда не умел отказывать. Особенно женщинам. Молодой был!..

Алексей Степанович покосился на ухмыляющегося копченого, взял из услужливо протянутой молодым пачки сигарету и продолжал рассказ:

— Поставила, значит, эта корова бутылку на стол, а сама все титьками у меня перед носом крутит. «Я, — говорит, — свободная женщина свободной России!» Ну, сидим, значит, выпиваем. Нормально так, едрена корень, сидим. Вдруг она и говорит: «А почему бы нам не потанцевать?» — и пластинку ставит с каким-то танго. А я уже к тому времени подзабалдел немного, смелость чувствую. Ну, обнял этот мясокомбинат и танцуем. А она положила мне на плечо свою голову и щебечет: «Вы так прекрасно водите, что я готова с вами танцевать вечность!» А сама, бочком-бочком, да к дивану!..

— Вот это ближе к делу! — поднял указательный палец копченый. — А то «академия», «характеристика»!..

Пропустив мимо ушей реплику Михаила, Алексей Степанович продолжал:

— Не знаю, как все и получилось, а... получилось, одним словом! Ох, и знойная же баба! В жизни таких не встречал!..

— А Нюрка-то хуже, что ли? — опять встрял сорокалетний. — Пятерых-то тебе нарожала?

— Нюрка баба нормальная, — миролюбиво ответил Степаныч. — А вот ты... Ну, лежим, значит, с ней на диване, милуемся. И вдруг я слышу, как кто-то ключом

в дверь тычет! Замок открывает!.. Упал тут у меня... интерес не только к любви, но и к жизни!.. А она вспорхнула, как бабочка, халат одернула и шипит мне: «Лезь в шкаф! Я его задержу!» Я схватил брюки, рубашку, китель и — мухой в шкаф! Хорошо, что трусы успел надеть...

— Чьи? — давясь смехом, спросил копченый. — Еенные, что ли?

— В еенные нас троих можно бы спрятать, а я — свои!.. Ну вот! Сижу я, едрена корень, в шкафу, среди майорских шинелей, ни жив, ни мертв, и слышу: «С легким паром, дорогой! — это она мужу. — А что так рано? Случилось что?» «Да нет, — отвечает замполит, — просто мне сегодня в наряд заступать!» Проходит он, слышу, в комнату и садится на диван. А она, стерва, ласково так: «Ах ты, мой маленький! Ах ты, мой птенчик! Устал, мой птенчик!» — и, слышу, кладет «птенчика» на диван. Ну, думаю, отвлекает! Значит, думаю, надо как-то чесать отсюда!.. А они разложились на диване и вот кувыркаются себе! Меня такое зло взяло, что я... чихнул, короче! В общем, как в анекдоте! Даже похлеще, пожалуй!..

— Степаныч, а в трусы-то не того, не наделал? — хохотал копченый.

— Не наделал, — спокойно ответил Алексей Степанович, — потому что злость взяла!.. А этот подошел к шкафу, открыл его и спрашивает: «Ты зачем тут?» Я, помню, как увидел перед собой этого слона, так весь и похолодел. Прикрылся штанами да кителем и говорю: «Мне бы характеристику!» Он посмотрел внимательно на меня, на жену и говорит: «Это можно!» Затем взял, паразит, меня одной рукой за волосы, другой за трусы... больно так взял... поставил на подоконник и говорит: «Прыгай!..»

Алексей Степанович замолчал и протянул сложенный лодочкой газетный клочок в сторону упавшего от смеха копченого:

— Сыпани-ка махорки-то, мерин!

— Дядь Леш, а дальше-то чего? — тоже смеясь, спрашивал молодой.

— Дальше? — Алексей Степанович свернул «козью ножку» и с наслаждением затянулся едучим дымом. — А дальше — все! Финиш! Третий этаж, как ни говори!..

Быстро темнело. В окнах гасили свет. Деревня затихала. Люди готовились ко сну.

— Пожил я в городах-то, ребята, пожил! — задумчиво проговорил Алексей Степанович, глядя на полыхающее закатное небо. — Хороший денек завтра будет!..

РЕКЛАМНАЯ ПАУЗА

В один прекрасный день, вернее, в один отвратительный вечер Гурий Сидорович Прикидкин решил объявить войну телевизионной рекламе. Своими намерениями он поделился с женой. Та с пониманием отнеслась к предприятую мужа, но спросила, каким образом он будет превращать это в жизнь.

— А чего они с утра до вечера одно и то же крутят! — гневно произнес Прикидкин, выключая телевизор. — Новый год и то с рекламы начали!

— Это не ответ! — спокойно сказала жена, вновь нажимая кнопку включения. — Психовать-то большого ума не надо!

Гурий Сидорович покраснел от возмущения, вызванного поведением супруги, и зло сказал:

— Я им, сволочам, устрою «Хопер-инвест»! Они у меня купят себе немного «Орбит без сахара»!

— Нельзя ли заткнуться минут на сорок? — не очень вежливо спросила жена, отдавая себя во власть очередной серии «Секрета тропиканки».

— Та-а-ак! — низким голосом пропел возмущенный супруг, расставляя ноги и упирая руки в бока. — И это говорит жена! И это интеллигентная женщина...

— Заткни фонтан! — не оборачиваясь, произнесла «интеллигентная женщина» и прибавила звук.

— Та-а-а-ак! — еще продолжительнее возмутился Гурий Сидорович и, резко повернувшись, ушел в свою комнату.

Там он взял чистый лист бумаги и решительно написал в верхнем правом углу: «Министру культуры Российской Федерации». С минуту подумал и написал ниже: «Руководству ОРТ. Копия». После некоторого колебания написал еще: «Министру МВД. Копия».

Положив ручку, Гурий Сидорович закурил и стал думать, с чего начать изложение своих мыслей.

Внезапно он представил, как указанные в заявлении высокопоставленные руководители, прочитав его «копии», начинают собирать своих заместителей, начальников отделов, служб и так далее. Те — своих подчиненных, которые в свою очередь своих... Гурий Сидорович даже

вздрогнул от мысли, сколько людей он оторвет от дела. «А ну вас к черту!» — мысленно выругался он и порвал листок.

Докурив сигарету, Прикидкин открыл дверь в комнату, где жена досматривала фильм, и хотел произнести слова примирения. В этот момент молодой энергичный голос в телевизоре рявкнул:

— «Сникерс»! Батончик из молочного шоколада! Жареный арахис и мягкая карамель!..

— А-а-а-а! — дико завопил Гурий Сидорович, зажимая уши руками, и бросился в свою комнату. Там он схватил ручку и быстро начал писать.

«Министру внутренних дел, — писал Прикидкин. — Министру обороны. Директору Федеральной службы безопасности. Председателю общественного Российского телевидения. Генеральному прокурору. Министру культуры. Министру здравоохранения. Министру... — тут он отложил ручку, чтобы перевести дыхание и успокоить готовое выпрыгнуть из груди сердце. Затем решительно продолжил: — ...газовой и нефтехимической промышленности, путей сообщения, лесного и сельского хозяйства, гражданской авиации и водного транспорта. Всем! Всем! Всем!!!»

Поставив три восклицательных знака, Гурий Сидорович трясущимися руками достал сигарету, закурил, и уже медленнее продолжал писать:

«Уважаемые товарищи! Наконец, приходит день, когда меняется все вокруг. Дело в том, что каждый раз после еды кислота разрушает ваши зубы. Поэтому пейте «Милки-мей», в ней так много молока, что она того гляди замычит.

Могу сказать с полной уверенностью, что бальзам Биттнера также значительно повышает сопротивляемость организма. Я принимаю его в течение всего дня. А вообще-то, я всегда с собой беру мой любимый «Кофе фру».

Но если вам это не нравится, взгляните на мир по-японски через «Панасоник-Самсунг» с русским телетекстом. Но помните, что не содержащая сахара жевательная резинка «Дирол» защитит ваши зубы с утра до вечера даже от парового утюга фирмы «Стирол».

Между прочим, я выбрал новый шампунь с мультивитаминами и не даю перхоти ни единого шанса. Изменим жизнь к лучшему! А сделать это можно только при помощи «Оби» — настоящего тампона для современной женщины с неповторимым устойчивым запахом ментола и эвкалипта.

Помните, пожалуйста: нежная, сочная мякоть кокоса придаст вам силы. И если не поздно, сделайте ваш ваучер золотым. Но если поезд ушел, попробуйте «Баунти» — райское наслаждение! Кстати, я для себя эту проблему решил.

А недавно моя киска купила немного «Вискас» у «Педигри-Пал». Посмотрите, в какой она форме!

А вам известно, что «Джилет» — лучше для мужчины нет?

Ставьте на лидера!..»

Когда супруга Гурия Сидоровича вошла в комнату мужа, тот ничком лежал на письменном столе с вытянутыми вперед руками. В правой была ручка, в левой — два листа мелко исписанной бумаги. Перепуганная женщина, думая, что обиженный ею супруг покончил с собой, в крайнем волнении положила его прямо на пол и стала делать искусственное дыхание. Через некоторое время Прикидкин очнулся и хрипло промычал:

— Мм-эм-м-эм...

— Что? — наклонилась над ним жена. — Что ты хочешь сказать?

— Эм-эм-эм! — несколько увереннее проговорил Гурий Сидорович. — Нас знают все!.. Ставьте на лидера!..

Жена сделала резкое движение всем корпусом назад, как будто ее толкнули, и удивленно уставилась на мужа.

Между тем Прикидкин окончательно пришел в себя и, глядя на супругу мутными глазами, сказал:

— «Хопер-инвест» — а-атличная компания!.. От других!..

Жена Гурия Сидоровича подняла руки и стала производить ими движения, как будто отмахивалась от комаров. А Прикидкин, не отрывая от нее затуманенного взора, продолжал:

— Организация реализует со склада в Москве рыбные консервы «Тампакс», это защитит ваши зубы от кариеса, запишите телефоны!.. Это лучшая поддержка в течение всего дня!..

Через сорок шесть дней Гурия Сидоровича выписали из больницы.

— Если вы хотите сохранить мужа, — говорил пожилой психиатр супруге бывшего пациента, — ни под каким видом не разрешайте ему смотреть телевизор. Впрочем, радио слушать — тоже не надо. Сейчас ему необходима, как говорится, рекламная пауза.

Женщина клятвенно обещала в точности исполнить все рекомендации врача.

ОДИН ДЕНЬ НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА

Стоит бронзовый Николай Алексеевич Некрасов, смотрит на великую русскую реку Волгу и думает: «Кому на Руси жить хорошо?» Давно стоит поэт, но никак не находит решения своему вопросу.

Но вот к памятнику направляются две молодые девушки — с походкой и взором цариц.

«Господи, — думает Николай Алексеевич, — красота-то какая! Да были ли такие в мое время! Кажись, и не было! Что губки, что щечки — горьмя горят! А ножки, ножки!..»

Между тем очаровательные создания останавливаются, достают из сумочек сигареты и закуривают. Одна говорит, с наслаждением заглывая дым:

— Ка-а-йф!.. Вчера ничтяк поторчали! По полтиннику с рыла, правда! Но балдеж, я те скажу, охренеть! Машка с Гариком — в отрубе, Зинка — в дупель, Геша — в мат!.. Короче — финиш!

— Ну вы даете, в натуре! — восхищенно подхватывает подруга, делая частые затяжки. — Ну, я тащусь! А шнурки-то где были, слиняли, что ли?..

«Жаль, плохо по-русски говорят! — с сожалением думает Николай Алексеевич. — Иноземки! Жаль!»

Группа молодых людей, спешащих куда-то, ведет беседу. Высокий юноша с красивым лицом и благородными манерами говорит:

— Костыль, ты засек, здесь две метлы ошивались? Надо бы их снять! Классный пиломатериал!

— Утухни, Лимон! — доброжелательно ответил второй, столь же интеллигентный молодой человек. — Это Лехи Гнутого телки!

«И эти тоже не наши!» — поскущнел великий стихотворец. Тут остановился перед ним мужчина в легком, не по сезону пальто и говорит, слегка покачиваясь:

— Стоишь?

Николай Алексеевич хотел было ответить: стою, мол, чего же не постоять, коль поставили, но одинокий опередил:

— Ну и стой!

И пошел. Затем остановился, повернулся к поэту и сказал:

— Не, я сначала тебе стих прочитаю!

Он подошел ближе, ступил на мраморные плиты, — за чем-то снял шапку, бросил ее оземь, растопырил руки и стал читать:

— О, Волга, колыбель моя, любил ли кто тебя, как я?... Один по утренним зарям, когда еще все в мире спит, и алый блеск едва скользит по темно-голубым волнам...

Человек в легком пальто внезапно заплакал, и Николай Алексеевич почувствовал к нему такую любовь и нежность, что готов был сойти с пьедестала, чтобы утешить и обнять гражданина.

— Я убегал к родной реке, спешил на помощь к рыбакам, катался с ними в челноке... и толстый хрен держал в руке! — внезапно закончил прохожий словами, не имеющими ничего общего с теми, которые были выплеснуты из души поэта сто с лишним лет назад. Затем он поднял шапку, натянул ее на голову и по-военному отдал Николаю Алексеевичу честь, сказав при этом:

— Поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан! Понял? Ну вот и стой! А мне надо... это... — мужчина не договорил, махнул рукой и скрылся за углом.

Вдруг из окна соседнего дома донеслась знакомая мелодия, и чистый мужской голос повел повествование о любви корабейника к своей зазнобушке и о том, как в конце концов поладили они.

Слушая песню, Николай Алексеевич совершенно успокоился и снова устремил свой взор в заволжские дали. Мысли о том, кому на Руси жить хорошо, на время оставили великого демократа.

День клонился к закату.

Там, куда смотрел Николай Алексеевич, небо было темным, грозovým. Волга, словно несжатая полоска, отделяла его от огней большого города, шумного и суетливого.

Внезапно у памятника остановились двое пожилых людей, почти стариков. Он и она. Он держал в руках небольшой букетик цветов, который бережно положил к подножью монумента. С минуту постояли, опустив головы, затем тихо пошли вдоль набережной, о чем-то переговариваясь.

«Вот они, русские люди! — подумал Николай Алексеевич. — Храни вас Господь!»

Потом сложил привычно руки на груди, слегка отставил правую ногу и сделал вдруг неожиданный вывод, что были и есть люди, кому живется весело, вольготно на Руси. И люди эти, как правило, небогатые, чистые в делах и помыслах, скромные, великодушные и милосердные. Только такие люди способны на подвиг и самопожертвование, если придет пора защищать Родину, дорогую каждому истинному гражданину Русь.

«Вынесет все, и широкую, ясную грудью дорогу проложит себе!» — подумал Николай Алексеевич о людях своей Отчизны, и ему сделалось хорошо на душе.

НЕЛЕТНАЯ ПОГОДА

Мялкин проснулся и увидел рядом с собой женщину.

— Ты... это... кто? — спросил он, еле ворочая языком.

— Я? — женщина игриво колыхнула пышной грудью. — Если верить чьим-то словам, я — ангел! А разве не заметно? — и женщина откинула одеяло.

— Пить! — простонал Мялкин, закрывая глаза. — Помру шас!

В это время раздался звонок в дверь.

— Звонят! — с прежней игривостью произнесла женщина. — Открыть!

— Открыть! — машинально повторил Мялкин... И вдруг пришел в себя.

— Одевайся! — хрипящим шепотом выдохнул он, вскакивая с постели. — Быстро! Мухой!

— Куда... мухой? — обиженно удивилась женщина.

— В окно! — Мялкин подскочил к окну и распахнул его. — А там — огородами! Как Котовский!

В дверь еще раз позвонили.

— Ну!

— Этаж?

— Какая разница! Девятый!

— Но я же не ласточка с весною...

— Ты ангел! Ангел ты! Ну!

— Это я вчера была ангелом, а сейчас...

Раздались два настойчивых звонка.

— А сейчас? — переспросил Мялкин, лихорадочно кидаясь во все углы в поисках своих и женских вещей. — Что сейчас?

— А сейчас я баба Яга! — с вызовом произнесла женщина и забулькала остатками шампанского из бутылки.

Мялкина на мгновение охватил столбняк, но он быстро пришел в себя и, бросившись к даме, зачастил свистящим шепотом:

— Вот и хорошо! Вот и замечательно! Значит, у нас есть ступа! Где наша ступа? Где наша прекрасная ступа?

— Какая еще ступа? — испуганно глядя на Мялкина, женщина стала торопливо одеваться.

— Ступа с этим... как его... с помелом! — Мялкин ни-

как не мог попасть ногами в брюки. — Я же помню, у Пушкина... Лукоморье там, русалка и эта... ступа твоя!

В дверь трижды позвонили.

Мялкин рухнул на колени перед насмерть испуганной женщиной, протер к ней дрожащие руки и молитвенно пропел:

— Лети, пожалуйста!

Женщина сочувственно посмотрела на Мялкина, затем в распахнутое окно и тихо сказала:

— Погода нелетная! Снег!

Мялкин вздрогнул, тоже посмотрел в окно и медленно встал. Затем он подошел к двери и открыл ее. На пороге стоял почтальон.

— Вам телеграмма! Распишитесь!

Когда закрылась дверь, Мялкин, тяжело шевеля губами, прочел: «Погода нелетная. Буду поездом в среду. Целую. Света»...

Когда к Мялкину вернулось сознание, он открыл глаза и увидел перед собой ангела.

— Ты ангел? — спросил он.

— Ну не баба же Яга! — эхом отозвался ласковый ангельский голос.

Мялкин удовлетворенно улыбнулся и под шум нелетной погоды, обняв ангела, стал вспоминать вчерашний день.

НАПУГАЛ

Александр Викентьевич Спиваков не спал всю ночь. Причиной его бессонницы были страх, угрызение совести и сухость во рту. Оснований для своего страха Спиваков не находил, скорее всего, это была боязнь будущего, неуверенность в завтрашнем дне.

Угрызение совести стало мучить Спивакова с тех пор, как он начал пить. С этим чувством он уже свыкся и потерял всякую надежду ощутить себя свободным человеком. От сухости во рту он избавлялся вставаниями и подходами к чайнику с водой, от чего к утру глаза его заплаывали, и лицо приобретало нездоровый вид.

В холодильнике стояла бутылка пива, но Александр Викентьевич берег ее на самый крайний случай.

В шесть часов утра, когда Спиваков, наконец, задремал, зазвенел будильник, заведенный до отказа женой еще с вечера. Трескотня эта больно ударила по натянутым нервам и он натянул одеяло на голову.

На душе было мутно. При каждом ударе сердца, перекачивающего насыщенную алкоголем кровь, тело Спивакова дергалось и от этого становилось еще противнее. Неприятно тряслись руки, ноги и даже голова. Жить не хотелось.

Надежду на спасение вселяла только бутылка «Жигулевского» в холодильнике.

Накрывшись одеялом, Александр Викентьевич думал, что бы такое сообразить, чтобы не ходить на работу. Времени на обдумывание оставалось мало, и он лихорадочно перебирал варианты: болезнь жены, затопление квартиры, взорвавшийся телевизор... Но все отпадало, как уже имевшее место быть. От напряженной работы мысли он вскоре устал и прекратил думать вообще.

Александр Викентьевич работал инспектором гражданской обороны в одной полувоенной организации, где трудовая дисциплина сотрудников, предполагавшая борьбу с пьяницами и прогульщиками, была возведена чуть ли не в культ. Кроме того, Бог послал Спивакову совершенно непьющего и некурящего начальника, который уже не раз указывал Александру Викентьевичу на присутствие у него «остаточного явления».

«Нет, пива пока нельзя!.. Но что же делать, что?» — думал Спиваков.

От резкого толчка в плечо мысли снова вернулись к Александру Викентьевичу. Раздался голос жены:

— Ты где вчера был? Ты откуда такой явился? Где деньги, которые я дала тебе на капусту? Ты долго будешь мучить меня?

Вопросы сыпались на больную голову Спивакова, причиняя ему буквально физические страдания.

— Нет, ты не отворачивайся! — жена резким движением сдернула одеяло. — Ты zenки-то свои бесстыжие не прячь! Ты в глаза мне посмотри! Отвечай, где деньги?

Александр Викентьевич попытался снова закрыться одеялом, за что получил еще один болезненный толчок в плечо.

— Нет, ты не закрывайся, не закрывайся! Ты скажи, как с такой рожей на работу пойдешь?

— Отстань, а! — хрипло попросил Спиваков.

— Я те отстану! Я те отстану! — жена два раза сильно толкнула в плечо. — Говори, паразит, где деньги?

— В мешках! — резко ответил Александр Викентьевич, отчаявшись получить избавление от болезненных толчков.

— В мешках твои деньги! — повторил он, не глядя на жену.

— В каких это мешках? — на минуту опешила та. — Это в каких еще мешках?

— А вот в таких! — Александр Викентьевич растопырил пальцы правой руки и упер их себе под глаза.

— Ах так? — взорвалась жена. — Анекдотики, значит?! Ну ладно!

С этими словами, еще раз ткнув мужа в плечо, она вышла на кухню.

Через некоторое время Александр Викентьевич услышал звук открываемой бутылки пива и характерное бульканье выливаемой в раковину жидкости.

«Вылила!» — понял Александр Викентьевич, и его охватило благородное негодование. Поступок жены лишил его последней надежды. Он спрыгнул с постели и пошел на кухню.

— Ты знаешь, что ты сейчас сделала? — сказал он, подходя к жене. — Ты хоть отдаешь себе отчет в содеянном тобой злодействе! Ты хоть... Ты пожалеешь об этом!

— А что я такого сделала? — ответила жена. — Пиво твоё поганое вылила? Так у тебя же мешки денег! Ты на них мно-о-го пива можешь купить!

Александр Викентьевич почувствовал, как земля уходит из-под его ног и, держась за стену, пошел в ванную. В зеркало он увидел опухшее небритое лицо с воспаленными веками и покрасневшими глазами.

«Может, убить ее?» — подумал он, осматривая свое непривлекательное отражение.

Под душем к Александру Викентьевичу внезапно пришла замечательная идея, как избавиться от произвола, чинимого женой.

«Повешусь! — решил он. — Повешусь, а там видно будет!»

Решив, что акт ухода из жизни надо совершить немедленно, Спиваков стал осматривать ванную.

В потолке, как бы специально для того, чтобы вешаться, был вмонтирован крючок.

За коробками со стиральным порошком Александр Викентьевич отыскал бельевую веревку и завязал ее у себя под мышками, затем надел рубашку, застегнул на все пуговицы, а второй конец веревки, встав на край ванны, зацепил за крючок на потолке. В голове вертелось где-то слышанное: «Суицид — это добровольный уход из жизни!»

«Ничего себе — добровольный! — думал инспектор гражданской обороны, завязывая последний узел. — Ничего добровольного нет! Самое настоящее убийство! От такой жизни любой в петлю залезет!» С этими мыслями он подергал за веревку, как бы убеждаясь в ее крепости, и осторожно спустился с края ванны. Тело его повисло в пятнадцати сантиметрах от пола.

«Минуты две провишу», — подумал Александр Викентьевич, почувствовав, как сразу стало трудно дышать.

Когда его тело, покачиваясь, развернулось к зеркалу, Спиваков увидел лицо мученика.

«Надо будет высунуть язык, когда эта дура войдет», — подумал он, продолжая слегка раскачиваться и поворачиваться вокруг своей оси.

Веревка сильно давила под мышками, руки стали затекать и терять чувствительность.

«Да где же она? — с тревогой подумал Александр Викентьевич. — Почему не идет? Этак можно и...»

Боль от врезавшейся в тело веревки усиливалась, дышать становилось все труднее.

Александр Викентьевич из последних сил сделал несколько раскачиваний и толкнул ногой дверь, чтобы привлечь внимание жены. Но убедившись в том, что вынимать его из петли никто не собирается, он решил сам

прекратить «добровольный уход из жизни». Неимоверным усилием он поднял затекшие руки вверх и одеревеневшими пальцами попытался дотянуться до узлов, но вскоре убедился в тщетности своих усилий.

Надо сказать, что в стремлении к суициду Спиваков умудрился завязать конец веревки, который обмотал вокруг туловища, двумя узлами на спине и о попытке развязать их нечего было и думать.

Каждое движение по освобождению себя причиняло инспектору гражданской обороны страшные муки. Веревка все глубже врезалась в его ослабленное тело. Дышать стало совсем тяжело, перед глазами поплыли радужные круги. От сознания того, что он действительно может умереть, по телу Александра Викентьевича, как от электрического тока, прошла дрожь и на минуту наступило просветление ума.

— Зина! — прохрипел он в открытую дверь ванной комнаты. — Зина, где ты?

Ответом ему была тишина, и он с ужасом понял, что жены в доме нет.

Тела своего Спиваков уже совершенно не чувствовал и только острая боль под мышками не давала ему окончательно потерять сознание. Он вдруг заметил, что с каждым разом, когда веревка поворачивала его лицом к зеркалу, у него все больше вываливался язык. От жалости к себе из глаз Александра Викентьевича покатились крупные слезы.

«Так бездарно умереть!» — мелькнуло в затухающем сознании, и он стал мысленно прощаться с жизнью.

Внезапно послышался звук открываемой двери, и на пороге ванной комнаты возникла жена Зина с хозяйственной сумкой в руке, в которой были хлеб и молочные бутылки.

— Ты чего тут висишь? — грубовато спросила Зина, недоверчиво глядя на посиневшее лицо мужа. — Повесился, что ли?

— Зина, сними... меня, — еле ворочая высунутым языком, прошептал Александр Викентьевич.

Оценив драматичность ситуации, Зина схватила кухонный нож и полоснула им по веревке над головой мужа. Тело Спивакова повисло на ее руках. Он поднял голову, хотел что-то сказать, но глаза закрылись, и сознание оставило его.

Придя в себя от поднесенного к его носу пузырька с нашатырным спиртом, Александр Викентьевич спросил:

— Я живой, или...

— Да живой, живой, — успокоила жена, вытирая холодный пот со лба мужа.

Александр Викентьевич попытался пошевелить пальцами рук, затем ног. Это ему удалось, и он окончательно убедился, что находится на этом свете. Приподнять голову он побоялся, потому что тело выше пояса жгло, как в раскаленном корсете.

— Ты зачем это веревкой обмотался? — спросила Зина, укоризненно глядя на мужа. — Повеситься, что ли, хотел?

— Да-а, — еле слышно ответил Спиваков.

— Меня, что ли, хотел напугать?

— Да-а.

— А если бы я на работу ушла, а не в магазин? Что бы тогда? Так и дрягался бы на веревке весь день?

— Да-а.

— О, Господи! Ну что ты заладил, как пономарь: да-а, да-а! Сказать, что ли больше нечего?

— Есть!

— Что — есть?

— Есть, что сказать.

— Ну, и чего?

— Я больше не буду!

Жена Зина некоторое время внимательно смотрела на мужа, затем поправила под ним подушку и грустно сказала:

— Зарекалась ворона... сам знаешь, чего не клевать!.. Ладно, проживем — увидим! Но учти, если еще хоть раз повторится, — вот этими руками...

Александр Викентьевич схватил покачивающиеся над ним руки жены и благодарно прижался к ним губами. В это время он свято верил, что впереди у него трезвая и радостная жизнь.

НЕЗЕМНАЯ ЖЕНЩИНА

Во время командировок происходят самые невероятные истории, самые неожиданные встречи. Об этом Николай Григорьевич Пичушкин узнал от своего товарища по работе Чернухина Петра Сидоровича, скромного и безобидного человека. С Чернухиным в командировке приключилась прямо-таки фантастическая история: его обокрали. Нет, фантастика не в том, что его обокрали, — тут как раз никакой фантастики нет, — а в том, что этот немолодой, лысый человек, отец четверых детей — влюбился. И в кого бы вы думали? В девчонку! В ровесницу его старшей дочери! Правда, хороша была, плутовка, как потом рассказывал сам Петр Сидорович, что невозможно глаз отвести. Все при ней! И даже больше! А уж ласкова... В общем, завлекла в свои сети эта Светланочка инженера-конструктора с тридцатилетним трудовым стажем, попила два вечера коньячку за его счет, а потом обчистила до нитки и исчезла из гостиничного номера навсегда. Испарилась, как дым, как утренний туман. А счастливый влюбленный, когда проснулся и все понял, долго не мог прийти в себя. Ему было ужасно стыдно. Ему было мучительно больно за бесцельно потраченное время и довольно приличную сумму денег.

— Ты представляешь, Коля, — говорил он своему сослуживцу и товарищу, — даже паспорт забрала, мерзавка. А там и командировка, и фотографии детей, и... Все, в общем!

Петр Сидорович промокал лысину большим носовым платком и спрашивал, воровато озираясь:

— А паспорт-то ей зачем? Куда она с ним?

— Продаст, наверное, — сочувствовал товарищу Николай Григорьевич. — Сейчас все продают... Да ты плюнь, забудь это дело. А то, не дай бог, крыша поедет.

Со временем «несчастный случай с инженером Чернухиным» в НИИ крупного машиностроения, где работали наши герои, стал забываться. Да и мало ли что может произойти с честным человеком!

Но эта не очень веселая история однажды вдруг вспомнилась Николаю Григорьевичу во время поездки в дальний северный город в командировку.

Был уже поздний вечер. Скорый поезд, мерно покачивая вагоны, уверенно летел в августовскую мглу. Пичушкин сидел в теплом уютном купе и улыбался своим мыслям. Наверное, он даже слегка задремал.

Вдруг откуда-то сверху, как бы с небес, донесся бархатный женский голос. Он, этот голос, был настолько красив и мягок, что Николай Григорьевич мог поклясться: на Земле таких не бывает.

— Простите, бога ради, но я давно наблюдаю за вами. Вы так загадочно улыбаетесь, что для моего женского любопытства это целая пытка. Очевидно, вспомнили что-нибудь веселое?

Николай Григорьевич поднял глаза и увидел перед собой женщину лет тридцати пяти, в роскошной джинсовой куртке, в больших роговых очках и с совершенно потрясающей прической. Она с легкой улыбкой смотрела прямо в глаза стушевавшегося Пичушкина. Расслабленная ее поза, добрый и честный взгляд, улыбка и божественный голос в один момент очаровали инженера-конструктора.

— Простите, что вы сказали? — встрепнулся он, не зная куда деть руки.

— Вы почему-то все время улыбаетесь, и это мне страшно интересно, — повторила свой вопрос женщина. — Но если это секрет...

— Нет-нет, что вы! — заторопился Николай Григорьевич. — Какие могут быть секреты!.. Так, случай один вспомнил, с моим приятелем.

— Веселый случай? — снова спросила женщина, показывая живейшую заинтересованность.

— Да как вам сказать... — Пичушкин почувствовал, что не может оторвать глаз от этой женщины. Ему вдруг стало почему-то жарко. — Случай больше смешной, чем веселый.

Женщина медленно сняла очки, гордо встряхнула головой и сказала так, что у Николая Григорьевича перестало биться сердце:

— А вы за-га-дочный человек!

Пичушкин увидел перед собой необычайно выразительные глаза, большие и слегка удивленные. Неяркое освещение в купе не позволяло рассмотреть их цвет, но он был уверен, что они голубые, как майское небо. Ему показалось, что поезд вдруг оторвался от земли и с огромной скоростью устремляется вверх, к облакам. Туда, где, должно быть, живет эта фантастическая женщина.

Неизвестно, сколько бы времени продолжался этот

полет, если бы в купе не заглянула проводница с предложением взять постели.

Галантно попросив свою спутницу не беспокоиться, Пичушкин мигом принес два комплекта простыней и наволочек. Кроме того он попросил проводницу организовать чаек, что вскоре и было выполнено.

После того, как постели были собраны, Пичушкин, несколько смущаясь, достал из портфеля хлеб, колбасу, огурцы, соль — все то, что приготовила жена «на первое время» — и разложил на столике. Немного подумал и извлек на свет божий бутылку армянского коньяка, которую всегда брал с собой в командировку «для презентационных целей».

Женщина с интересом наблюдала за сервировкой стола и, когда Пичушкин достал коньяк, с восхищением произнесла:

— О, да вы — гусар!

Николай Григорьевич покраснел, махнул рукой и сказал небрежно:

— Да какой я гусар! Так, за знакомство.

Через пять минут Пичушкину казалось, что Светлану Захаровну, завуча музыкальной школы — так представилась очаровательная попутчица — он знает очень и очень давно. Может быть, даже с детства. Николай Григорьевич вдруг ощутил прилив какой-то необыкновенной радости. Он был счастлив рядом с этой женщиной. В голове постоянно крутился мотив: «Ах, попутчица моя, мы люди разные, оттого и разговоры наши праздные...»

— А вы мне, между прочим, не ответили на один вопрос, — сказала Светлана Захаровна, разливая коньяк небольшими дозами.

— Я? — спросил захмелевший инженер. — На какой такой вопрос?

— Чему вы столь загадочно улыбались?

— Когда?

— В начале нашей поездки.

— А-а, так это мой друг... Вернее, он мне не друг, а так.

— И не друг, и не враг, а так, — смеясь, бархатно пропела Светлана Захаровна. — Ну, и что? Что с ним стряслось?

— Ты понимаешь, Света... — Пичушкин почему-то вдруг перешел на «ты» и удивился этому. И обрадовался. — Ты знаешь, Света... Ее, кстати, тоже Светой звали! — неожиданно закончил он, пьяно махнув рукой.

— Кого — ее? — не поняла женщина.

— Ну, ту девчонку, которую... с которой... В общем, он в нее влюбился, а она его — фьюить, и в дамки! Обчисти-ла, короче... Да бог с ними, зачем они нам! Давай лучше выпьем. Они — сами по себе, мы — сами по себе!

Пичушкин неуверенной рукой налил в стаканы коньяку.

— Светик, давай выпьем, знаешь, за что...

— Нет, погоди, — Светлана остановила его руку. — Так чему же ты улыбался? История-то совсем даже и не смешная. Даже грустная получается история... Друга обокрали, а ему весело! — с притворной укоризной закончила она, поднимая стакан. — Ладно! Я предлагаю выпить...

— За любовь! — выпятил грудь Пичушкин.

— Нет, за любовь у нас будет следующий тост, а сейчас... — Светлана Захаровна наклонилась к уху Пичушкина и тихо проговорила: — А сейчас мы выпьем за дорогу жизни, где иногда происходят незабываемые встречи!

Николай Григорьевич внезапно почувствовал такую любовь к этой неземной женщине, что выпив, крепко поцеловал ее прямо в губы. Затем вылил в стаканы остатки коньяка, встал и торжественным шепотом произнес:

— А теперь — за любовь!

— За любовь! — согласилась женщина...

Утром в купе вошла проводница, растолкала храпящего Пичушкина и недовольным голосом сказала:

— Вставайте, гражданин. Через сорок минут прибываем.

Николай Григорьевич приподнял тяжелую голову, протер глаза и осмотрелся вокруг. Светланы в купе не было. Ее матрац, аккуратно свернутый, лежал на верхней полке. На столике стояла пустая бутылка из-под коньяка, в беспорядке лежала закуска.

— А где... эта? — спросил он проводницу, которая ворчливо начала делать уборку.

— Кто?... А-а, женщина-то? Так она вышла.

— Куда?

— Как куда? Домой, наверно. Ночью и вышла.

Николай Григорьевич минуты три сидел неподвижно, затем с нехорошим чувством посмотрел в угол купе, где висела его одержда. На крючке болтались одни брюки. «Пиджак и плащ, наверное, в чемодан засунул спяну», — подумал он и поднял крышку дивана.

— А где чемодан? — спросил он проводницу, чувствуя,

как в ногах появляется неприятная дрожь и тело покрывается потом.

— Какой чемодан? — не поняла женщина.

— Черный... Большой... Кожаный...

— А-а, черный, большой... Так она с ним и вышла, женщина-то. Еще сказала, чтобы вас до утра не будить, а то совещание...

— Какое совещание! — взвыл Николай Григорьевич и сел на пол посередине купе. В похмельной его голове стали возникать картины вчерашнего застолья, разговоры, поцелуи...

Обхватив голову руками, он стонал и плакал одновременно. Проводница в тревоге засуетилась вокруг него, приговаривая:

— Ах, ты Господи!.. Да как же это!.. Да что же это!..

Затем она помогла Николаю Григорьевичу подняться с пола и долго надевала на него, плачущего, брюки.

В отделении милиции Пичушкин уверял молодого лейтенанта, что в стране орудует крупная банда аферисток, и всех зовут Светланами. На что лейтенант ответил:

— На дороге жизни надо остерегаться случайных знакомств, товарищ пассажир! И пить надо меньше!..

Трудно было не согласиться с доводами стража порядка.

ГАРМОНИЯ ЖИЗНИ

Ранним апрельским утром Владимир Ильич Будаев вышел из дома. Светило яркое весеннее солнце, превращая в ручейки и лужи последний ноздреватый снег. С радостным треском на деревьях раскрывались почки. Воробы дружной стайкой облепили канализационный люк, хлопотливо обсуждая свои проблемы. Во всем ощущались гармония и стремление к свету, теплу, новой жизни.

— Вы представляете, — возмущенно сказала соседка, подходя к Будаеву, — вчера брала яички по четыре тысячи, а сегодня те же — уже четыре двести! Вы представляете?..

— В общем, да... Тот есть, нет! — растерянно проговорил Владимир Ильич, силясь понять, о чем говорит женщина.

— А у меня язва у мужа, трое детей и мать — инвалид второй группы! — продолжала соседка. — Паразиты! Что хотят, то и творят!..

Так и не поняв, какая связь между яйцами, мужем, детьми и паразитами, Владимир Ильич сочувственно подакал и зашагал к трамвайной остановке.

В полупустом вагоне две пожилые женщины разговаривали между собой.

— Вчера вечером брала дочке десяток яиц — ровно четыре тысячи, — с печалью в голосе говорила одна из них. — Сейчас прихожу в магазин — четыре пятьсот!.. А у меня пенсия — двести с небольшим, внуков четверо и муж — инвалид второй группы.

«Чего это они все сегодня про инвалидов?» — подумал Будаев и достал газету.

На следующей остановке в трамвай вошел мужчина с целлофановым пакетом в руках.

— Вы знаете, сколько сейчас стоят яички? — заговорщически спросил он у Будаева.

— Чьи? — не понял тот.

— Что значит «чьи»? Куриные, разумеется!

— Нет, — честно ответил Будаев.

— Четыре тысячи пятьсот рубликов! — торжественно произнес мужчина с пакетом. — Это при том, что вчера они стоили всего лишь четыре! Улавливаете арифметику?

— Паразиты! — неожиданно для себя ответил Будаев.

Мужчина с удивлением посмотрел на него и опасливо отошел в сторону.

В трамвай вошли две женщины. Очевидно, мать с дочкой. Обе бережно держали в руках по решетке с яйцами.

Пожилая, обращаясь к молодой, сказала:

— Еще день только начался, а цену уже до четырех с половиной догнали!.. Как жить будем?

«Паразиты! — захотелось сказать Владимиру Ильичу, чтобы хоть как-то утешить женщину. — Что хотят, то и творят!»

Но он ничего не сказал и продолжал рассматривать газету. Настроение почему-то испортилось.

— Почем яички-то брали? — раздался сзади старческий голос. Это старушка в панаме обращалась к женщинам с решетками. Те ответили.

— Ну, это еще ничего, терпимо, — прошамкала старушка. — А я вот уже по четыре шестьсот брала! — она покачала в руке «авоську».

Строчки стали расплываться перед глазами Владимира Ильича, и он спрятал газету в карман.

На следующей остановке в трамвай вошел мужчина с «дипломатом» и с явными признаками подпития.

— Бабы! — пророкотал мужчина, бесцеремонно подсаживаясь к женщинам. — Это как понимать, мать твою так? Эту скорлупу вчера по три семьсот брал, сегодня — почти в два раза больше!.. Это ж на водку никаких денег не хватит!..

У Владимира Ильича закружилась голова, и он сел на свободное место.

— У вас не занято? — спросила женщина, сажая рядом с Будаевым ребенка. — Миша, держи аккуратней яички, они ведь уже по четыре семьсот, — добавила она, поправляя сумку на коленях у сына.

Владимир Ильич резко встал, попросил прощения и направился к выходу.

Народу в трамвае к этому времени собралось довольно много. Почти у всех в руках были сетки, сумки, пакеты.

Впереди Будаева, направляясь к выходу, стоял парень в тренировочном костюме и с большой спортивной сумкой на плече. Вместо того, чтобы спросить: «Вы выходите?» — Владимир Ильич неожиданно для себя произнес, обращаясь к парню:

— Вы почему брали яйца?

— Чего-о? — не понял парень.

— Сколько стоят ваши яйца? — настойчиво переспросил Будаев, с ужасом чувствуя, что его заклинило.

— Ты чего, папаша, офонарел, что ли? — раздраженно сказал парень, снимая с плеча сумку. — О каких яйцах идет речь?

— О ваших, которые вчера стоили три тысячи, а сегодня — шесть! — еле ворочая языком проговорил Будаев и рухнул на пол...

В сознание он пришел уже на улице. Над ним стояли две женщины с яичными решетками, парень в тренировочном костюме, бабка с «авоськой», еще какие-то люди и тревожно всматривались в его лицо.

— Я сразу заметила, что он ненормальный! — говорила женщина с ребенком. — И Миша вот испугался... Чуть яички не разбил!..

При слове «яички» Будаев икнул и вновь потерял сознание...

БАБНИК

Эх, лапти мои, лапоточки мои!
Приходи ко мне, мой милый,
Ставить точки над «И».

(Частушка)

Жили в деревне Каликино два друга: Миша Громов и Валерка Шестаков. Дома их были рядом, учились в одном классе, даже в армии служили в одном полку. Валерка Шестаков, правда, вернулся на гражданку старшим сержантом, а Миша — ефрейтором.

Деревенские диву давались, как сдружились эти, так непохожие друг на друга, парни. Валерка — высокий, черноволосый, с крупными карими глазами и крутым румянцем на смуглых щеках, был вспыльчив и непоседлив. Кроме того, разговорчив не в меру и особенно неравнодушен к женскому полу. Даже любимая песня у него была под стать характеру: «В любви надо действовать смело, вопросы решать самому и это серьезное дело нельзя доверять никому!»

Совершенно противоположную картину представлял собой Миша Громов. Среднего роста, худошавый, желтоволосый, он, в основном, молчал, опутив голубые очи долу. С детства Миша страстно увлекался чтением книг, особенно любил исторические романы. Девушек он не то чтобы боялся, но стеснялся при них жутко.

Случилось так, что Миша Громов влюбился в Лизу Завьялову из соседней деревни Березники. Лиза полтора года как выгнала своего муженька-пьяницу и теперь проживала одна-одинешенька, споро управляясь со своим большим подворьем. Хороша была собой Лиза до такой степени, что трезвому мужику мимо нее пройти не было никакой возможности, не залюбовавшись. Высока, стройна, полногруда, с ясными глазами и звонким смехом, она в самое сердце поразила скромного и застенчивого Мишу Громова. И до того тяжек показался ему этот крест, что он лишился сна и аппетита, постоянно думая о любимой женщине. И подойти бы ему к Лизе, поговорить, проводить до дому, как делал это чуть ли не каждый вечер его закадычный дружок! Улыбнуться бы ему молодой женщи-

не, открыть небесную голубизну глаз своих, бросить майским вечером букет сирени в ее распахнутое окошко да пригласить погулять... Эх, Миша, Миша!

И все же, то ли весна сделала свое дело, то ли муку сердечную переносить стало невмочь, но сподобился Миша на решительный шаг.

В Березниках, где жила Лиза, был клуб в полуразрушенной церкви, куда молодежь два раза в неделю ходила в кино и на танцы.

В один прекрасный вечер, посмотрев кино, друзья возвращались в свое Каликино, и Валера сказал, показывая на Лизины окна:

— Смотри-ка, у твоей-то свет еще горит. Может, зайдем?

Миша весь залился краской, чего нельзя было заметить в сумерках, и сказал хриплым от волнения голосом:

— Валер, ты... вот что... это... зайди один! Зайди, скажи, чтобы она вышла... А я здесь подожду! Ладно?

— Ну какой вопрос! — весело ответил Валера, хлопнув друга по плечу. — Сейчас оформим! Все будет в лучшем виде, жди!

Он, словно дух, исчез в дверях Лизиного дома, а Миша стал нервно ходить вдоль палисадника, не отрывая взгляда от ярко освещенных окошек.

Прошло минут десять, прежде чем он успокоился и прекратил бестолковую беготню. Силуэты Валерки и Лизы, четко отраженные на занавесках, вдруг встали и слились в один. Это положение длилось около минуты. «Чего он, на ухо, что ли ей шепчет?» — подумал Миша, вглядываясь в экран занавески.

Силуэты Валерки и Лизы тем временем разошлись и приняли сидячее положение. По отдельным движениям Миша понял, что его товарищ и Лиза стали пить чай. «Тоже мне — «оформим!» — мысленно передразнил Миша. — Всего и делов-то — сказать, чтобы вышла, а он... Оформитель!» Тем временем силуэты вновь поднялись и соединились. «И чего шептаться, когда все можно сказать вслух!» — с легкой досадой подумал Миша.

Внезапно свет в окнах погас и на Михаила обрушилась тишина, нарушаемая только тяжкими вздохами коровы на Лизином дворе. «Ну слава Богу!» — подумал Миша, подходя к калитке палисадника для встречи друга и предмета своей тайной любви. Но из дома никто не выходил и прежнее волнение вновь стало овладевать Михаилом.

Минут через пятнадцать, устав мотаться вдоль палисадника, Миша стал анализировать происходящее. Привычно оправдывая действия друга, он думал так: «Значит, он не уговорил ее! А поскольку уговаривать пришлось долго, почти час, он подумал, что я ушел, и чесанул домой огородами через двор!»

Коровьи вздохи, между тем, стали чаще и ритмичнее. «Как человек!» — подумал он и продолжал размышлять: «Почему, все-таки, она не вышла? Не поверила? Или Валерка не так уговаривал?.. Да нет, Валерка кого хочешь уговорит!»

Вскоре коровьи вздохи, перешедшие в легкие постанывания, прекратились, и до Мишиных ушей донесся едва уловимый звук, похожий на чмокание губ. «Надо же, — отметил про себя Миша, — если бы не знать, что корова, можно бы подумать...» Он прогнал мысль, что «можно бы подумать» и присел на лавочку, прислонившись спиной к рейкам палисадника...

Из легкого забытья Мишу вывел своей утренней песней петух на Лизинем дворе. Его поддержали пернатые соседи, и вскоре вся деревня наполнилась петушинным многоголосьем. Взглянув на часы, Миша встал со скамейки, потянулся, посмотрел голубыми глазами в утреннее безоблачное небо и зашагал к своей деревне.

Он шел по родной улице, когда из домов выгоняли скотину на требовательные похлопывания пастушьего кнута. Мишина мать, увидев подходившего сына, оставила корову и с хворостиной в руке бросилась к нему. От неожиданности Миша закрылся руками и попятился, бормоча скороговоркой:

— Ты чего, ты чего, мам?..

— Я тебе дам «ты чего»! — охаживая его хворостиной, высоко заголосила Серафима.

— Я тебе дам «ты чего»! Замамкал! Где, говори, шлялся до сих пор? Говори, зимогор!

Она вдруг заплакала, бросила хворостину и запричитала:

— Всю ведь ночь не спала! Всю-то ночь думала-а! Думала, убили где-е!..

Соседки, сложив ладони козырьком, с любопытством наблюдали за происходящим. Миша подошел к матери, обнял ее за плечи.

— Ну мам, ну чего ты!..

— Бабник! — Серафима дернула плечами и еще громче

крикнула: — Бабник! Это в отца, что ли, бабник-то такой, а? Сил моих нету-у!..

Миша увел плачущую мать в дом.

Соседки, постояв еще немного, тоже пошли хлопотать по хозяйству. Деревня проснулась, и началась обычная ее жизнь.

А Мишу Громова так до старости и звали Бабником, хотя он ни разу не изменил своей жене Валентине, которая нарожала ему восьмерых голубоглазых, как летнее небо, и желтоволосых, как спелая рожь за деревней, мальчиков и девочек.

ШУТКИ МИШУТКИ ИЛИ МУЖСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Несомненно, каждый человек, достигший определенного возраста, имел удовольствие соприкоснуться с таким явлением природы, как теща. Она, теща, величина непостоянная. Она может быть меньше, может быть больше, может вообще на некоторое время исчезнуть. Но чтобы тещи не было совсем — это из области фантастики. Надо сказать, что в процессе эволюции общества совершенствовался и предмет нашего разговора. Изменялись его взгляды, мироощущения, отношение к себе и окружающим.

Возможно, кто-нибудь скажет, что теща, она и в Африке — теща. Так-то оно так, но лишь отчасти. Как, например, не назвать мамой ту, которая то кожаным пальцем вас одарит, то квартиркой благодетельствует, а то и на «Вольвочку» отстегнет? Эх, мало ли на что способна женщина вообще и теща в частности!..

И все-таки самая лучшая в мире теща — это теща, которая живет за границей. В наше время — это просто клад. Кстати, здесь можно отметить тот самый момент в отношениях между людьми, когда количество километров, разделяющее их, прямо пропорционально силе родственного чувства.

Но что прикажете делать, если нет ни дачки, ни тачки, ни заграницы? Вопрос, безусловно, интересный и в высшей степени деликатный...

В один прекрасный день Михаил Михайлович Боровков купил на базаре бомбу, завернул ее в бумажку и пошел на почту.

— Тяжелая посылочка! — сказала девушка, водружая бомбу на весы.

— Тяжелая! — согласился Михаил Михайлович.

— А что там у вас? — девушка игриво улыбнулась. — Уж не бомба ли?

— Бомба! — кивнул головой Боровков.

— Тогда с вас ровно две тысячи четыреста девяносто два рубля! — засмеялась девушка. — За бомбу!

Отсчитав деньги, Михаил Михайлович сказал:

— Поосторожней с посылочкой-то, пожалуйста.

— Да уж как придется! — девушка удостоила его очаровательной улыбки и подала в окошечко квитанцию. — Это от нас не зависит.

— А от кого зависит?

— Ну, от грузчиков там, от... — девушка несколько поскучнела, — от рабочих, в общем.

— Надо бы их предупредить! — не унимался Боровков.

— Кого? — нахмурилась девушка. — Зачем?

— Рабочих! Что там бомба!

— Какая еще бомба?! — с раздражением воскликнула девушка, и в прекрасных ее очах заплясали злые огоньки. — Гражданин, не мешайте работать!

В это время распахнулась дверь служебного помещения и за спиной девушки вырос молодой человек в синем комбинезоне. Забирая с весов опечатанную боровковскую бомбу, он как бы нехотя спросил:

— О чем базар?

— Да вот, пришел тут! — девушка сердито кивнула в сторону Боровкова. — Хамит!

— Тебе чего, мужик? — спросил парень, подбрасывая одной рукой посылку.

— Осторожней, пожалуйста! — сказал Михаил Михайлович, опасливо следя за полетом свертка.

— А то что? — ухмыльнулся парень.

— Рвануть может!

— Огурцы, что ли?

— Нет, бомба!

Молодой человек прекратил жонглирование, поднес посылку к глазам и вслух прочитал адрес:

— Город Вологда. Улица Юровского, пять. Любимой теще Степаниде Карповне. Миша.

Парень поднял глаза на Боровкова, помолчал некоторое время, затем задумчиво сказал:

— Катюш, сколько дней в Вологду посылка сейчас идет? Дней восемь?

— Недели за две дойдет, — ответила девушка. — А что?

— Знаете что, — решительно сказал молодой человек, с уважением, почти с любовью глядя на Боровкова, — две недели — это очень долго... Очень!

— Костя, ты чего? — девушка с удивлением и тревогой посмотрела на молодого человека в комбинезоне.

— Катюша, — торжественно сказал тот, бережно, словно ребенка, покачивая в руках сверток в сургучных печатах, — человек посылает любимой теще, — он сделал

ударение на слове «любимой», — скромный презент! Наша святая обязанность — доставить его адресату как можно быстрее, в целости и сохранности! Так? А если так, то я немедленно приступаю к исполнению!

— Как это — «приступаю»? — дрогнувшим голосом спросила девушка.

— Я еду в Вологду! Это же всего три часа «скорым»! — не допускающим возражения тоном ответил молодой человек и добавил, восторженно глядя на Боровкова: — В деревню! В глушь! В Саратов! К теще!..

— Костя, так нельзя! — со слезами на глазах Катя подошла к молодому человеку.

— Можно! — решительно ответил тот. — Можно и нужно! Во всем должна быть справедливость, Катя! Иначе как жить?..

Михаил Михайлович и молодой человек в комбинезоне обменялись дружескими улыбками и с чувством пожали друг другу руки.

Да, великая сила — мужская солидарность!

ЯПОНСКИЙ МЕТОД

Однажды в троллейбусе, возвращаясь с работы, Борис Тимофеевич Пырин стал невольным слушателем одного разговора. Беседовали двое молодых людей. Один говорил:

— Мудрейший народ эти японцы! Ты представляешь, что они придумали, чтобы не нарушать сбалансированность производства, вернее, производственных отношений? В жизни не догадаешься! У нас ведь как: ты — начальник, я — дурак! И наоборот! У них — нет! У них вообще нет дураков, а уважение друг к другу записано в Конституции. Но если уж не нравится кому-то какой-то руководитель, то он не кричит об этом на каждом углу, не поливает его грязью на профсоюзном собрании, а придет домой, поставит перед собой портрет этого человека и начинает говорить ему разные комплименты. Заметь, не грубит, не хамит портрету, а говорит ласковые слова. И делает это до тех пор, пока сам не поверит в любовь к этому человеку. В результате неприязнь к начальнику проходит и восстанавливаются нормальные деловые отношения...

Этот рассказ поразил Бориса Тимофеевича. Еще в троллейбусе он стал представлять, как говорит всякие любезности портрету своего непосредственного начальника Новикова и ему стало не по себе.

В ту же ночь Борису Тимофеевичу приснился совершенно фантастический сон. Ему снилось, что идет он в праздничной колонне на Первомайской демонстрации и несет в руках большой портрет своего начальника. Несет его не на длинной палке, как все, а перед собой, словно икону. Борису Тимофеевичу портрет кажется страшно тяжелым, и он, пройдя трибуны с руководителями, ставит его у какого-то дерева и хочет уйти. Вдруг вслед ему раздается скрипучий и неприятный голос начальника Новикова:

— Не-ет, милаша, так не пойдет! Ты, милаша, бери-ка меня на ручки, да неси куда следует!

Оглянувшись, Борис Тимофеевич видит, что с портрета, ехидно улыбаясь, манит его пальцем начальник и хрипловато приговаривает:

— Давай-давай, милаша! Труд облагораживает человека!.. А потом зайдешь ко мне в кабинет!

Во сне Борис Тимофеевич на слабеющих ногах безропотно подошел к портрету и вновь водрузил его себе на грудь.

Наяву же портрет заведующего хирургическим отделением областной поликлинической больницы висел на большой Доске почета в городском парке культуры и отдыха. На этой Доске большинство портретов были с подрисованными усами, бородами, очками и курительными трубками. Не минула чаша сия и заведующего отделением Новикова Михаила Александровича.

Городской парк находился рядом с поликлиникой, где работали два наших героя. Михаил Александрович стеснялся проходить мимо своего портрета, зато Борис Тимофеевич шел на работу всегда городским парком. Он делал это для того, чтобы пройти мимо портрета с гордо поднятой головой, снисходительно поглядывая в его сторону.

Получалось так, что портрет своего начальника хирург Пырин видел ежедневно, с той лишь разницей, что в будни, проходя мимо него на работу или с работы, он говорил портрету разные нелестные слова вслух, а в выходные дни, гуляя в парке с женой и дочкой, делал это мысленно.

Свое неприязненное отношение к начальнику Борис Тимофеевич всячески скрывал и, надо сказать, это ему удавалось. Он морщился, но поддакивал, когда жена говорила, стоя у портрета его начальника:

— Прекрасный человек Михаил Александрович, чуткий, отзывчивый! Повезло тебе, Боря, с начальником!..

Слышанный в троллейбусе рассказ о японском методе сохранения производственных отношений не давал Борису Тимофеевичу покоя.

«Надо попробовать!» — решил он и стал вынашивать план добывания портрета.

Однажды, проходя мимо Доски почета, он, как бы незначай, потрогал щит, на котором была фотография заведующего хирургическим отделением, и понял, что снять портрет не составляет труда.

«Ну что ж, будем готовиться к операции!» — подумал Борис Тимофеевич и с хорошим настроением зашагал на работу.

Жену Бориса Тимофеевича, строгую и решительную женщину с восточными чертами лица, насторожило желание мужа — купить велосипед.

— Ты же никогда не занимался спортом, — говорила она, заставляя мужа смотреть ей в глаза. — Чего это вдруг?

— Не занимался, теперь буду! — уклончиво отвечал Борис Тимофеевич. — Вон, в Японии, все на велосипедах ездят!

— Так ты же не в Японии! — пыталась возразить жена, но, зная настырность мужа, дала «добро» на покупку велосипеда.

Две недели ушло на то, чтобы научиться ездить и исправлять «восьмерку» переднего колеса. Еще месяц — на изучение Правил дорожного движения.

Борис Тимофеевич, удлиняя маршрут своих поездок, наконец, почувствовал, что может без особых приключений добраться на своем велосипеде до городского парка и обратно.

И вот однажды, как и было задумано, в пять часов утра хирург Пырин был уже на ногах. Жена привыкла к его раннему подъему и не обратила на это внимания.

Натянув тренировочный костюм и кеды, Борис Тимофеевич оседлал своего двухколесного мустанга и покатил по безлюдным улицам просыпающегося города.

С приближением к парку в его душе зародилось сомнение — то ли он делает? Это сомнение скоро переросло в страх. Захотелось вернуться домой и оставить затею с японским методом, но ноги сами собой продолжали крутить педали.

«Позору не оберешься, если кто узнает!» — думал Борис Тимофеевич, подъезжая к парку.

В столь ранний час в парке не было ни души. Даже пенсионеров, делающих зарядку. Это придавало уверенности действиям хирурга.

Оглянувшись несколько раз по сторонам, Борис Тимофеевич прислонил велосипед к железобетонному основанию Доски почета и снял портрет своего начальника.

— Гражданин, что вы делаете? — раздался сзади спокойный, уверенный голос. — Вы зачем сняли портрет?

Страх сковал все тело Бориса Тимофеевича, и он застыл в согнутом положении, не в силах повернуть голову.

— Вы зачем сняли портрет, я спрашиваю! — приблизился уверенный голос.

Борис Тимофеевич, скосив глаза, увидел серые брюки с красным кантом и ему захотелось провалиться сквозь землю.

— Вы кто — художник? — продолжал допытываться милиционер. — Вы портреты снимаете на реставрацию? Давно пора! Давайте, я вам помогу.

С этими словами милиционер подошел к соседнему портрету, у которого были нарисованы буденновские усы, и снял его, приставив к портрету заведующего хирургическим отделением. Затем он снял еще несколько портретов с «особыми приметами» и аккуратно поставил их у ног Бориса Тимофеевича. Взяв из дрожащих рук неподвижно стоявшего хирурга длинный шпагат, милиционер быстро и ловко привязал портреты к багажнику велосипеда.

— Ну вот и все! Теперь — хоть куда! — удовлетворенно проговорил блюститель порядка. — А далеко ехать-то?

— Д-далеко, — стуча зубами, ответил Борис Тимофеевич. — В-вернее, н-не очень...

— Тогда — в добрый путь! — весело сказал милиционер, подводя велосипед к все еще не пришедшему в себя Пырину. Затем взглянул на трясущиеся руки Бориса Тимофеевича и сказал:

— Вчера, наверное, позволили себе? Ну, ничего! У художников это бывает!

Крепко пожимая руку Бориса Тимофеевича, милиционер кивнул на Доску почета и добавил:

— Спасибо Вам, а то ведь срам смотреть!.. Да разве за всеми-то уследишь! Счастливого пути!

Борис Тимофеевич нетвердой походкой повел велосипед к выходу из парка.

Через две недели на собрании, посвященном Дню медицинского работника, к скромно сидевшему Пырину подошел заведующий хирургическим отделением Новиков и, широко улыбаясь, громко сказал:

— Это что же вы, милаша, молчите? Ишь, скромник какой! А ну-ка встаньте, встаньте, пусть на вас все полюбуются!

Михаил Александрович энергично взял за плечи ставшего блее собственного халата хирурга и повернул его лицом к аудитории.

— Друзья мои, — продолжал улыбаться заведующий отделением, — я должен открыть вам страшную тайну!

Чувствуя лихорадочную дрожь в плечах своего подчиненного, Михаил Александрович тихо проговорил:

— Да не волнуйтесь вы так, милаша! Я же все знаю!

Затем, не отпуская плеч съездившегося хирурга, продолжал:

— Друзья мои! Вот этот скромный человек, наш с вами товарищ, честный, добросовестный хирург, совершил благородный поступок!

Все с интересом посмотрели на перепуганного на смерть Пырина.

— Может, сам расскажешь? — опять тихо спросил заведующий отделением.

Пырин отрицательно покачал опущенной головой.

— Этот человек, — Михаил Александрович сделал паузу, во время которой голова Бориса Тимофеевича склонилась еще ниже, — этот человек... самостоятельно... за свой счет... отремонтировал городскую Доску почета!

Говорил заведующий отделением медленно, с большими паузами, а последние слова произнес громко и торжественно, чем вызвал бурю аплодисментов. Аплодировали стоя. Раздались крики:

— Молодец! Браво, Борис!..

— Ура Борису Тимофеевичу!..

— Знай наших! Качать его!..

Борис Тимофеевич обалдело крутил головой, видя обращенные к нему восторженные лица.

— Спасибо!.. Спасибо вам!.. Большое спасибо! — лепетал он, боясь поверить в происходящее. Отовсюду тянулись к нему руки улыбающихся коллег.

Торжественное собрание, обещавшее быть, как всегда, скучным, заканчивалось на высоком эмоциональном подъеме. Девушки из регистратуры преподнесли Борису Тимофеевичу огромный букет гладиолусов, оставив на щеках хирурга характерные узоры.

Высвободившись из дружеских объятий, Борис Тимофеевич, красный от волнения, подошел к своему начальнику и срывающимся голосом произнес:

— Я вам... Я вас... По гроб жизни!.. Спасибо!.. Спасибо вам!..

Михаил Александрович вновь взял за плечи кланяющегося Пырина и сказал:

— Ну что вы, что вы, милаша! Это же вы сами!.. Я тут ни при чем!..

Борис Тимофеевич, вернувшись с букетом цветов, рассказал жене о японском методе сохранения производственных отношений. Затем он долго и с восторгом говорил о замечательном враче и чудесном человеке Новикове Михаиле Александровиче.

СТУК И СКРИП

В это утро Веня Пухов, прозванный с появлением известного мультика Винни Пухом, проснулся в состоянии футбольного мяча, который пнули, и он не знает, когда и где приземлится.

Аккуратно, чтобы не разбудить жену, Веня встал и пошел на кухню. Заглянув в холодильник, он обнаружил там чуть не целую бутылку водки. Это сильно его обрадовало, поскольку избавляло от толкотни в пивных очередях. В голове закрутился мотив любимой песенки: «Хорошо живет на свете Винни Пух...»

Чтобы не привлекать внимание жены звоном посуды, Веня прямо из горлышка сделал несколько глотков и с наслаждением захрустел малосольным огурчиком. Затем пошел в ванную комнату, умылся, побрился и стал одеваться.

Квартира, в которой проживал Веня Пухов со своей женой Аней, была не богата, но со вкусом меблированная «хрушевка», имеющая «трамвайчиковое» расположение комнат. Большую часть своей жизни тридцатидвухлетний преподаватель физики профтехучилища со строительным уклоном провел, мягко говоря, в стесненных условиях и его ностальгически тянуло в маленькие деревянные дома, однокомнатные квартиры, общежитские комнатенки.

— Ты куда это засобирался? — слабым со сна голосом, но достаточно строго спросила жена, приподнимаясь на кровати. — Или все твои обещания — пустой звук?

Анна Максимовна, жена Вениамина, русоволосая зеленоглазая женщина небольшого роста, имела характер властный и независимый. В минуты праведного гнева, вызванного фокусами супруга, она, не думая о последствиях, наносила ему весьма серьезные повреждения лица, и Вениамин Павлович появлялся перед строителями светлого будущего то в черных очках, то основательно «заштукатуренный».

— Ты понимаешь, Анята, — с напускной деловитостью ответил Вениамин, — вчера Вася Гончаров просил принести спортивную сумку. У него Алла поедет в Чехословакию, ну и... Она где?

— Там! — ответила непечатным словом Аня. — Нужна Васе Гончарову твоя сумка, как мертвому калоши!.. Ты забыл, что завтра на работу?!

— Да я мигом, туда и обратно! — убежденно сказал Веня, осторожно пряча в сумку початую бутылку водки.

Выйдя из дома, он еще не знал, куда направит свои стопы, но метров через пятьдесят вдруг вспомнил, как вчера напрашивался в гости к Лене Курочкиной, и та игриво не отказала.

Жизнь мгновенно приобрела смысловую окраску, и Веня радостно замурлыкал в такт своим шагам: «Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро: то здесь сто грамм, то там сто грамм, — на то оно и утро!» На душе был праздник.

Пятиэтажка, где жила Лена, находилась неподалеку, и через пять минут Веня уже нажимал кнопку звонка ее квартиры.

После третьего нажатия послышался скрип кровати, но к дверям никто не подошел.

«Может, есть там у нее кто? — подумал Веня. — Так не приглашала бы, а то...» — И он позвонил еще два раза. За дверями вновь послышался скрип кровати, шлепание босых ног, и заспанный женский голос спросил:

— Кто там?

— Это я, Леночка, я, — жарко зашептал в дверь Веня. — Открой, не бойся.

Дверь распахнулась, и он вошел в комнату.

— О, господи, откуда ты? — удивленно и не очень приветливо сказала Лена. — Времени-то, знаешь, сколько?

Вениамин быстро оглядел небольшую комнату, где, казалось бы, и разместить-то ничего нельзя, но все необходимое имелось и стояло на своих местах. Уютом и тихой радостью повеяло на Вениамина в комнате одинокой женщины. Он ласково, почти с любовью взглянул в зеленые, точь-в-точь как у жены Ани, глаза и в свою очередь спросил:

— Леночек, дорогая, ну при чем здесь время?!

Затем он бросил взгляд на разобранную кровать, подошел вплотную к полуодетой женщине и заключил ее в объятия.

— Ну при чем здесь время, — прижимаясь губами к розовому ушку, шептал Веня, — если я всю ночь думал только о тебе!

— Ну и что же ты обо мне думал? — более миролюбиво и заинтересованно спросила Лена, пассивно высвобождаясь из объятий и одергивая сорочку.

— Леночка, я должен тебе совершенно официально заявить, — Веня подошел к шкафу и достал два небольших фужера — что вообще о тебе очень часто думаю! Тут уж ничего поделывать нельзя! Свершилось!

Он налил водки и один бокал подал Лене.

— Ну и за что же мы с тобой выпьем... в такую рань? — с улыбкой спросила Лена, садясь на кровать.

— Леночка, с тобой я могу пить только за любовь! — торжественно сказал Вениамин, садясь рядом с ней.

Кровать скрипнула.

Они выпили.

— Да ты ложись, чего ты встала, — сказал Веня, подходя с сигаретой к форточке. — Я вот тут покурю, а ты ложись, чего там...

Лена закинула ноги на свою музыкальную кровать и накрылась до пояса одеялом.

Веня, продолжая курить и рассказывать какую-то смешную историю, стал раздеваться. Лена этого процесса видеть не могла, поскольку лежала головой к окну, но, надо полагать, чувствовала. Поэтому, когда Веня лег рядом с ней на взвизгнувшую кровать, сразу же обняла его за шею и широко открытым ртом жадно впилась в его губы.

В этот момент раздался довольно сильный удар в дверь. Удар был настолько неожиданным, что Веню подбросило на кровати, отчего та взвизгнула, словно собака, которой наступили на хвост. Затем он вытянулся, как покойник, и вопросительно уставился в зеленые глаза Лены. В тот же момент раздалось сразу два, но еще более мощных удара. Веня еле слышно прошептал:

— Что это?

Лена прижала палец к губам и медленно закрыла глаза.

— Эй, ты чего, дома, что ли, нету? — пьяно и грубо прозвучало за дверью и последовал очередной удар.

— 3-замок п-прочный? — одними губами спросил Вениамин, несколько заикаясь.

Лена, не открывая глаз, отрицательно покачала головой.

За дверями звякнули ключи, и под неясное бормотание начались попытки открыть замок.

— Здоровый мужик-то? — все так же тихо спросил Вениамин, стараясь унять нервную дрожь в ногах.

— Амбал! — ответила Лена и открыла глаза. — В тюрьме сидел!

Веня сделал попытку встать, но кровать вновь подала омерзительный голос, и он опять весь сжался.

В дверь снова два раза бухнуло.

— Войдет — зарежет! — равнодушно, как показалось Вене, и с какой-то странной улыбкой сказала Лена, продолжая лежать в прежней позе.

Внезапно Вениамин вздрогнул от того, что увидел перед собой Ленины глаза... Сейчас они были какие-то неживые, холодные, как у кошки. Ему показалось, что Лена сейчас мяукнет, покажет острые зубы и вцепится когтями в его лицо. Страх сковал все его члены, и он почувствовал себя совершенно несчастным.

Тем временем за дверями продолжалось пьяное бормотание и ковыряние ключами замка. Когда же удары вновь посыпались один за другим, Веня вскочил с кровати и бросился к одежде. На маленьком столике у зеркала мирно лежали ножницы. Он схватил их, взял в правую руку, как нож, и стал быстро одеваться, трясаясь всем телом. Натягивая одежду, он неотрывно смотрел на дверь, трепетавшую под ударами кулаков, словно парус под ветром. Замок, ранее переставляемый с места на место неопытной рукой, каким-то чудом сдерживал этот страшный натиск.

Сунув трусы с носками в карманы брюк, в незашнурованных ботинках Веня лихорадочно стал шарить глазами по комнате, превратившейся вдруг в ненавистную западную, отыскивая выгодную позицию для обороны. Затем он схватил со стола бутылку с остатками водки и, покачивая ею, словно гранатой, на цыпочках подошел к единственному окну. Коротко взглянув вниз, увидел, что земля находится метрах в семи, и это вселило в него надежду.

Дверь в очередной раз дрогнула от сильного пинка, и донеслось пьяное:

— Ну ты чего, в натуре, дома, что ли нет?

Затем послышалось неясное бормотание и удаляющиеся шаги. Вскоре все стихло. Но Вениамин продолжал стоять в позе гепарда, готового к прыжку.

Лена встала с кровати, подошла к недавно еще такому смелому и галантному Вениамину, взяла у него из руки гранату-бутылку и вылила содержимое в фужер. После небольшой паузы она резко выдохнула и залпом выпила. Затем приставила к губам кусочек черного хлеба, резко втянула носом воздух, и не глядя на своего раннего гостя с ножницами в руке, вновь легла на протяжно заскулившую кровать.

Вениамин же, словно загипнотизированный, еще некоторое время продолжал смотреть на дверь. Сознание

медленно возвращалось к нему. Наконец он полностью пришел в себя. Фигура его приобрела вертикальное положение, но оторвать взгляда от двери он уже не мог. Машинально взяв сумку левой рукой, с ножницами в правой, на негнущихся ногах и с остановившимся взглядом Вениамин молча покинул комнату Лены.

Жена Аня была крайне удивлена столь быстрым возвращением мужа. Взглянув на его бледное лицо и немигающие глаза, спросила:

— Чего сумку-то не отдал? Дома, что ли нет? А ножницы зачем?

При словах «дома, что ли, нет» Веня вздрогнул, молча вошел в ванную комнату и закрылся на защелку.

Аня пожала плечами и пошла на кухню.

Минут через двадцать Вениамин, с мокрыми волосами, в трусах и майке подошел к жене и незнакомым голосом сказал:

— Анюта, кем я был для тебя все это время?

— Как это — «кем»? — не поняла та. — Ну, мужем, вроде...

— Вот именно — вроде! — Вениамин поднял над головой указательный палец. — Именно — вроде!.. Теперь — все!

— Что — «все»? — грустно переспросила Аня. — Шляться, что ли, перестанешь? Или пить? Так я это миллион раз слышала!

Затем внимательно посмотрела во все еще неподвижные глаза мужа и с печалью в голосе добавила:

— Не живать мне, Вениамин Павлович, с тобой спокойно на этом свете! Ох, не живать!..

Но сам Веня в этот момент думал совершенно по-другому. Он впервые в жизни ощутил тепло домашнего очага, его безопасность, и ему захотелось сделать что-нибудь такое, отчего жене Анне приятно будет сказать ему слова благодарности и, может быть, достать из укромного места бутылочку хорошего вина.

ИСЦЕЛЕНИЕ

По росистой тропинке, ведущей к небольшому лесному озерку, стремительно продвигается человек с удочками. Лицо его, заросшее трехдневной щетиной, кажется усталым, но полно вдохновения и ожидания счастья. Глаза горят. На лбу шишка.

Зовут человека Ваня Хантанов. У него сегодня праздник. У него день рождения. Не в прямом смысле, а... Впрочем, все по порядку.

Много лет назад тридцатидвухлетний зоотехник колхоза «Заветы Ильича» Ваня Хантанов попал в зависимость к зеленому змию. Это сам Иван говорил, что он «попал в зависимость», «пристрастен к алкоголю», «пагубная страсть» и так далее. На самом же деле, он просто пил. Пил сильно, и никаких тормозов, никакого удержу для него не существовало.

А началось «это дело» еще до того, как веселый смуглолицый парень Ваня Хантанов женился на симпатичной девушке из деревни Вороники Ниночке Лохиной.

Во все времена русский мужик не дурак был выпить. И в городе, и в деревне. Редко кто мимо рта рюмочку пронесет. Сторонились трезвенников, не уважали. Пьянства особого, надо сказать, не было. Но если находился незначительный повод или просто предложение — мигом соображали. Преступлением, чрезвычайным происшествием, как в начале перестройки, это не считалось. Без жадности люди пили, с чувством, создавая праздник душе и телу. Но зато праздники, особенно престольные, — другое дело. Там всякое было. Да и то сказать — святое дело!..

И понравилось скромному и застенчивому парню после «причащения» чувствовать себя веселым, остроумным, смелым и сильным. А мужики похваливают, поглядывают уважительно. Ровней себе считают. Предлагают закурить... Ну как тут молодой башке не закружиться?! В общем, с этого и началось. И пошло-поехало, понеслась душа в рай!..

Нина сначала посмеивалась и не обращала внимания, когда Иван, шумный и по-взрослому пахнувший водкой, приходил к ней, и они целовались до утра в ее комнате.

Затем пьяные виражи жениха стали круче и чаще, ласки короче, слова грубее. Родители, да и соседи порой стали говорить: «Смотри, Нинка, выходить ли тебе за Ивана-то? Пьет ведь!..»

Через два месяца после прихода из армии, на Спасов день, состоялась свадьба демобилизованного младшего сержанта Хантанова и симпатичной девушки Нины Лохиной. Три дня гуляла вся округа. Три дня рекой лилась самогонка и самодельное пиво в луженые глотки мужиков и баб. Песни орали так, что слышно было километра за четыре. А уж плясали под гармошку—весь дом ходуном ходил!..

Жуткое веселье было раньше на свадьбах! Гуляли, как будто в последний раз! Мода, что ли была такая? Или время такое было? Хотя, мода всегда шла в ногу со временем...

Через год после свадьбы у молодых родился первый ребенок — мальчик. Еще через год родилась девочка. Вот тут-то и понесло Ваню Хантанова во все стороны разгульной жизни. Дня не проходило, чтобы не случилось крика, ругани в их доме. Нина как-то незаметно превратилась в нервную, худую и крикливую деревенскую бабенку с сеточкой морщин на загорелом лице. Пронзительный ее голос, перемешанный с детским плачем, стал в деревне привычным явлением, как петушинная песня по утрам. Иван же, если приходил домой сам, падал где попало и храпел до утра, матерясь во сне и скрежеща зубами. Утром у него страшно болела голова, во рту «эскадрон ночевал», и он мало что помнил. Солью на эту открытую рану, как правило, был визгливый голос жены: «Паразит, долго ли мучить-то нас будешь?.. Морду твою пьяную видеть не могу!..»

Иван, делая вид, что его не волнуют оскорбительные выражения жены, пил из большого ковша холодную воду, улыбочиво кивал детям и уходил на работу.

Постепенно все его поведение стало подчиняться одному: где и как достать «наркоз».

Впервые мысль о самоубийстве постучалась в похмельную голову Ивана, когда Нина, забрав детей, на две недели ушла к матери в свои Вороники. Мысль была неожиданной, пугающей, но в чем-то и успокаивающей, как бы дающей какой-то шанс.

Через два дня после возвращения жены он снова впал «в глухой штопор...»

Итак, то утро, с которого началось повествование, было воскресным. Вчера Нина, жена Ивана, истопила баню, вымыла детей, сама попарилась, и втроем они улеглись

спать. Была слабая надежда, что муж придет с работы пораньше и не очень пьяный, чтобы отправить в баню и его: не топить же дважды. Но Ивана, словно мешок с картошкой, принес домой конюх из Ямушина, одноглазый дядька Игнат и бережно положил у порога.

Сказав «извиняйте», дядька Игнат вытер кепкой вспотевшее лицо и вышел вон. Нина же подошла к лежащему без признаков жизни мужу и трижды звонко ударила его по небритым щекам, сопровождая каждый удар словом «паразит».

Утром Иван проснулся от того, что его тащили за ноги.

— Ну-ка, развалился тут! — резко говорила жена, бесцеремонно оттаскивая его от печки, в которой уже горел огонь. — Людям проходу нет!..

Иван вдруг вспомнил сказку про бабу Ягу, которая хотела посадить в печь братца Иванушку, и ему сделалось весело.

— Ты чего это рожу-то свою пьяную скалишь, а? — спросила жена, подходя к нему с небольшим ухватом в руках. — Хватану сейчас по бесстыжим-то бельмам, чтобы не хахалился больше! Хочешь, паразит? — и, не дожидаясь ответа, сильно ткнула ухватом в грудь мужа. Иван схватил концы ухвата и со словами: «Оборзела, что ли?» — вырвал его из рук жены. Тогда Нина, резко повернувшись к печке, схватила приготовленное на растопку березовое полено и, как профессиональная городошница, метнула его в сидящего на полу мужа. Иван в последний момент выставил вперед ухват, тем самым защитив мозги от неминуемого сотрясения. Видя, что вторая попытка по причинению мужу телесных увечий не достигла цели, Нина вновь повернулась к печке и стала доставать из нее уже горящее с одного конца полено, приговаривая:

— Пусть меня посадят, а тебя, паразита, все равно жизни лишу!..

Иван, как ошпаренный, вскочил с пола, бросил ухват и выскочил на улицу.

Запущенное женой полено все-таки слегка задело свою жертву, и сейчас на Ванином лбу вздувалась шишка. Настроение было самое что ни на есть отвратительное. Хотелось пить. Все тело дрожало, как в лихорадке. Хотелось лечь и ни о чем не думать. Хотелось уснуть, чтобы больше не проснуться никогда. Чтобы не слышать и не чувствовать этих оскорбительных криков, унижительных побоев, похмельной слабости и дрожи в коленках, и чтобы нашли его, уснувшего вечным сном, где-нибудь на дороге и сообщили жене. И чтобы она, крича и заламывая

руки, упала на остывшее тело и просила прощения у него, мертвого, за свое безобразное поведение...

Иван не заметил, как из его глаз полились слезы жалости к самому себе, в груди что-то запрыгало, в горле образовался сладкий комок.

Он сел прямо на землю, обхватил голову руками и минут пять плакал, как ребенок, освобождая душу от накопившейся обиды.

Наконец, Иван успокоился, встал, отряхнул брюки и поднял лицо к небу. День обещал быть безоблачным и жарким. «Ну куда мне теперь? — подумал он, прислушиваясь к звукам просыпающейся деревни. — В петлю, что ли?..» Сладкий комок опять подкатил к горлу. Порывисто вздохнув, Иван медленно пошел прочь от своего дома.

Уже при выходе из деревни он вдруг ощутил в себе странное чувство. Это было не что-то конкретное, определенное, как например, страх, радость или гнев. Нет, это было многослойное, сложное чувство. Оно вмещало в себя и нежность, и любовь, и чувство вины, и стыд, и досаду, и жалость, и много чего еще. И все это было направлено к его жене, к матери его детей, к его Нине, которая сейчас у печки, с чугунами и ухватами...

Иван резко повернулся и быстро зашагал назад, к дому. В сених он остановился, прислушался. Хотел постучать, но раздумал. Оглянулся и увидел стоящие в углу удочки. Ах, сколько же времени он не брал их в руки! Сколько же лет — не дней, а лет! — прошло, когда он последний раз таким же летним утром, переполняясь восторгом, разматывал леску на берегу дымящегося туманом озера. Ах ты, мать честная, да когда же это было! И было ли вообще?..

Иван схватил удочки, поднес их к глазам, зачем-то понюхал, даже лизнул одну, и бросился на улицу.

Узнавая и не узнавая дорогу, он почти бежал по направлению к заветному водоему.

Еще издали он услышал, как плещется в озере рыба, и сердце его наполнилось необыкновенной радостью. Если бы в эту минуту кто-нибудь увидел его лицо, восторженные глаза, непременно бы подумал, что этот человек самый счастливый на всем белом свете. Впрочем, так оно и было!..

Дрожащими от волнения руками Иван перевернул трухлявое бревно, быстро насобирал червяков и сел под наклонившейся над водой старой березой. Быстро снарядил крючки, проверил поплавки, грузила, закинул удочки и стал ждать.

Мало-помалу волнение, с которым он примчался к озерку, улеглось, и мысли, одна другой неожиданной, стали приходить в голову Ивана.

«А ведь права она! — думал Иван. — Во всем права!.. Это ж надо — пить столько времени, да еще права качать!.. Это уж точно — убить мало!..»

Он вдруг поймал себя на мысли, что впервые задумался о жизни, и даже вздрогнул от этого.

«Но что же произошло? — соображал он, задумчиво наблюдая за поплавами. — Что могло случиться?..»

Волнение, но уже с большей силой, вновь охватило Ивана. Он встал и быстро заходил взад-вперед по берегу. «Да что же это со мной? — спрашивал он себя, поднимая глаза к высокому голубому небу. — Господи, да как же мне жить-то теперь?»

Он вдруг резко остановился, словно наткнувшись на невидимую стену. Перед его мысленным взором с беспощадной отчетливостью вырисовались упавшая еще в начале весны изгородь палисадника, чудом державшаяся на одной петле дверь в сенной сарайчик, песья будка с провалившейся крышей и выбитой сбоку доской, раскатившаяся поленица осиновых дров, подгнивший сруб колодца во дворе его дома, сам дом с давно некрашенными наличниками...

Иван почувствовал, что сердце его вот-вот разорвется на клочки или выскочит из груди через пересохшее от переживания горло. В отчаянии он обхватил голову руками, сел на корточки, затем со стоном повалился на землю.

Иван не помнил, сколько он пролежал, уткнувшись лицом в сухую траву. Очнуться его заставил муравей, деловито и настойчиво обследовавший часть его щеки, ухо и шею.

Иван сел, смахнул муравья и вытер влажное лицо. Он не мог вспомнить, плакал или нет, но ощутил вдруг такую душевную чистоту и легкость, которые обычно несут «очистительные слезы». В одночасье он почувствовал себя совершенно здоровым человеком.

Смотав удочки, Иван уверенно зашагал к деревне. Хотелось петь. Он бы и запел, но до встречи с женой ему надо было решить, с чего начинать новую жизнь.

И все-таки, когда до деревни оставалось рукой подать, Иван остановился и торжественно произнес, как выдохнул: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!»...

Солнце тем временем клонилось к горизонту, но на душе у Ивана было светло и радостно.

БЛАГОТВОРНОЕ ВЛИЯНИЕ

Степан Борков очень любил писать стихи. Читать их он не любил, а писать просто обожал. Это у него получалось, как он сам думал, очень даже неплохо. Свои произведения он не посылал ни в тонкие, ни в толстые журналы, хотя был уверен, что там бы их напечатали. Он поднимал вверх указательный палец и многозначительно изрекал:

— Имеющий уши да услышит!..

А писал Степан Борков стихи о деревенской жизни, о природе, о лошадях и коровах, то есть о том, что хорошо знал и любил, поскольку жил в деревне и работал пастухом. Однажды зимой пастуха направили было убирать навоз за теми же коровами, но это вызвало у него такое внутреннее сопротивление, что направиители отступились.

— Черт с тобой, — сказал бригадир. — Пиши свои стихи.

И Степан писал. Писал много, иногда по несколько стихотворений в день. К другим поэтам относился ревниво. Когда слышал по радио или видел в газете стихотворный текст, его губы кривились, и он приговаривал:

— Ну-ну, давай-давай...

Степан был убежден, что рано или поздно он заявит о себе на всю страну, его заметят и опубликуют в каком-нибудь солидном издательстве. Книга должна быть обязательно толстой, а на обложке изображена его деревня и лошадь с жеребенком. Само собой — фотография и биографическая справка: кто, мол, что и откуда.

Лет восемь назад, когда из деревни валом повалили «молодые, здоровые силы», Степана охватила тоска. Были такие периоды, когда он по две-три недели совсем не писал стихов. Злое безразличие наваливалось на него, даже отвращение к жизни. Когда же чуть отпускало, он хватал свою тетрадку, уходил к дальним ригам и дня два не показывался на глаза. Степан свою тоску выливал в рифмованные строки, и ему становилось легче.

Он писал:

Запрокинулась в душу кручина
И не ладятся что-то дела.
Молодой еще, в общем, мужчина,
Но и этот бежит из села...

Жена Настя по-разному воспринимала литературные занятия Степана. Какое-то время после свадьбы она с интересом наблюдала за мужем и ей было даже весело. Но, видя, что «блажь» эта не проходит, стала сердиться. Однажды зелье отворотное заказала у старухи-повитухи из соседней деревни, но так и не сходила за ним. После этого лишь настойчиво посылала Степана к доктору. Когда же поняла, что все ее старания напрасны, махнула рукой, сказав то же самое, что и бригадир.

Причиной крайнего возмущения Степана были дачники. Они появились в деревне как-то сразу, внезапно. Степан сначала даже обрадовался появлению новых людей на блестящих машинах. Но, когда увидел, как с хохотом отрываются доски с заколоченных окон, а женщины в одних купальниках разгуливают по двору, в один миг все в нем перевернулось.

— Да что с тобой? Скажи толком, — спрашивала Степана жена, видя, как тот места себе не находит.

— Что, говоришь, со мной? А ты разуй глаза-то! Ты иди глянь на срамоту-то, иди...

Насте было жалко мужа, но в то же время смешно, отчего Степан ерепенился еще больше.

— Да ведь это же конец, крах, катастрофа... Ведь погубят же все, ведь им же тут ничего не надо, кроме как гольими выпендриваться... Неужели ты этого не видишь? Неужели вы все этого не видите? — размахивал руками Степан, обращаясь то к жене, то к воображаемой публике. Затем, если не было рядом детей, отпускал несколько крепких выражений и убегал куда глаза глядят.

Слова «дачники» или «приезжие» Степан не произносил. Он говорил просто «эти».

— А эти-то, видела, нынче на двух «Жигулях» прикатили, дармоеды... А ты знаешь сколько один «Жигуль» стоит? Не знаешь? Ну так вот — ворье! Проворовались в городе, а сюда и лезут скрываться... Ты у этого брюхо-то видела?... Теперь всю ночь музыку крутить будут. Ну, банда!

— Степан, ты бы отступился от них, — уговаривала мужа Настя. — Нормальные же люди, как и все.

— Нет, не как все, не как! — ершился Степан. — Как все-то, вон, работают... Должны работать! А этим только пузо греть!..

Особое негодование у Степана вызывали курящие женщины. Он всегда считал, что если женщина курит, то это пропащая женщина. Он сразу подводил черту: пробы ставить негде! Тут же был целый ансамбль. Курили все от

мала до велика: и мужчины, и женщины, и даже, как показалось Степану, дети. Хотелось уйти, уехать куда-нибудь далеко-далеко, чтобы, вернувшись, не увидеть в родной деревне дачников с их машинами, а чтобы все было хорошо и радостно, как раньше.

Стихи сами собой ложились на бумагу:

Я опять возвращаюсь дорогой,
По которой ушел год назад
От коровы своей однорогой
И колхозных голодных телят...

Корова у Степана, действительно, была, но двурогая. А в стихах он оставил ей один рог для пушей тоски и жалости. Это соответствовало его настроению.

Все три летних месяца, особенно по выходным дням, Степан вставал в пять часов утра и угонял колхозное стадо подальше от деревни. Он не хотел видеть, как просыпаются дачники, как они готовят еду, курят и пьют вино. В лесу, чтобы не слышать радостные аукания «этих», Степан затыкал уши ватой, раскрывал тетрадку и самозабвенно писал, изредка поглядывая за стадом:

Я иду, а навстречу мне прямо —
Даже стыдно в стихах говорить —
Незнакомая баба в панаме
И в купальнике: «Дай закурить!»

И другие вопросы похлеще
Эта женщина мне задает.
До какой же бессовестной вещи
Докатился приезжий народ!..

Говоря газетным языком, подобная конфронтация могла продолжаться неизвестно сколько времени, если бы не случай.

А произошло вот что.

Часу в шестом вечера сидел Степан на берегу реки под любимой своей березой и писал стихи. Неспешно паслись коровы, привыкшие к тому, что их никто не понукает и не перегоняет с места на место.

— Простите, если позволите, я тут посижу с вами, — сказал пожилой мужчина в больших очках и с корзинкой, подходя к Степану. — Устал, знаете.

Степан сразу почувствовал интеллигентного человека. В этом смысле обмануть его было невозможно. Уж если «простите» да «позвольте» — точно, интеллигент! И хотя

Степан не очень любил всякие там заковыристые словечки, уважение к образованным людям испытывал большое.

— А чего же, садитесь, — ответил он. — Места хватит.

— Прощу меня извинить — продолжал незнакомец, — я уже несколько раз замечал, как вы что-то пишете... Нет-нет, разумеется, вы можете не говорить, это ваше право... Но меня это интересует как человека в некотором роде связанного с литературой. Уж не стихи ли?

Степан почувствовал в словах искреннюю доброту и участие и неожиданно для себя просто ответил:

— Да пишу вот!.. Вирши, как говорится!

Человек в красивых очках улыбнулся.

— А нельзя ли взглянуть на эти, как вы говорите, вирши? Дело в том, что ваш покорный слуга уже много лет работает редактором районной газеты. Сам пишу. Правда, времени для этого маловато... Так что смело можете мне довериться!

Степан вдруг ощутил, что не испытывает к этому дачнику никакой ненависти, даже наоборот, и протянул тетрадку.

Когда они возвращались домой, Степан говорил:

— Да ведь я понимаю, Константиныч, что читать надо больше. Но ведь чего пишут-то!.. Не пойми чего пишут! Мне кажется, После Некрасова хороших поэтов вообще не было. Ну, разве, Есенин...

За ужином Настя спросила, встревоженно глядя на притихшего мужа:

— Ты чего какой-то сегодня? Нemoжeтся, что ли?

Степан поднял на жену грустные глаза:

— Ну что у тебя за язык, Настя! Можeтся, нemoжeтся... Других слов, что ли нeтy?! Ты хoть читай больше. Книга, брат, это лучший помощник и учитель... И вообще, добрее надо быть! — неожиданно для себя закончил Степан.

После встречи с редактором газеты в характере Степана Боркова, как и во всей его дальнейшей жизни, произошли необратимые процессы. Теперь он, проходя за стадом мимо дачных домов, вешал кнут на плечо, приподнимал за козырек кепку и радостно восклицал:

— Доброго вам здоровычка!.. Ну, как отдыхается?..

Улыбка не сходила с лица Степана. В один прекрасный день он сказал жене:

— Алексей-то Константинович отобрал кое-что из моих ранних, обещал напечатать... Ну, мать, теперь держись!

Жизнь вокруг вновь становилась многоцветной и радостной.

СНЯЛИ

Николай Иванович Вихров возвращался домой в прекрасном расположении духа. Прямо с порога он закричал жене:

— Дуся, дорогая, меня сняли!

— Поздравляю! — сказала Дуся, выходя из кухни с грудным ребенком на руках. — Только зачем об этом нужно так орать?

— Так ведь сняли... наконец! — перешел на громкий шепот Николай Иванович.

— На какой конец? — равнодушно спросила жена, укладывая засыпающего ребенка в кроватку.

Вихров хорошо знал характер супруги. Если она была подчеркнута спокойна и внимательна, это неизбежно влекло за собой самый непредсказуемый взрыв эмоций. Стараясь оттянуть приближение бури, Николай Иванович с напускной веселостью произнес:

— Что ты спросила, дорогая?

— Я спросила, на какой конец нам ориентироваться? И понимаешь ли ты разницу между ужасным концом и ужасом без конца? И не на панельку ли мне прикажете выходить? Ишь, обрадовал — сняли его!

Оставим на время сцену зарождения семейной ссоры и несколько слов скажем о героях нашего повествования.

Итак, глава семьи, он же Вихров Николай Иванович внешность имел самую заурядную. Роста был невысокого, худ и постоянно небрит, отчего лицо его носило как бы печать крепко выпившего человека. Незнакомые люди иногда шарахались от него, поскольку в дополнение к вышесказанному, он был весьма словоохотлив. Но доброту души имел, надо сказать, безграничную. И если учесть, что он писал недурные лирические стихи, то резонно сделать такое заключение: счастливый человек Николай Иванович, и все у него в жизни хорошо и складно.

Три года назад он женился на черноглазой и черноволосой девушке с романтическим именем Дульсинея, с которой познакомился на областном смотре художественной самодеятельности, где читал свои стихи. Фамилия

у Дульсинеи была Ваксман, что говорило о ее национальной принадлежности и большом музыкальном таланте.

Опыт супружеской жизни Николай Иванович к тому времени имел немалый, поскольку брак с Дульсинеей был для него третьим, что позволило им целый год жить душа в душу. Трения начались неожиданно и, как всегда, из-за пустяков. Одним из них была необходимость платить алименты за детей от первых двух браков. Нехватка денег быстро сказалась на бюджете молодой семьи и Дульсинея, привыкшая быть маменькиной дочкой, все чаще стала говорить мужу о трудностях бытия. Николай, будучи поэтом и имея восторженную натуру, никак не мог понять этих «мелочей жизни» и долгое время принимал все, как шутку.

Наконец, Дульсинея, Дуся, как называл ее любящий супруг, закатила ему такую сцену, после которой он две недели не мог написать ни одной рифмованной строчки. Он вдруг увидел, что его Дуся — обыкновенная женщина, способная не просто повышать голос, а кричать и швырять разные вещи. Но всего больше Николая Ивановича поразило то, что его супруга, обладающая абсолютным музыкальным слухом и превосходно играющая на пианино, позволяла себе нецензурные выражения. И делала она это так легко и естественно, что Вихров сначала даже любовался, наблюдая жену в гневе праведном. Правда, получив однажды пару увесистых оплеух, он изменил отношение к поведению супруги и просил ее так больше не поступать.

Ругань с рукоприкладством становилась все более частым явлением, и Николай Иванович начал задумываться, как помочь жене изменить характер. Он приходил домой веселым, жизнерадостным и рассказывал, как провел день, что произошло на работе. Он очень любил свою профессию наладчика станков с числовым программным управлением на одном из промышленных гигантов, гордился этим и был, как говорится, на виду. Переход к рыночной экономике не только внес определенные коррективы в производственные отношения, но и сместил понятия о так называемых общечеловеческих ценностях. Появились обладатели больших денежных сумм и почти легальные способы их добывания. Человеку честному и совестливому, каким, несомненно, являлся Николай Иванович, было трудно разобраться в происходящем и практически невозможно встать на путь скорой, но сомнительной наживы. Зато его жене это смутное и бестолковое время представлялось как избавление от всех

бед и несчастий, причиной которых она считала отсутствие денег.

— Люди твоей профессии уже в девяностом году стали миллионерами! — укоризненно говорила Дульсинея своему восторженному мужу. И добавляла в сердцах:

— Хоть бы тебя сняли к хренам собачьим!..

Продолжая посвящать обожаемой супруге вдохновенные стихи и оды, Николай Иванович, тем не менее, стал испытывать некоторую усталость от систематических придинок. Рождение ребенка не избавило его от грубости и недовольства жены. Постепенно Николай Иванович научился возражать своей Дусе, не соглашаться с ней, а однажды даже повысил голос, слегка стукнув по столу кулаком. Результат этого поразил его: Дуся сразу вся как-то сникла, съежилась и в глазах у нее появился испуг и покорность. Вихрову стало невыносимо жаль ее, он чуть не расплакался и торжественно обещал найти другую работу...

Но вернемся к началу нашего рассказа.

Итак, Дульсинею не обрадовало известие мужа о снятии. В преддверии надвигающегося скандала Николай Иванович говорил:

— Дуся, ты же придираешься к словам! Ну разве так можно? Тем более, что...

— Тем более, что ты — мудак! — не дала договорить супруга, вставая с табуретки и направляясь на кухню. — Или сроду так? — повернулась она к мужу.

— Дуся, ну как ты можешь! — умоляюще скрестил на груди руки Николай Иванович. — Пойми же ты...

— Я-то пойму, а вот ты не понимаешь, кем теперь являешься? Ты не понимаешь, что лишил нас последнего куска хлеба своим «сняли»? Стебануть тебе, паразиту, по башке вот этой сковородкой!..

Николай Иванович знал, что слова супруги не расходятся с делом и вовремя закрыл голову руками. Он увидел, как черные глаза жены подернулись туманом и понял, что пора переходить к испытанному способу защиты.

— Прекратить истерику! — громко выкрикнул он, топнув ногой. — Немедленно прекратить истерику!

Жена застыла с занесенной над головой тяжелой чугунной сковородкой, будто ее столбняк схватил.

— Положи сковородку на место! — членораздельно, словно гипнотизер, потребовал Николай Иванович, багровея небритыми щеками. — Выпей воды и сядь!

Дульсинея безропотно выполнила все указания мужа и

теперь глядела на него чистыми глазами. Чтобы не расплакаться от этого милого и доверчивого взгляда, Вихров отвернулся и вышел из кухни. Затем снова вернулся и наидетельно сказал:

— Нельзя так вести себя молодой женщине! Ни коим образом! У тебя же молоко может пропасть!.. Успокойся, пожалуйста!

Затем помолчал немного и добавил:

— Это — во-первых! А во-вторых, сняли меня не с работы, а на киноплёнку... Понимаешь? Документальное кино обо мне сняли, как о лучшем наладчике! Как о передовике! Иностранцы снимали! Понимаешь? Так что гонорар теперь в валюте получать будем!.. А ты говоришь — деньги! Не в деньгах счастье!

Дульсинея согласно кивала головой и смотрела на мужа широко открытыми глазами.

В доме воцарились уют и взаимопонимание.

ЦЕПИ ГИМЕНЕЯ

Жил-был на свете молодой человек Лев Дмитриевич Зонтиков. От роду ему было тридцать семь лет. Ничем он особенно не отличался от других законопослушных граждан, но была у него одна, но пламенная страсть — непреодолимая тяга к прекрасной половине человечества. Эта страсть постепенно овладевала всем его существом, а затем и вовсе превратилась в смысл жизни. В результате нормой поведения преподавателя физкультуры художественного училища стало ухлестывание за всякой женщиной, ответившей хоть каким-то вниманием на его отработанные до мелочей приемы. А приемов этих у него, надо сказать, имелось великое множество. Кроме того, что он был высок ростом, красив лицом и энергичен, он как-то особенно задушевно умел исполнять песни Окуджавы и Визбора, аккомпанируя себе на гитаре. Лев Дмитриевич никогда не позволял себе никакого нахальства, распушенности, но всегда был настойчив и непреклонен. Про запас имел несколько «забойных» выражений, которые придавали особый шарм всему его облику. Он любил и умел нравиться. Кто-то однажды сказал о нем, что этот человек обречен и запрограммирован на любовь. В общем, это была та мужская особь, которая может заставить самую умную женщину поглупеть, а красавицу — чувствовать себя неуютно. И наоборот. В определенной ситуации он изрекал:

— Я совершенно не согласен с выражением «свободная экономическая зона»! Это порождение большевистской идеологии. Вы чувствуете коммунистический привкус?! Ведь если — зона, то не может быть и речи ни о какой свободе! Вы согласны?

При этом он так смотрел на женщину, что у той подкашивались ноги и она готова была тут же упасть к нему на грудь.

Или вот еще перл из его коронных выступлений:

— Стремление к сексуальной гармонии — не похоть, а потребность здорового организма. Любой другой подход к этому вопросу есть скудость ума, ханжество и может привести к весьма печальным последствиям!

К каким именно последствиям может привести «другой подход», Зонтиков не пояснял, но всем было понятно, что выход из положения только один — в стремлении к сексуальной гармонии.

Когда он был в ударе, женщины смотрели ему в рот, ловя каждое слово, готовые пожертвовать всем во имя его благосклонного внимания. Мужчины относились к нему как к неизбежному, но безобидному злу. А если кто и сердился, то Лев Дмитриевич умел так поговорить с человеком, что тот сразу же все прощал и готов был извиняться за возникшие было подозрения.

Жена этого ловеласа научилась смотреть на проделки мужа сквозь пальцы. Чего ей стоила эта наука — можно только догадываться. Но Евгения Сергеевна, преподаватель живописи того же училища, вела себя так, как будто в семье у них тишь, гладь да божья благодать. В общем, умная женщина досталась нашему... как бы его назвали в старину — дамскому угоднику и волоките.

Но при всем этом надо сказать, что женился Лев Дмитриевич по любви и до сих пор его идеалом оставалась жена с ее округлыми формами и маленьким ростом.

Ежегодно во время летних каникул чета Зонтиковых на три-четыре недели расставалась друг с другом. Собственно, расставание заключалось в том, что Лев Дмитриевич уезжал в дом отдыха или санаторий, а его жена оставалась дома. Они вполне могли бы совершать любые поездки вместе, если бы преподаватель физкультуры потерпел, пока его жена примет у студентов зачеты и экзамены по мастерству рисунка. Но Лев Дмитриевич никак не мог допустить этого, поскольку его охватывало яростное нетерпение, какой-то дикий кураж от предвкушения «свободного полета». Это выражение — свободный полет — он придумал не сам. Как, впрочем, и десятки других выражений, определений, кличек и прозвищ в отношении себя. Ими награждали его женщины. Причем, не те, с которыми он «входил в контакт», а другие, наблюдавшие его «виражи» со стороны. Ну посудите сами, чем может заниматься «Левчик-перехватчик»? Естественно, совершать «свободный полет» в поисках «запасного аэродрома», входя иногда в «глубокий штопор». А «Ночной ковбой» просто обязан без тени сомнения завоевывать женские сердца.

Каких только характеристик не имел в свой адрес «профессионал в вопросах любви и секса» Лев Дмитриевич Зонтиков! За ним тянулся длинный шлейф соответствующих имен и кличек. Он был и Дон Жуаном, и Ловеласом, и Брачным аферистом, и Стрикулистом, и Сутене-

ром, и Половым разбойником, и... кем он только не был! А не был он просто отдыхающим, восстанавливающим здоровье, сочетающим водные процедуры с нормальным питанием. На это у него просто не хватало времени. Так что, когда заканчивался «период гона», он худел килограммов на семь-восемь и выглядел не лучшим образом.

Наверное, этот «любовный марафон» для нашего героя закончился бы когда-нибудь сам собой. В силу, так сказать, возрастных особенностей. Но судьбе было угодно ускорить данный процесс.

— Жень! — сказал Лев Дмитриевич, собирая в большой «гастрольный» чемодан свои брюки, рубашки, майки и галстуки. — Ты, надеюсь, понимаешь, что я должен ехать именно сейчас, а не через две недели! Иначе все рухнет! Понимаешь?

— Понимаю, — просто ответила жена, раскладывая вокруг себя рисунки молодых дарований. — Что тут не понять?! Конечно, понимаю. Поезжай с богом!

Зонтиков был благодарен жене за то, что она избавила его от унижительных объяснений, вранья и ругани по поводу «одиночного отрыва». Все произошло интеллигентно, на полном доверии и согласии.

Утро следующего дня Лев Дмитриевич встречал на балконе третьего этажа престижного дома отдыха, расположенного на высоком берегу довольно широкой и быстрой реки. Место было живописнейшее. С балкона открывались необозримые дали российского нечерноземья. Неподалеку раскинулся одноэтажный городок, сохранивший прелесть старинной застройки. Внизу широкой полосой желтел пляж, уставленный деревянными грибами и разделками. К нему прямо от корпуса сбегала длинная лестница с бесконечным количеством ступеней.

У Льва Дмитриевича перехватило дыхание от всей этой красоты, чистого хмельного воздуха, ощущения собственной силы и значимости. Он мысленно уже бежал по крутой лестнице вниз, к пляжу, обнимая за талию...

— Доброе утро! — неожиданно раздался справа мелодичный женский голос, заставивший его вздрогнуть. — Вы уже устроились?

— Э-э-э... Доброе утро! — Зонтиков слегка растерялся, но затем быстро привел себя в порядок и весь устремился вправо, на голос. — Прекрасное, изумительное утро!.. Но что-то, знаете, не спалось!

— Что так? — голос женщины раздавался за перегородкой из полупрозрачного стекла, разделяющей их балконы.

Зонтиков мог видеть только неясные очертания ее фигуры. Но тембр и интонация голоса настолько его очаровали, что ему тут же захотелось видеть эту женщину, любить ее, принадлежать ей.

— Видите ли... — от внезапно нахлынувшего чувства Лев Дмитриевич стал плохо соображать. — Иногда бывает такая ситуация, когда становится очень одиноко и грустно.

Он приподнялся на цыпочки, затем попробовал заглянуть сбоку, но все попытки преодолеть стеклянную перегородку не увенчались успехом.

— Одиноко и грустно? — задумчиво переспросила женщина, прикоснувшись рукой к перегородочному стеклу. — Странно. А я думала...

— Что вы думали? — Зонтиков вплотную приблизился к ненавистой преграде. — Что здесь нельзя быть одиноким и грустить? — красноречие и кураж возвратились к нему. — Напрасно вы так думаете!.. Кстати, меня зовут Львом Дмитриевичем, Левоу! Простите, а вас?

— Между прочим, мы опаздываем на завтрак! — игнорируя его вопрос, весело сказала женщина. — Нельзя в первый же день нарушать дисциплину!

Смеясь, она вошла в комнату и закрыла за собой дверь на балкон.

Зонтиков подбежал к зеркалу, поскоблил электробритвой щеки, почистил зубы, умылся и смочил лицо одеколоном. Затем натянул «гуляльные» брюки, спортивную майку с тремя полосками на рукавах и рванул вниз.

В столовой он лихорадочно шарил глазами по женским лицам, стараясь угадать, которое принадлежит Ей. Он уже твердо решил, что женщина из соседнего номера на все двадцать четыре дня будет принадлежать только ему. Он заочно пылал к ней неподдельной страстью.

Ничего не высмотрев, он проглотил завтрак и поспешил на свой этаж. Подойдя к триста восемнадцатому номеру, где поселилась взволновавшая его женщина, он осторожно постучал в дверь.

— Ой, нельзя! — раздался испуганный голос соседки. — Я переодеваюсь! Зайдите попозже... Или давайте встретимся на пляже!

— Давайте! — Зонтиков высоко подпрыгнул и послал через дверь воздушный поцелуй. — Я зайду за вами!..

Состояние радостного возбуждения не покидало Льва Дмитриевича во все время. Пока он одевался для пляжа.

Надев самую яркую майку и тренировочные брюки

с широким красным кантом, он подошел к зеркалу, ткнул в свое отражение пальцем и произнес:

— Сегодня будем брать!

С этими словами он вышел из своей комнаты и постучал в соседнюю дверь. Ответом ему было молчание. Он постучал еще раз и, несколько раздосадованный, пошел вниз.

Отдыхающих на пляже было сравнительно мало, но народ подходил, неся с собой надувные матрацы, ракетки для игры в бадминтон и волейбольные мячи. Четверо мужчин под полосатым тентом увлеченно играли в карты. Две пожилые дамы, накрутив на головы полотенца, словно чалмы, сидели на самом солнцепеке и читали толстые книги. Еще одна, помоложе, что-то быстро вязала, подставив солнышку худую спину.

Но той, его женщины, на пляже не было. Он это почувствовал всем своим возбужденным организмом. Не было ее и среди подходивших.

Чтобы не маячить на берегу, Зонтиков разделся, искупался и стал как бы нехотя прогуливаться по пляжу. Через некоторое время он окончательно убедился в тщетности своих ожиданий и его охватило чувство одиночества и тоски.

«Что же это такое? — думал он, собираясь покинуть пляж. — Уж не влюбился ли я? Но в кого? В ту, которую даже в глаза не видел?..»

Усилием воли Лев Дмитриевич заставил себя успокоиться, поиграл немного в волейбол с неспортивного вида мужчинами, еще раз искупался и направился к Дому отдыха.

«А может, она и не выходила никуда? — подумал он, останавливаясь у дверей заветной комнаты. — Может, сидит и ждет, когда я, дурак, приду к ней и...» Но дверь была заперта и на стук никто не отозвался.

После обеда Лев Дмитриевич надел светлые джинсовые брюки, голубую тенниску и стал прогуливаться вокруг здания в надежде увидеть ее хотя бы издали. Он чувствовал, что с каждым часом уходит из его души праздник, что нет уже и в помине утреннего состояния куража и полета. Уже не хотелось любоваться прелестями окружающей природы и старинной архитектурой зданий. Да и воздух стал казаться не таким чистым и пьянящим.

Внезапно его осенило. «Надо менять тактику! — хлопнул он себя по лбу. — Не стучать ей в дверь, не навязываться! Созреет — сама упадет!..»

После ужина Лев Дмитриевич облачился в синюю джинсовую рубашку, зеленые вельветовые брюки, туфли модного образца и пошел на танцы. Опытным взглядом он видел, как «снимаются» дамы, приехавшие без мужей и любовников. Сожаления и тревоги по этому поводу у него не возникало. Только однажды мелькнула мысль — а вдруг опоздал? — но он сразу ее отверг. Все тот же опыт подсказывал, что «еще не вечер».

Вечер, между тем, заканчивался.

Отдыхающие стали расходиться по своим и чужим комнатам, довольные и жизнерадостные. Пошел к себе и Зонтиков.

Не включая свет и не раздеваясь, он лег на кровать и стал ждать.

Через некоторое время он услышал, как соседка, попрощавшись с кем-то в коридоре, вошла в комнату и включила свет. Слышно было, как она раздевается, разбирает кровать и ложится. Щелкнул выключатель и все погрузилось в тишину.

«А дверь-то она не заперла! — удовлетворенно, с азартом охотника подумал Зонтиков. — Ну что ж, это хороший знак!»

Он полежал еще минут десять, затем встал и вышел в коридор. Хотел постучать в дверь, но раздумал и потянул ручку на себя. Войдя в комнату, Зонтиков сразу почувствовал, что его ждут. Он быстро разделся и лег рядом с женщиной, которая прильнула к нему всем телом.

Никогда еще Лев Дмитриевич не чувствовал себя таким молодым и сильным. Он с диким восторгом всю ночь ласкал женщину, доводя ее до неистовства, и лишь под утро погрузился в чуткий сон.

— Милый, пора вставать! — услышал он сквозь сон мелодичный голос женщины, подарившей ему такую бурную радость.

Зонтиков открыл глаза и... обомлел. Рядом, подперев голову рукой, лежала его собственная жена. Она смотрела на него влюбленными глазами и тихо улыбалась.

— Пора вставать, дорогой, — повторила Евгения Сергеевна, ласково поглаживая лицо мужа. — Скоро завтрак.

— Извините, где я? — сдавленно прохрипел Лев Дмитриевич. — Вы — кто?

— Дед Пехто! — жена залилась радостным смехом. Затем откинула одеяло, потянувшись со сладостным стоном и пропела: — Ах, зачем эта но-о-очь так была коротка-а-а...

Впереди у супругов Зонтиковых было двадцать три дня прекрасного отдыха и страстной любви.

БЛАГОРОДНЫЙ РАЗБОЙНИК

В семье молодого учителя литературы Евгения Владимировича Дубровского скоро должен был родиться ребенок. Будущий папаша всячески оберегал жену, во всем ей потакал и угождал. Мать же Евгения Владимировича, еще не старая интеллигентная дама, неожиданно заявила, что она самым решительным образом против того, чтобы ребенка, если это будет мальчик, назвали Владимиром. Основным аргументом своих условий она выдвигала то, что бывший ее супруг, отец Евгения, был «таким разбойником, каких свет не видел».

— О его художествах, — говорила Аркадия Станиславовна, будущая бабушка, — даже в газетах писали! И это в то, советское время!.. Нет, хватит пугачевщины!

Но Алла, мать ожидаемого ребенка, была непреклонна. Эта романтическая женщина, воспитанная на русской классике, с первых дней замужества страстно мечтала о рождении мальчика, которого назовет непременно Владимиром.

— Милый, — говорила она мужу, — как это прекрасно: Владимир! Владимир Дубровский!.. Как у Пушкина!

Молодой супруг ничего против этого не имел. Если, конечно, родится мальчик.

— А если девочка? — спрашивал он, втайне надеясь на обратное.

— Тогда назовем Машей! — не задумываясь отвечала жена. — Чтобы все было, как в повести!

На том и порешили.

Однажды Аркадия Станиславовна позвала сына к себе в комнату, плотно прикрыла дверь и заговорщицким шепотом произнесла:

— Ты слышал что-нибудь о генной инженерии?

— О чем? — сын удивленно поднял брови.

— О генетике! О передаче наследственных признаков! Слышал?

— Вообще-то слышал, — Евгений почесал затылок. — Но не верю! Очень много неясности...

— Не веришь?! — Аркадия Станиславовна всплеснула руками. — Ты же образованный человек! Я приведу тебе

тысячу примеров... Да вот, хотя бы возьмем тебя: вылитый отец!

— Так это внешнее сходство! — отстаивал свою позицию сын. — А по характеру — совершенно другой! Ты же сама говоришь!..

— Так вот! — мать подтолкнула сына к дивану. — Сиди и слушай!

Она подошла к двери, приложила к ней ухо и вернулась назад.

— Наукой доказано, что характер человека, его привычки и склонности передаются через поколение! То есть дедовская натура может полностью отразиться на внуке! Ты понял?

— Нет!

— У тебя же скоро будет ребенок! — мать кивнула головой на дверь. — А в кого он у тебя будет?

— Как — в кого? — опешил сын. — В меня, конечно!.. Думаю, что в меня!

— А я думаю, что не в тебя! — Аркадия Станиславовна опять приложила ухо к двери. — Я думаю, что он будет в деда!

— В какого деда? — всполошился Евгений. — Это в какого еще деда?

— В своего деда! То есть в твоего отца! — она показала пальцем на фотографию, где был изображен красивый мужчина с гусарскими усами.

Евгений обалдело смотрел на мать, а та продолжала, поглаживая его руку:

— Если родится мальчик, прошу тебя об одном: не называй Владимиром! Верная примета — в деда пойдет! Послушайся матери...

— Да что за тайны мадридского двора! — Евгений вскочил с дивана и быстро заходил по комнате. — Что у меня за отец такой был, что его именем даже ребенка назвать нельзя!

— Сядь! — резко сказала Аркадия Станиславовна. — Мальчишка! Ишь, моду взял — голос на мать повышать! Не знаешь, так молчи!..

Она внезапно закрыла лицо руками и плечи ее стали вздрагивать.

— Ну мам, я же не хотел, — Евгений встал перед матерью на колени. — Не надо, мам... Я больше не буду!

Мать успокоилась, потрепала сына по волосам и со вздохом сказала:

— Как знаете! Видать, время такое сейчас — родителей

не слушаться... Но имей в виду: еще одного Стеньку Разина я не переживу! — она вновь указала на портрет.

— Мама! — взмолился Евгений, — я двадцать шесть лет слышу: разбойник, разбойник!.. Объясни, наконец, что все это значит? Объясни мне...

— Ничего я тебе объяснять не буду, — со вздохом проговорила мать, открывая шкатулку старинной работы. — На вот, читай! — она протянула сыну толстую тетрадь в синем клеенчатом переплете.

— Что это? — удивленно спросил Евгений. — Уж не дневник ли вашего сиятельства?

— Дневник. Но если ты будешь подсмеиваться над матерью, отберу и никогда больше не покажу!.. А здесь вся моя жизнь.

— Мам, я пошутил! — Евгений поспешно убрал тетрадь за спину. — Но зачем?

— Что — зачем?

— Зачем ты даешь читать мне свой дневник?

— Ну, во-первых, я его уже более двадцати лет не веду, — Аркадия Станиславовна некоторое время задумчиво смотрела на портрет мужа. — А во-вторых, здесь ответ на все твои вопросы. Прочти, но только, прошу тебя, не показывай Алле. Не хочешь, чтобы...

— Мама, не волнуйся! Я сделаю все, как надо!

Он чмокнул мать в щеку и удалился к себе в комнату.

ДНЕВНИК АРКАДИИ СТАНИСЛАВОВНЫ

...Я люблю тебя! Да, теперь я могу сказать это твердо: я люблю тебя! За что? Ни за что! Просто люблю и все! Люблю за то, что ты красивый (да, очень красивый!), за то, что ты добрый (да, очень добрый!!), за то, что ты сильный (да, очень сильный!!!), за то, что ты веселый и умный! Ладно, завтра допишу, а то мама идет.

...Владимир! Владыка мира! Теперь ты и мой владыка! Владей мною, милый! Я твоя отныне и вовеки!

А ты помнишь, как мы с тобой познакомились? Я это помню до мельчайших деталей и буду помнить всегда!

Ты подошел ко мне в самом конце новогоднего вечера. Ты был в маске. Ты подошел, взял меня за руку и сказал: «Не бойтесь, я — Дубровский!» Твой голос поразил меня своей уверенностью и теплотой. Мне почему-то стало страшно и радостно одновременно. Мне показалось, что ты именно тот, пушкинский Дубровский. А помнишь, что я тебе ответила? Я сказала: «Если вы Дубровский, то я — Маша Троекурова!» Тогда ты снял маску и сказал:

«Но я правда — Дубровский! Более того — Владимир!» Тогда я спросила: «Благородный разбойник?» Ты засмеялся и просто ответил: «Да!» Потом ты пригласил меня на танец, во время которого сказал: «Благородный разбойник должен оправдывать свое амплуа. Я украду вас, Маша, с этого скучного бала и мы поедем к цыганам!» Потом допишу, а то мама идет.

...Милый, милый мой Благородный разбойник! (можно, я буду тебя так звать?). Сегодня мы целый день гуляли по весеннему городу и не могли нагуляться. Оказывается, о нашем городе я почти ничего не знаю. А ты знаешь все! И вообще, ты мне кажешься намного старше меня. Ты такой умный, уверенный и смелый, что рядом с тобой я кажусь себе каким-то цыпленком...

...Ты долго не выпускал мою руку, согревал своим дыханием, потом неожиданно поцеловал пальцы. Я отдернула руку и убежала. Но мне было очень приятно! Я люблю тебя! Об этом никто не знает, но я очень тебя люблю! Мама идет.

...Свершилось! Я стала женщиной: ты поцеловал меня прямо в губы! Теперь я уже никогда не смогу принадлежать никому другому, кроме тебя! Теперь — только ты! Любимый мой! Как я тебя люблю! Если тебя ранят или ты попадешь в катастрофу, я отдам тебе всю свою кровь! Я буду бинтовать твои раны и не отойду от тебя ни на шаг! Потом допишу.

...Володька, милый, не делай больше этого! Мне Гена Шемаханов все рассказал! Зачем тебе эти яблоки из чужих огородов?! Никакая это не «экспроприация экспроприаторов», а простое хулиганство! Теперь эти дачники на всю вашу компанию напишут заявление в милицию. Ну почему ты выбрал себе идеалом разбойника, пусть даже благородного, а не гайдаровского Тимура? Милый, надо прощаться с детством!

...Володька, ты хоть и Благородный разбойник, но я буду тебя ругать! Зачем ты поджег траву вокруг особняка известного человека! Зачем ты написал на стене дурацкий лозунг: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!»? Где твои родители возьмут теперь столько денег на штраф? Кстати, мне сказали, что у тебя и раньше такие «шуточки» были! И все равно я тебя люблю!

...Какое счастье — любить тебя! Ты сильный, красивый! Но мне неприятно, как ты разговаривал с Ирой Затрутиной! Зачем ты обнимал ее за талию и что-то говорил на ухо? Если хочешь знать, она и некрасивая совсем, хоть и модная! Между прочим, она еще и курит!

...Нет, ты должен был родиться в прошлом веке! Там бы тебя поняли! Там бы ты мог устраивать всякие дуэли, состязания и турниры! А здесь — одни неприятности! Саша Секарев хоть и выиграл соревнование в подъеме по водосточной трубе, но расплачиваться за вызов пожарной техники придется тебе, как заводиле! Милый, ты ведь давно уже не мальчик!

...Милый, я верю в дружеские поцелуи, но то, как ты с Зоей Левичевой — это не дружеское! И все-таки я знаю, что ты любишь только меня! Так ведь? Конечно, так, дурачок ты мой! И я люблю только тебя!

...Милый, если бы мне раньше сказали, что ты на это способен, я бы не отпустила тебя ни на шаг! Зачем ты организовал этот «аллур три креста»? Директор совхоза сказал, что за лошадей, на которых вы устроили скачки, он вас в порошок сотрет! И, что особенно обидно, ведь твои «крестьяне», когда их прижмут, ткнут в тебя пальцем! Но ты не волнуйся, я всегда буду рядом с тобой!

...Это же надо додуматься — стащить белье у девчонок! Ну и что, что нагишом купались?! Не представляю, как они, бедные, добирались домой в таком виде! Ужас! Теперь весь город знает, что это твои проделки! Ужасно стыдно!

...Милый мой Благородный разбойник! Ты еще ничего не знаешь! Ты еще не знаешь, что у нас будет ребенок! Володька, милый, у нас будет маленький! Господи, как же я его люблю! Я даже не знаю, кого я люблю больше — тебя или его! Нет, конечно, я больше люблю тебя! Он-то ведь еще не родился! Очень тебя люблю! Только не целуйся больше с Галей Садиловой!

...Я думаю, что ты сам должен рассказать, на какой «рыбалке» ты был три дня! Если расскажешь, все прощу и забуду! А если нет, то... Нет, лучше не рассказывай! Я устала от лжи! Володя, у нас совсем скоро будет ребенок!

...Володька, неужели ты всю жизнь будешь играть «в Дубровского»?! Может, хватит, ведь сыну уже два года!

...Нет, никогда мой сын не будет поить вином ни собак, ни кошек, ни куриц! Надо только вовремя остановить эту генную патологию!

...Нет уж, лучше одной всю жизнь маяться, чем жить с таким идиотом! Видно, и правда, что «горбатого могила исправит»! Сыну на будущий год в школу, а этот все шляется где-то! Ну, появившись ты мне дома — всю морду расцарапаю!

...Ну, вот и все! И слава Богу! А то ведь на себя не похожа стала! Теперь пусть один поживет, позабавится! А мы с Женечкой не пропадем!..

Уже под утро Евгений Владимирович закрыл дневник своей матери и лег спать. До того, как прозвенел будильник, он успел увидеть сон. Ему снилось, что высокий нахальный красавец сидит на лужайке в окружении полураздетых женщин и поит вином маленькую собачку. Вдруг эта собачка вырастает до огромных размеров и, пьяно шатаясь, начинает говорить человеческим голосом: «Не бойтесь, я — Дубровский!»

За утренним чаем Евгений был молчалив и задумчив.

— Тебе нездоровится? — спросила жена. — Или спал плохо?

Евгений ничего не ответил, продолжая помешивать чай в большой фарфоровой чашке, на которой была изображена сцена боя крестьян под предводительством Дубровского с регулярными войсками.

Вдруг, словно очнувшись, он поднял голову и обратился к жене со следующими словами:

— Ты знаешь, Алена, у меня возникла идея... — он мельком взглянул на мать. — Вернее, мысль! А не назвать ли нам нашего мальчика... ну, конечно, если это будет мальчик, не Владимиром, а как-нибудь по-другому? Ну, например...

— Да ты что! — перебила его жена. — Решили ведь уже! Сколько же можно! Нет! — Алла решительно отодвинула от себя чашку. Затем сердито посмотрела на Аркадию Станиславовну и с обидой в голосе сказала: — Это вы, мама, все нас разбойниками пугаете! Это вы все чего-то боитесь, выдумываете чего-то!.. Нет, Вовочкой сына назовем, и все тут!

Аркадия Станиславовна с грустью посмотрела на сноху, затем на сына и со словами «ну дай вам Бог!» удалилась в свою комнату.

Молодые супруги некоторое время сидели молча, чувствуя за собой какую-то вину. Затем встали и пошли гулять. День был воскресный, солнечный, обещающий много тепла и радости.

А через три месяца в семье Дубровских родилась девочка, что сразу сняло множество проблем и опасений.

АНЕКДОТЫ НА КУХНЕ

То ли юмористы, то ли сатирики вывели однажды такую формулу: скучный человек тот, который на вопрос «как дела»? начинает рассказывать, как у него дела. И теми же юмористами-сатириками был сделан вывод, что отличительной чертой всех революционных процессов является резкое снижение восприятия разных шуток и розыгрышей. То есть у людей становится плохо с юмором. Нет, смех как производственная необходимость остается. Он даже становится громче. Переходит, так сказать, в другую стадию. Теперь подчиненные на дурацкую шутку начальника отвечают таким радостным «ха-ха-ха», что бедный руководитель до конца дней своих вынужден считать себя остроумнейшим из смертных. Да, печать демократичности появилась на челе у многих наших остро-словов.

Но не перевелись еще в мире люди, умеющие пошутить, тонко чувствующие юмор, истинные хохмачи. Как, Впрочем, и те, у которых с этим делом полный завал.

Известный писатель веселого жанра в свое время советовал: если у тебя нет чувства юмора, то хотя бы найди в себе чувство юмора признать это.

Конечно, и без чувства юмора люди живут. Иногда даже лучше тех, у кого оно есть. И надо признать, что «лишенцы» не представляют большой опасности для человечества. Но это так, если подходить к проблеме с юмором. А если серьезно, то, как говорят в Одессе, совсем даже наоборот. В общем, вопрос о чувстве юмора — очень серьезный вопрос.

Однажды в воскресенье Константин Аркадьевич Сви-стоплясов, заместитель директора одной из коммерческих фирм, решил вечерком прогуляться по улице. Приняв «для тонуса» пятьдесят граммчиков коньячку, он прицепил на поводок своего любимого мраморного дога Диксона и вышел из дома.

Погода была превосходная, настроение чудесное. Константин Аркадьевич думал о том, что жизнь прекрасна и удивительна. А сам он — умный, здоровый мужчина и все у него складывается хорошо и даже отлично.

Внезапно Диксон натянул поводок и потащил своего хозяина на противоположную сторону улицы. Там в стареньком тренировочном костюме и потрепанных кедах стоял высокий худой мужчина и у его ног вертелась маленькая белая болонка.

— Муся, ко мне! — не очень уверенно позвал тот человек свою собаку, но она уже вовсю знакомилась с Диксоном. Безобидный этот ритуал на некоторое время привлек внимание обоих мужчин, но когда они подняли глаза друг на друга, то ахнули и обнялись, как братья.

— Костя, друг, — говорил один, — да ты ли это?!

— Вася, — говорил другой, — неужели это ты?!

Разомкнув объятия, друзья еще долго любовались друг другом, говоря обычные в такой ситуации фразы.

— Ну как ты, что? — пропел Константин Аркадьевич, с нежностью глядя на товарища. — Со студенческой скамьи, чай, не виделись. Как ты живешь?

— А-а, — махнул рукой мужчина, — живем, хлеб жуем. Неделию назад, правда, квартиру в этом доме получил, — он показал в сторону новой пятиэтажки, — вот и гуляем.

— Значит, соседи! — радостно воскликнул Свистоплясов.

— Выходит, так, — тоже с улыбкой ответил мужчина в полинявшем костюме.

— Слушай, Вася, — хлопая друга по плечам, сказал Константин Аркадьевич, — а не вздрогнуть ли нам по этому поводу, а?

— М-м-м... — замычал в ответ мужчина и дернул калдыком.

— Ну вот и отлично! — не дал ему разговориться Свистоплясов. — Пойдем ко мне, у меня там кое-что имеется.

— Да неудобно как-то, — неуверенно забормотал Вася. — Не одет, как видишь... Да и не пью я.

Константин Аркадьевич с удивлением и недоверием взглянул на товарища.

— Как это — не пью?

— Да так, не пью.

— Совсем?

— Совсем.

— Не понял юмора, — Свистоплясов погрозил собеседнику пальцем. — Не-е-ет, так не бывает! Ты же в институте-то ба-а-льшой любитель был! Профессионал, можно сказать!

— Ну, это когда было! — махнул рукой худошавый. —

А теперь — ни-ни! Ни боже мой! Стареем! — он потыкал пальцем в область печени.

— Ну пойдём, хоть просто так посидим, — не унимался Константин Аркадьевич. — Анекдоты потравим... Пойдём, а?

— Ну пойдём, — наконец согласился высокий. — Только недолго.

— Конечно, недолго! — хлопнул в ладоши хозяин мраморного дога. — Ты анекдоты-то любишь?

— Не знаю... Люблю, вроде.

Сразу же с порога Свистоплясов представил гостя своей супруге.

— Это, Надюша, Василий Степанович Галочкин, мой институтский товарищ, а ныне...

— Работник сферы услуг, — сконфуженно промолвил «институтский товарищ», целуя руку хозяйке дома.

— Очень, очень рада! — ответила та, принимая из его рук кепку. — Сейчас я вам что-нибудь приготовлю.

Оставив собак в прихожей, мужчины расположились на кухне, чтобы не мешать детям Константина Аркадьевича учить уроки.

Воспоминаниям, казалось, не будет конца. Гость пил чай, хозяин — коньячок.

— Вась, слушай анекдот, — сказал Свистоплясов, видя, что товарищ начал скучать. — Сидят вот так же два мужика на кухне, как мы с тобой. Один, значит, выпивает, а второй — нет. Первый и спрашивает: «Ты чего не выпиваешь?» А второй отвечает: «Не могу, я за рулем». А первый говорит: «Пей, не бойся, я — милиционер». Разрешил, значит. Ну, второй и врезал стакан. А милиционер спрашивает: «Ты выпил?». Тот отвечает: «Выпил». Тут милиционер и говорит: «Вот теперь — давай права. Пьяный за рулем — преступник!» Ха-ха-ха! — залился веселым смехом Константин Аркадьевич. — Теперь, говорит, давай права! Ха-ха-ха!

Видя, что собеседник не смеется, Свистоплясов решил уточнить:

— Ты что, слышал этот анекдот?

— Нет, не слышал, — ответил гость, равнодушно помешивая чай. Затем он положил серебряную ложечку на край блюда и извиняющимся тоном сказал: — Извини, Костя, нам бы идти надо...

— Василек, ты погоди, — восторженно вскрикнул Свистоплясов, усаживая товарища на место. — Я тебе классный анекдот

расскажу — усикаешься! Сидят, значит, два мужика на кухне, как мы с тобой...

— Да ты уж рассказывал... — перебил его приятель.

— Нет, это другой, — сказал Свистоплясов, опрокидывая в рот полрюмки коньяку. — Сидят, значит, они, выпивают. Тут входит третий. Они налили ему, выпили все и молчат. Потом один говорит: «Да-а!» Второй: «Да-а, ребята!». Третий говорит: «Да-а, ребята, черт возьми!». Ну, третий сказал это и ушел. А те двое сидели-сидели и говорят: «Все, больше с этим выпивать не будем — болтает много!». Ха-ха-ха!.. Правда, смешно? — с надеждой спросил Константин Аркадьевич, не видя никакой реакции со стороны слушателя.

— Чего — смешно? — переспросил Василий Степанович.

— Так этот, третий-то, болтает много! А и сказал-то всего четыре слова!

— Ну и что?

— Так эти-то, двое-то, вообще ничего не сказали. Значит, они не очень много говорят, не болтуны. А этот сказал пару слов — болтун! Ты понял?

— Мне бы домой, — жалобно произнес Галочкин.

— Нет, погоди, я тебе такой анекдот расскажу — с катушек упадешь! — властно сказал Константин Аркадьевич, устремив сердитый взгляд на собеседника. — Выходит, значит, уборщица из обкома партии и тащит две корзины. В одной — серпы, в другой — молоты! Ну?..

— Что?

— Не смешно?

— Пока нет.

— Почему? — Свистоплясов побагровел и сжал кулаки. — Союз же развалился, одни серпы да молоты остались, а тебе не смешно?

— Пойду я! — решительно встал Василий Степанович.

— Сядь! — приказал Свистоплясов и влил в себя целую рюмку коньяку. — Сейчас ты у меня в обморок упадешь от смеха! Значит, так. Учительница в школе спрашивает: «Дети, кто взял Измаил?» Все молчат. Тогда она вызывает к доске Вовочку Петрова и спрашивает: «Петров, ты знаешь, кто взял Измаил?» А он и говорит: «Вот вы всегда так, Марь Иванна, кто-то взял, а на меня сваливают! Не брал я никакого Измаила!» Смешно? — Свистоплясов в упор смотрел на собеседника.

— Не знаю, — тихо ответил тот, вжимая голову в плечи.

— Тогда слушай дальше! — Свистоплясов смотрел

на своего институтского товарища, как удав на кролика. — Рассердилась, значит, Марья Ивановна на Вовочку, думает, что он опять дурака валяет, и — к директору, жаловаться. Ругает Петрова, на чем свет стоит. «Я, — говорит, — задала ему простой вопрос, а он мне такое ответил!» «А какой вопрос-то?» — спрашивает директор. «Кто взял Измаил?» — отвечает учительница, обливаясь от обиды слезами. «А он что ответил?» — опять спрашивает директор. «Говорит, что не он!» — отвечает учительница. А директор подумал-подумал и говорит: «Успокойтесь, Мария Ивановна. Может, и правда, не он взял?» Ну?..

Собеседник вяло пожал плечами.

Издав какое-то хрюканье, Свистоплясов перегнулся через стол и взял товарища за воротник выцветшей олимпийки.

— Не смешно, значит?

— Муська у меня там, — проговорил перепуганный гость, кося глаза в прихожую. — Нам бы... того...

— Какая Муська?! — зарокотал Свистоплясов. — Чего — того?! Ты что, издеваться сюда пришел?! Да я тебя в порошок сотру!

Он схватил перепуганного Галочкина поперек туловища и потащил в прихожую. Диксон и Муська в страхе забились под стол, издавая жалобное повизгивание.

Доташив гостя до дверей, Константин Аркадьевич внезапно охнул, разжал руки и повалился на пол. На шум выбежала из соседней комнаты жена и с криком: «Что вы сделали с моим мужем?» набросилась на Василия Степановича. Тот схватил с вешалки кепку, крикнул: «Муся, за мной!» и опрометью выскочил на улицу...

После второй таблетки нитроглицерина Константин Аркадьевич начал приходить в себя. Глядя на плачущую жену, сказал, с трудом выговаривая слова:

— Их... надо... всех... убивать...

— Кого? — перепугалась жена. — За что?

— За отсутствие чувства юмора! — уже тверже сказал Константин Аркадьевич и добавил: — Это страшные люди!.. Или мы их, или они нас!..

— Я милицию вызову! — сказала супруга. — В тюрьму их!

— Не-ет! Только убивать!

Константин Аркадьевич с помощью жены поднялся с пола и подошел к книжному шкафу, бормоча: «Сейчас мы найдем топор, сейчас мы найдем наш топорик, сейчас...»

Спустя минуту, он медленно и торжественно извлек из шкафа небольшую по формату книжку и, прижимая ее к груди, словно икону, дрожащим голосом произнес:

— Вот! Теперь им конец!

— Что это? — испугалась жена.

— Топор! Топор войны!

Супруга робко подошла к Константину Аркадьевичу. На обложке книги было написано: «Армейские анекдоты»...

МЕТОД ОМОЛОЖЕНИЯ

Каждый человек, кто бы он ни был по профессии, имеет какое-нибудь увлечение. Хобби, так сказать. Но даже если у человека и нет никакой профессии, он все равно имеет увлечение. Хотя, случается, что и не подозревает о своих пристрастиях, и может прожить так целую жизнь. Но это бывает только у людей ленивых и беспробудно пьющих. Впрочем, пьянство иногда тоже называют увлечением, но это уже из другой оперы.

Георгия Варфоломеевича Стеклотарова при всем желании ленивым было назвать нельзя. О выпивке речь вообще не могла идти: за всю свою сорокапятилетнюю жизнь он и рюмки водки не выпил. На собственной свадьбе даже от шампанского отказался.

Читатель вправе сказать: странный, однако, человек. Скажет, и будет прав. Странным, очень странным человеком был наш герой. Но здесь уместен вопрос: а в чем же это все выражалось? Дело в том, что Георгий Варфоломеевич был до фанатизма увлеченным человеком. Между прочим, когда говорят о такого рода людях, то сразу представляется какой-нибудь очкарик, согнувшийся над альбомом с марками. Или старик, обмирающий над каждым значком с профилем вождя. Или юнец, готовый ехать за спичечной этикеткой туда, где об электричестве слыхом не слыхали. Ну, и так далее.

У Григория Варфоломеевича было совершенно замечательное хобби — собственное здоровье. Да-да, все, что связано с улучшением здоровья, повышением жизненной активности, закаливанием организма, омоложением — все это крайне интересовало нашего героя. В его доме были горы книг по анатомии, физиологии, тибетской медицине, нетрадиционным методам лечения, йоге и так далее, и тому подобное. Он не пропускал ни одного издания, ни одной статьи или заметки, где вопрос так или иначе касался функциональных особенностей организма. Множество методик совершенствования тела и духа он перепробовал на себе. Он не устал проводить эксперименты над собственным организмом, вызывая непонимание у окружающих его людей. Да и как можно объяснить с точки

чения нормального человека, например, бегание по улице зимой в одних трусах?! А если и можно объяснить, то привыкнуть к этому почти невозможно. Ну как можно привыкнуть к тому, что в парке, где обычные граждане выгуливают по утрам своих собак, стоит человек на одной ноге, заложив вторую за голову?! Собаки неистовствуют, поводков рвутся, а ему хоть бы хны: стоит себе, как каменный. Или... Впрочем, вы уже поняли, что из себя представляет этот человек. Кстати, и профессия у него была весьма оригинальная: змеелов. Дело в том, что до переезда в небольшой волжский город Георгий Варфоломеевич жил в Средней Азии и ловил змей для научных целей. В Нечерноземьи, куда он переехал с женой и тещей, змеи водились, но не имели спроса. Первое время, правда, он приносил в местный мединститут всевозможных ужей, гадюк и медянок. Но вскоре ему сказали «хватит», и он остался не у дел. И вот тогда-то все и началось. Нет, сказать, что он совсем нигде не работал и занимался только собой, нельзя. Он все время находил какие-то «шабашки», но постоянного места работы так и не имел.

Однажды Георгию Варфоломеевичу попалась на глаза заметка в газете, где говорилось о том, что один китайский учитель, работая в женской гимназии, прожил до тридцати двух лет. Долголетие объяснялось тем, что, постоянно находясь в среде юных созданий, этот учитель получал от них как бы дополнительную энергию. По-научному это называлось энергетическим вампиризмом. Но как бы оно ни называлось, а Стеклотаров после этой заметки напрочь потерял покой. Он решительно и бесповоротно дал себе установку поступить на службу туда, где работали бы одни женщины.

Через три дня во время ужина Георгий Варфоломеевич объявил домочадцам о том, что он подписал контракт на работу в женском пансионате.

— А что это такое — женский пансионат? — задала вопрос супруга, наливая в стаканы компот.

— Женский пансионат — это женский пансионат! — категорично ответил Стеклотаров и добавил: — Это пансионат, где одни женщины!

— А что они там делают? — в свою очередь спросила теща. — Работают или отдыхают? Если отдыхают...

— Да какая разница, чем они там занимаются! — начал раздражаться Георгий Варфоломеевич. — Главное, что я у них буду завхозом. Уж если змей ловил, то, наверное, справлюсь.

— А при чем тут контракт? — опять спросила жена. — Что, такая опасная работа, что надо контракт подписывать? По-другому нельзя?

— Значит, нельзя! — сердито сказал Стеклотаров и вышел из-за стола. Походив по комнате, он успокоился и снова сел за стол. Ему стало стыдно за свою несдержанность, он виновато произнес, поглаживая руку жены:

— Понимаешь, дорогая, там никто больше месяца не работал. Не знаю, в чем дело, но текучка кадров в пансионате — ужасная. Директор говорит, что у них могут работать только сильные натуры.

— Как ты? — ядовито спросила теща.

— Как я! — спокойноотреагировал будущий завхоз.

— Ну и на сколько же времени контракт? — спросила жена. — На год, что ли?

— На три! — гордо ответил Георгий Варфоломеевич. — А там посмотрим.

Перед сном, уже в постели, Стеклотаров поведал жене об истинных причинах устройства на работу в пансионат. Та, привыкшая к странностям своего супруга, на этот раз не выдержала и обозвала его «совсем сдвинутым».

— Они же из тебя все соки выжмут! — с обреченностью в голосе сказала она. — Ты что, баб не знаешь?!

— Наоборот! — горячился бывший змеелов. — Наоборот! Мужчина в женском коллективе становится сильнее, здоровее. Есть такой пример...

— Ладно, — раздраженно проговорила жена, — давай спать!

Через неделю Георгий Варфоломеевич впервые вышел на зарядку в тренировочном костюме, хотя на дворе был июнь.

Еще через десять дней он перестал обливаться холодной водой, а в одно прекрасное утро вообще не встал с постели. Взволнованная жена решительно требовала сказать, что у него болит.

— Все болит, — еле слышно ответил побледневший и осунувшийся супруг. — Сил нет... Не пойду я туда больше! — вдруг горячо зашептал он, и слезы ручьями покатились по его небритым щекам.

Врач «скорой помощи» долго осматривал больного, задавал ему всякие вопросы и в конце выписал с полдюжины рецептов.

— Общее истощение организма, — сказал он встревоженным женщинам, собирая свой чемоданчик. — И нервное, и физическое. Нужен абсолютный покой.

Затем, словно в чем-то сомневаясь, добавил:

— В медицине есть такое понятие — энергетический вампиризм. Это когда у человека разрушается его биополе и жизненная энергия выходит из него, как воздух из худой камеры. В простонародии это зовут сглаз, порча... Извините, у него кроме вас есть еще кто-нибудь? — повернулся он к жене.

— Как это? — не поняла она.

— Ну, может быть, э-э... женщина другая есть?

— Чего-чего, а этого добра у него хватает! — ответила теща, отодвигая в сторону свою дочку. — У него их целых пятьдесят четыре!..

Вечером Георгий Варфоломеевич слабым голосом позвал жену и впервые в жизни попросил налить ему водки.

А через два дня бывший завхоз женского пансионата как ни в чем не бывало стоял в парке на одной ноге, заложив другую за голову. Собаки неистовствовали и срывались с поводков, но взгляд Георгия Варфоломеевича выражал совершенное спокойствие и уверенность, как бы говоря, что есть множество прекрасных средств и методов омоложения организма. Но самый лучший из них — это занятия физической культурой на свежем воздухе.

Заявление о расторжении контракта в женский пансионат носила жена, поскольку несостоявшегося завхоза начинало трясти, словно в лихорадке, при одной лишь мысли о женском коллективе.

ЖЕРТВА ПЕРЕСТРОЙКИ

Известно, что любая смена обстановки, привычного течения жизни существенно влияет на жизнедеятельность человека. В связи с этим могут произойти серьезные изменения характера, привычек, даже внешнего облика.

Обстоятельства бывают самые разные: политический переворот, переход на другую работу, обмен жилья, развод, свадьба и так далее. В общем, река жизни может сделать самый неожиданный поворот, и надо быть сильным и стойким, чтобы суметь удержать себя на гребне волны.

Такой вывод сделал для себя Андрей Андреевич Пыжиков, человек предпенсионного возраста, проработавший всю жизнь инспектором по кадрам небольшого строительного управления. Судьба не преподносила Андрею Андреевичу никаких особых сюрпризов, за что можно было бы на нее обижаться. Жил он, как все, а, может быть, даже и лучше. Почему? Да потому, что был абсолютно равнодушен к спиртному. Следовательно, не простаивал в бесконечных очередях за своей месячной нормой, не толкался у пивных ларьков с трехлитровым баллоном, не тащил из дома вещи на продажу, а наоборот — все в дом! А дом у Андрея Андреевича, надо сказать был — полная чаша! Впрочем, и не удивительно — в строительстве человек работал!

У Андрея Андреевича была одна, но пламенная страсть — очень уж он любил читать газеты. Где бы ни находился, что бы ни делал — при нем всегда был целый ворох различных изданий от леводемократического до правоконсервативного направления.

Татьяна Борисовна, жена Андрея Андреевича, доведенная до отчаяния отсутствием внимания со стороны мужа, была готова на самые решительные меры. Несколько раз она говорила:

— Вот и живи со своими газетами! А мы тебе, как видно, и не нужны вовсе!

Мы — это сама Татьяна Борисовна, работающая директором Дома культуры, и дочь Ольга, симпатичная бе-

локурая девушка, учащаяся второго курса строительного техникума.

Газеты Татьяна Борисовна ненавидела жутко и всегда пыталась их куда-нибудь спрятать, а то и сжечь. Но после двух или трех скандалов по этому поводу махнула рукой и решила не обращать внимания. Мелкие стычки, конечно, были, но Андрей Андреевич их называл «бои местного значения» и миролюбиво заканчивал спор:

— Ну будет, будет, Танюша! Ты же знаешь, что это не только мне надо!

Дело в том, что Андрей Андреевич на протяжении ряда лет был бессменным политинформатором у себя на работе и выполнял эту общественную нагрузку с большим удовольствием и ответственностью.

Жизнь, возможно, так бы и шла своим чередом, если бы не случилось с нашим героем нечто необыкновенное. Как потом говорили врачи, он стал жертвой резко изменяющейся политической обстановки. А произошло вот что.

К концу шестого года перестройки, когда стало ясно, что она не состоялась в том виде, в каком задумывалась, за Андреем Андреевичем стали замечаться некоторые странности.

На работе, надев коричневые нарукавники, подаренные коллегами к юбилею трудовой деятельности, он подолгу сидел с окаменевшим лицом, уставясь в одну точку. На вопросы отвечал невпопад, и сослуживцы стали интересоваться — не заболел ли он.

Однажды на подобный вопрос Андрей Андреевич голосом партийного и советского лидера ответил:

— Усе у порядке, товарищи! Усе у порядке! Нет оснований для беспокойства! Нет оснований! — чем привел в восторг всех сотрудников отдела, особенно женщин.

Тем временем политическая обстановка в стране усложнялась, события развивались стремительно. Андрей Андреевич почти не отходил от телевизора, просматривая от начала до конца «круглые столы», телемосты, репортажи с пленумов и съездов.

Тревога за здоровье мужа у Татьяны Борисовны возникла во время трансляции по второй программе Центрального телевидения сессии Верховного Совета.

— Андрюша, может, переключим на первую, там кино сейчас? — осторожно спросила жена, присев на диван рядом с мужем.

Андрей Андреевич вздрогнул, жестом Михаила Сергеевича поправил очки и его же голосом, выделяя на украинский манер букву «г», произнес:

— А вот этого нельзя допустить! Нельзя допустить этого, скажу я вам! Страна находится в тяжелейшем состоянии! В тяжелейшем состоянии находится страна! И нельзя допустить разделения государства на удельные княжества, как тут некоторые предлагают! Нельзя этого допустить! Я бы сказал так: пора начать думать по-новому, по-государственному! Судьбоносные решения...

— Попугай чертов! — со слезами в голосе резко сказала жена и вышла на кухню.

Через некоторое время она поняла, что это не попугайничество, не цирк, а самый настоящий сдвиг по фазе, то есть болезнь. Правда, было непонятно, насколько она серьезна, эта болезнь, и надо ли обращаться к врачам.

Утром во время завтрака на вопрос жены, сколько кусочков сахара положить ему в чай, Андрей Андреевич произнес целую речь, характерно жестикулируя, делая паузы и поправляя очки:

— Вы думаете, товарищи, что продукты питания сами лягут к нам на стол?! Нет, этого не произойдет!.. Мы должны сейчас все, сообщая посмотреть, что нам мешает в этом вопросе. А мешает нам многое, товарищи!.. Не надо ссылаться на объективные причины! Они, конечно, есть, но ссылаться на них не надо! Это может только усугубить ситуацию! Вот так, мне думается, мы сегодня должны рассуждать, товарищи!..

Дочь Ольга, с открытым ртом слушавшая речь отца, захлопала в ладоши и восторженно сказала:

— Ну, папка, ты даешь! Ну вылитый Михаил Евдокимов! Вот это да!.. А еще можешь?

— Может, может! — ответила за мужа Татьяна Борисовна. — Он у нас все может!

Затем вышла из-за стола и пальцем поманила за собой дочку.

— Ты чему радуешься? — сказала Татьяна Борисовна, закрыв за собой дверь. — Ты что, не видишь, что отец болен? Ты что, не видишь — что с ним?!

— А что? — простодушно переспросила дочь. — Крыша поехала, да? Ой, мамочки!..

— Крыша не крыша, а что-то делать надо! Татьяна Борисовна с минуту в задумчивости ходила по комнате, затем решительно сказала:

— Вот что! Его переключить надо!

— Как это? — ахнула дочка.

— А вот как! Неси сюда свои кассеты с этими... как их...

— С «Битлами?»

— Да-да, с «Битлами»!

— А «Боники» надо?

— Неси и «Боники»!..

Через две недели, если кто-то из сослуживцев заводил речь о политике, Андрей Андреевич подходил к нему вихляющей походкой и, аккомпанируя себе на воображаемой гитаре, гнусаво пел, пританцовывая: «Иес ту дей...»

ТОНКОЕ ДЕЛО

Петр Иванович Мартынов был очень ленивым человеком. Этот грех за собой он знал и всячески скрывал. Но скрывать становилось все труднее, все громче раздавались голоса сотрудников, обвиняющих его в бездействии. И тогда Петр Иванович решил бороться, вернее, защищаться. Средством защиты он избрал нападение. Другого ничего нельзя было придумать, поскольку он уже просто не мог изменить своего отношения к делу.

Будучи начальником одного из отделов НИИОМЖ, института, созданного на заре советской власти с целью изучения отношений между мужчиной и женщиной в условиях социалистического образа жизни, Петр Иванович имел в своем подчинении небольшой штат сотрудников. Коллектив состоял, в основном, из людей молодых, но с большим опытом практической работы. Опыт этот приобретался в постоянных поездках по стране, в ритме ее великих строек и преобразований. Плоды научных изысканий коллектива, возглавляемого Петром Ивановичем, иногда появлялись на страницах специальных газет и журналов.

Работа над проблемой межполовых отношений в условиях социалистического образа жизни требовала от сотрудников не только творческого полета мысли, но и определенной физической закалки вследствие проведения экспериментов в различных климатических зонах. А поскольку у Петра Ивановича не было ни полета, ни закалки — он оставался руководителем.

Мучимый предчувствиями того, что рано или поздно ему будет указано на профнепригодность, патрон, как называли его сотрудники, становился все более хмурым и замкнутым.

Гром грянул, как всегда, неожиданно.

Однажды вечером в кабинете у Петра Ивановича, привычно отгородившегося от внешнего мира запертой дверью и невеселыми мыслями, раздался телефонный звонок. Звонил директор института и просил зайти к нему в кабинет, захватив последние научные разработки, касающиеся сексуального взрыва в Семипалатинской области.

— Ну вот и все! — произнес Петр Иванович, положив трубку.

Затем он достал из шкафа пухлую папку в коричневом переплете, сдул с нее пыль и развязал тесемочки. В папке был реферат, написанный им тридцать четыре года назад. Он брал его с собой на все научные конференции и совещания, когда было нужно познакомить коллег со «свежими мыслями».

В задумчивости полистав пожелтевшие страницы, Петр Иванович закрыл папку и, подойдя к зеркалу, подмигнул своему отражению:

— Ну-с, это мы еще поглядим!

Директор института, бывший секретарь обкома партии по идеологии, был интеллигентным, уверенным в себе молодым человеком в заграничном костюме с депутатским значком на лацкане.

Усадив Петра Ивановича в мягкое удобное кресло, после нескольких незначительных вопросов о семье и здоровье, директор сказал:

— Должен признаться, уважаемый Петр Иванович, что на последнем ученом совете ваш доклад не произвел на меня впечатления. Как-то все несовременно, старомодно... Тускло, знаете ли... Вы не находите?

Петр Иванович снял очки, некоторое время тщательно их протирал, затем неспеша надел и в свою очередь спросил директора:

— Вы, извиняюсь, с какого года в партии?.. Да нет — причем! Именно — причем! Я-то в ней с пятьдесят первого! Вот давайте и разберемся, случайно ли я столько лет отстаиваю чистоту и нравственное начало в науке!

Лицо Петра Ивановича слегка покраснело, в голосе появились нотки незаслуженно обижаемого человека. Он продолжал:

— Да, мой доклад написан не сегодня! Он написан даже не вчера. Он написан всей моей жизнью, безраздельно отданной науке! И труд этот, молодой человек, имеет под собой — не побоюсь этого слова — государственную основу! Партийную, я бы сказал, и государственную основу!

— Я все понимаю, — миролюбиво остановил его директор. — Я вас понимаю, Петр Иванович, но поймите же и вы меня! Я пока что небольшой специалист в сексологии, но ваш доклад не произвел впечатления не только на меня! Не обижайтесь, пожалуйста, но так считают многие! Вы утверждаете, что настоящие отношения между мужчи-

ной и женщиной могут возникнуть только на прочной идеологической основе, в процессе борьбы, тяжелых испытаний и еще чего-то там... Но так ли это, дорогой Петр Иванович?! И потом, что это за выражение: горнило борьбы, где выплавляется настоящее чувство? Вроде бы уж так и не говорят сейчас!

Петр Иванович вновь снял очки, подышал на стекла и стал их неторопливо протирать носовым платком, глядя прямо перед собой:

— Да, сегодня так не говорят. Где уж там! Нынче все просто: раз, два и — в дамки!

Петр Иванович надел очки и сложил руки на груди.

— Вы, товарищ директор, удивляете меня и заставляете говорить элементарные вещи. Надеюсь, вы знакомы с моим послужным списком? Так вот: почти за полувековой стаж работы в институте мимо меня прошли восемнадцать директоров! При моем непосредственном участии рождалось все новое, прогрессивное, что составляет сегодня основу нашей науки! Под моим руководством выросло целое поколение научных кадров в палологии! Мои труды печатались во многих странах мира! У меня восемнадцать благодарностей и две медали!.. Я вам это говорю не ради хвастовства, — пусть этим занимаются другие, я вам это говорю для того, чтобы вы поняли, что наука для меня — не увлечение, не предмет флирта, а дело всей жизни! И это дело я никому не позволю отнять у себя!

— Да мы ничего не хотим отнимать у вас, — досадливо поморщился директор. — Просто время сейчас другое...

— Ах вот как! — встрепнулся Петр Иванович. — Время другое! Да, время, может быть, и другое, но люди, человек — он остался тем же, со своими привычками, болями, желанием есть, любить, делать добро и зло!.. И не говорите мне, что человек изменился, эволюционизировался, так сказать! Не надо! У меня слишком большой жизненный и научный опыт, чтобы поверить в эту сказку! И еще... — Петр Иванович жестом остановил хотевшего что-то сказать директора: — Вы же не будете отрицать, что без опыта прошлого нет будущего? Вы — человек в нашей науке новый и вам трудно пока разобраться в хитросплетениях некоторых научных постулатов, увидеть главное, отделить зерна от плевел. Но вы еще молодой человек, а это тот недостаток, который, как говорится, проходит с возрастом. Со временем и вы научитесь не только смотреть, но и видеть...

— Но позвольте! — попытался возразить директор, но Петр Иванович жестом усадил его на место.

— Конечно, вы можете со мной не соглашаться, спорить, даже обвинять! Плюрализм, так сказать! Но я вот что вам скажу: какие бы комья грязи сейчас не летели в партию, она, партия, выстоит! Не может не выстоять, хотя бы во имя тех жертв, которые она понесла в борьбе за светлые идеалы человечества!.. Вот вы морщитесь, а напрасно! Ошибки, конечно, были, но опять же — во имя чего? Духовность потеряна, нравственность деформирована. А почему? Да все потому, что раз, два и — в дамки!

Петр Иванович встал и энергично заходил по директорскому кабинету. Его лицо окончательно сделалось красным, на лбу выступил пот, глаза округлились. Свет, преломляемый в стеклах очков, метался по кабинету в виде молний. Его речь была энергична и убедительна.

— Ни один уважающий себя ученый, заметьте, — истинный ученый, не позволит себе усомниться в той теории, которая проповедует нравственность! Хотите вы этого или не хотите, но основа любой науки — это нравственность! Даже Нильс Бор, создавая атомную бомбу, думал, как ни странно, о нравственности. Мы же, работая с таким хрупким материалом, как человеческая душа, ни на секунду не должны об этом забывать. Я убежден, что моя работа «Внебрачные связи» не только актуальна сегодня, но и не потеряет своей значимости через десятки лет! В нашем деликатном и тонком деле нет и не может быть мелочей. Нельзя ставить на одну чашу весов такие понятия, как любовь и влечение! Нельзя опошлять проблему, как это делает наш отдел международных связей! Полология — это наука! На-у-ка!

Директор умоляюще прижал руки к груди:

— Петр Иванович, дорогой мой, все понимаю! Но ведь жизнь-то не стоит на месте, она...

— Жизнь — это способ существования белковых тел! Она и не может стоять на месте! Жизненные процессы, батенька, остановить невозможно! Затормозить, задержать — да, остановить — нет! Не под силу это ни Богу, ни дьяволу, ни мне, ни вам, ни ученому совету!.. Кстати, вам известно, что наш ученый совет почти весь состоит из «международников»?.. Так вот, смею вас уверить, что это звено в цепи наших научных достижений перестало нести связующую функцию. Эти люди полностью оторвались от реалий жизни. В облаках летают господа ученый совет!

Мнят себя великими, а сами не платят партийные взносы! Это абсурд! Только и разговоров, что о деполитизации. Да может ли быть наука вне политики?! В облаках витают господа!.. А мы по земле ходим! Совесть ученого заставляет нас по земле ходить! По родной советской земле!..

— Петр Иванович, идите вы... работать! — воскликнул директор, поднимая обе руки вверх. — Бога ради, забирайте свою папку и идите... идите!..

Петр Иванович, вернувшись в свой кабинет, аккуратно положил в шкаф папку с рефератом и перед тем, как закрыть, погладил коричневые корочки и ласково произнес:

— Наука, брат, дело тонкое!

Затем он сел в глубокое кожаное кресло и погрузился в невеселые мысли.

До конца рабочего дня оставалось еще целых двадцать минут.

ВЕЧНАЯ ПРОФЕССИЯ

В шесть часов вечера Николай Иванович Хладнополов стал собираться в свой последний путь. Такое решение он принял еще вчера, когда понял, что жить ему в этом городе осталось считанные дни.

Кладбище находилось в шести километрах от города. Добраться туда можно было на автобусе или на такси, но Николай Иванович решил идти пешком.

Положив в полиэтиленовый пакет головку лука, три огурца, полбуханки хлеба и бутылку водки, Николай Иванович присел на табуретке и задумался.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь.
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвести и умереть! —

вспомнились Николаю Ивановичу строки любимого поэта.

Выйдя из дома, Хладнополов запер дверь и посмотрел на небо, где зажигались первые звезды. Вечер обещал быть ясным и теплым.

Николай Иванович вздохнул и зашагал в сторону кладбища. Грусть, нахлынувшая на него, усилилась от внезапно пришедшего на память четверостишия:

А когда ночью светит месяц,
Когда светит... черт знает как!
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак...

На улице людей почти не было, и это устраивало Николая Ивановича, поскольку не мешало думать о бренности бытия.

Звезд на небе становилось все больше и горели они все ярче. Двурогий месяц освещал последний путь Николая Ивановича.

«Вяжет взбалмошная луна на стене золотые узоры», — думал Хладнополов, поглядывая на сверкающие электрическим светом окна домов, за которыми своим чередом шла жизнь.

Печаль не покидала Николая Ивановича, и ему вдруг захотелось сесть где-нибудь на лавку и выпить водки. Он даже остановился, но знаменитая строка: «Не такой уж горький я пропойца» — заставила отказаться от этой затеи. Он сжал ручки полиэтиленового пакета и пошел дальше.

Месяц светил так ярко и загадочно, что от него невозможно было оторвать глаз.

И вновь вернусь я в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В прекрасный вечер под окном
На рукаве своем повешусь —

внезапно пронзили Николая Ивановича печальные и даже трагические строки, и ему стало совсем грустно. Чтобы как-то освободиться от своих тяжелых мыслей, он попытался вспомнить веселые эпизоды из своей жизни, но из этого ничего не получилось. Словно и не было в судьбе Николая Ивановича ничего смешного и радостного.

Между тем джунгли каменных многоэтажек кончились и пошли дома маленькие, частные, с огородами и садами. Но скоро и они пропали, и перед взором Николая Ивановича предстало залитое лунным светом поле, отделяющее город от кладбища.

Синий свет, свет такой синий!
В эту синь даже умереть не жаль.
Ну так что ж, что кажусь я циником,
Прицепившим к заднице фонарь...

Электрический фонарик у Николая Ивановича был с собой. Хотя прицеплять его он никуда не собирался, тем более что никогда не считал себя циником, но стихи ему все равно нравились. Тут вспомнилось другое:

Дорога довольно хорошая,
Приятная, хладная звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.

От этих стихов и от того, что до кладбища оставалось совсем близко, на душе Николая Ивановича потеплело. Свет месяца в открытом поле казался еще ярче, чем в городе.

«Эх, жить бы еще да жить!» — презренной прозой подумал Николай Иванович и быстро пошел по еле заметной тропинке.

Кладбище встретило его холодноватым отблеском надгробий и памятников, а также затихающим плеском галок, устраивающихся на ночлег в своих гнездах.

Из будки у небольшого сооружения, похожего на строительный вагончик, выскочила длинноухая дворняга и залаяла, но, узнав Николая Ивановича, завиляла хвостом.

— Дай же, пес, я тебя поцелую и как друга введу тебя в дом! — сказал Николай Иванович и погладил собаку по голове. Затем он решительно открыл дверь и с порога спросил:

— Гостей принимаете?

— Мы покойников принимаем! — невесело пошутил мрачного вида мужчина с бородой и в телогрейке, подавая руку Николаю Ивановичу.

— Чего так долго-то? — обидчиво спросил второй мужчина, на вид еще более мрачный. — Тебя только за смертью посылать!

— Не торопись, Аркадий! — ответил Николай Иванович, пожимая ему руку. — Все там будем! Хотя, в сущности, кто я для вас теперь? Покойник и есть!..

— Да ты не тяни, покойник! — прервал его бородатый в ватнике. — Принес хоть чего?

— Эх, Костя, тебе бы только — принес! — укоризненно отозвался Николай Иванович. — Да принес, принес! Куда я денусь! — С этими словами он поставил пакет на самодельный стол из неплотно подогнанных досок и стал вынимать содержимое.

— А чего одну-то? — взволнованно в один голос спросили мрачные. — Ты чего, смеешься, что ли?

Николай Иванович в упор посмотрел в обескураженные лица приятелей:

— А то — одну, что в последний путь провожаете товарища! Поминки сейчас будем делать, ясно! Не до уму же!

Расстелив на столе газету, Николай Иванович стал неторопливо нарезать хлеб. Разделив на три части луковицу и каждый огурец, он подошел к небольшому окошку, отодвинул выдавшую виды ситцевую занавеску и произнес:

— За окном лунища, — ну и здорово! — пролегла, просторы надвое порвав!..

— Опять ты со своим Есениным! — прервал его бородатый. — Целый день ждали, а он — стихи! Терпежу нет! По чуть-чуть бы!

— Не томи, Иваныч, — поддержал его второй, открывая бутылку.

— Ишь, истомились они! — незлобно проворчал Хладнополов. — Ладно, наливай!

Подняв стакан с налитой до половины водкой, Николай Иванович встал и попросил то же сделать своих товарищей.

— Господи! — произнес он, поднимая глаза вверх. — Упокой душу раба твоего Николая!

Все выпили.

— Ты чего это Бога-то поминаешь, Иваныч? — спросил бородатый, похрустывая огурцом.

— А о нем, Костя, всегда надо помнить! — ответил Николай Иванович, выливая в стаканы остатки водки. — О Боге, друзья мои, забывать нельзя!

Затем он взял стакан двумя руками, наклонил голову и с глубокой печалью в голосе произнес:

И за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать,
Положите меня в русской рубашке
Под иконами умирать!

Всем стало грустно.

Прощаясь, бородатый сказал:

— И чего ты, Иваныч, надумал переезжать в другой город? Не старый еще, чтобы с дочкой-то жить! Да там и кладбища, может, нет! Крематорий, может! Без работы, что ли, хочешь остаться? Так ведь не Америка!

— Все нормально, Константин! — бодро ответил Николай Иванович, пожимая ему руку.

— Все нормально, Аркадий! Копая везде нужны! Во все времена и эпохи! Профессия наша вечная!

Крепко обняв своих друзей, Николай Иванович вышел из помещения.

Месяц продолжал ослепительно сиять, делая все предметы вокруг сказочными. От памятников и надгробий исходил мягкий призывный свет. Галки на деревьях угомонились. Звуки города сюда не доходили, стояла мертвая тишина.

Виляя хвостом, вышла из своей будки вислоухая собака и остановилась у ног Николая Ивановича. Он присел перед ней на корточки, погладил по голове и произнес, как пропел:

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.

Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду!

Затем он встал и, не оборачиваясь, быстро пошел к выходу из кладбища.

Уже в поле, весь облитый лунным светом, повернулся и громко крикнул:

— Она вечна, друзья мои! Вечна, как мир!..

Помахав рукой, Николай Иванович энергично зашагал в сторону засыпающего города.

Жизнь продолжалась!

ЧАО, ГОСПОДА!

Как, все-таки, хороша бывает жизнь! Как она бывает сладка и желанна! Все, что тебя окружает, вдруг становится понятным, дорогим и радостным. Хочется все объять, всех обнять, оказать какую-то помощь, посоветовать. И очень хочется, чтобы такое состояние души и тела сохранялось как можно дольше.

Подобное чувство «полета наяву» испытал Константин Сергеевич Митяев, когда понял, что он любим...

Возраст у Константина Сергеевича был... скажем так — солидный, и он скептически относился к такого рода поведению, как случайные поцелуи, вздохи на скамейке и прогулки при луне. Может быть, поэтому к нему и не приходило сильное чувство, способное разрушить им же созданный стереотип видеть в женщине только товарища, соратника, партнера. Кроме того, Константин Сергеевич всю жизнь считал себя деловым человеком. В том смысле, что дело у него всегда было на первом месте. Поговорку «делу — время, потехе — час» он возвел в жизненный девиз и вывел печатными буквами на куске ватмана, который повесил на стенку в своем рабочем кабинете.

В общем, уважаемым и весьма нужным человеком был Константин Сергеевич, преподаватель общественных наук политехнического института.

Собственно, преподавателем «общественных наук» он стал сравнительно недавно, а до этого читал лекции по научному коммунизму и марксистско-ленинской философии в этом же вузе. С изменением политического курса в стране изменился и сам Константин Сергеевич. Из неулыбчивого «Господина Беликова», как его за глаза называли не только студенты, но и преподаватели, он превратился в просто интеллигентного вида мужчину, начинающего лысеть и склонного к полноте.

Первой фразой, которую он произнес, впервые представ перед студентами без галстука и традиционного коричневого костюма, была: «Уинстон Черчилль сказал, что он не мог бы считать себя умным человеком, если бы не менял своих политических взглядов!» Многим такое поведение казалось странным, ненужным и даже вредным,

но никто не называл Митяева фразером или пустозвоном, поскольку чувствовали его доброту, искренность и честность.

Жил Константин Сергеевич с матерью в трехкомнатной квартире в престижном некогда доме. В наследство от отца, известного в определенных кругах ученого-филолога, ему досталась совершенно замечательная, если не сказать уникальная библиотека и подлинники знаменитых художников. Кстати, тяга к философии и любовь к литературе проснулись в Константине Сергеевиче в самом раннем детстве, он до сих пор с благоговением и трепетом входил в кабинет отца, сплошь уставленный стеллажами с книгами. Он мог целыми днями просиживать на корточках где-нибудь в углу или на стремянке под самым потолком, искать нужную книгу, делая для себя открытия и испытывая при этом великое наслаждение. Руссо, Сен-Симон, Фурье, Оуэн были прочитаны им еще в детстве. К юношескому возрасту он страстно увлекся русской философской мыслью, создав себе кумира в лице великих Соловьева и Чижевского. В пятнадцать лет он знал всего «Евгения Онегина» и мог без запинки читать это произведение с любой главы и даже строфы.

Правда, подобный «груз познаний» имел и свое отрицательное значение для учащегося средней общеобразовательной школы Кости Митяева. Ему было скучно, когда учительница литературы вдохновенно говорила об «образе лишнего человека». Его охватывала невыразимая тоска, когда одноклассники, выйдя к доске, с мольбой ловили в глазах товарищей «луч света в темном царстве». И уж совсем становилось не по себе, когда блоковскую поэму «Двенадцать» называли революционной.

Но время неумолимо шло вперед. В университете на философском, естественно, факультете Косте стало легче дышать. Вернее, он только в университете и вздохнул полной грудью. Только здесь он смог проявить все свои недюжинные способности, удивляя преподавателей весьма солидным багажом знаний. Ему пророчили большое будущее в отечественной науке. Так бы оно, наверное, и произошло, если бы не слишком уж самостоятельные взгляды были у начинающего аспиранта на некоторые аспекты нетленного марксистско-ленинского наследия. Однажды ничтоже сумняшеся на заседании кафедры он произнес крамольную фразу, повергшую в шок ученые головы, увенченные высокими степенями и званиями. Звучала она, примерно, так: «Что значит — учение Маркса

всесильно, потому что оно верно? С философской точки зрения это утверждение не имеет под собой никакой научной основы! И мы должны, даже обязаны это понять!»

Но понять его не захотели, а к защите диссертации не допустили. Зав. кафедрой с бесстрастным выражением лица сказал металлическим голосом: «Я не позволю устраивать «Броненосец Потемкин»! Это что — бунт? Да кто Вам позволил?..»

После этого разговора Константин Сергеевич продолжительное время работал простым преподавателем, постепенно превращаясь в «человека в футляре».

Мать нашего героя, которую звали Надежда Константиновна, всегда ревниво охранявшая творческую свободу сына, к закату жизни возжелала занять внуков. Для этого ей пришлось радикально изменить собственные взгляды в отношении научной карьеры любимого дитяти, вступившего в «переходный возраст».

— Мама, — сказал сынок, склонив свою лысеющую голову, — но для этого, как минимум, нужна женщина. Моя жена. Третий человек в этом доме.

— Хорошо, пусть будет жена! — тряхнула копной пышных седых волос Надежда Константиновна. — В конце концов, я не вечна, а в доме нужна хозяйка. Но главное — на тебе лежит продолжение рода Митяевых, мой мальчик! Найди себе хорошую скромную женщину, и благослови вас Господь!

«Мальчик» вздохнул, поцеловал мать в щеку и отправился в институт.

В тот же день после лекций к нему подошла третькурсница Леночка Касаткина с факультета «Автомобили и автомобильное хозяйство», неотразимая красавица, капитан институтской команды КВН и кандидат в мастера спорта по художественной гимнастике. От нее пахло французскими духами и еще чем-то, вызывающим волнение.

— Простите, Константин Сергеевич, — сказала Лена, взмахнув длинными ресницами, — но я ничего не понимаю в вашем предмете! Просто измучилась вся... Помогите, мне, пожалуйста, а?

На букве «а» Лена так посмотрела на Константина Сергеевича, что его сильно шатнуло назад, и он чуть не упал навзничь. Он увидел устремленные на него... нет, не глаза, это были два огромных озера, наполненные до краев сверкающей лазурью. В жизни Константин Сергеевич не видел подобного!

— Э-э... конечно... ну как-же... разумеется... — залепетал он, ощущая нехватку воздуха от стремительного погружения в голубые глаза-бездны.

— Тогда я забегу к вам как-нибудь, — обрадованно сказала Лена, как бы не замечая смущения своего преподавателя. — Можно?

— Да-да, — заторопился Константин Сергеевич, — конечно-конечно!.. В любое время!.. Буду рад!.. Да-да!

Домой он возвращался, словно в бреду.

— Да что с тобой, господи? — встревоженно спросила мать, прикладывая руку ко лбу сына. — Переутомился, небось!.. Ну, приляг. Часок-другой вздремни, а я никого пускать не буду.

С глухим стоном Константин Сергеевич поворачивался то на один, то на другой бок. К десяти часам вечера поднялась температура. Тело изнутри жгло, словно каленым железом. Аппетита не было. Поташнивало, на лбу выступил холодный пот.

Наконец, мать, ни на минуту не отходившая от сына, твердо сказала:

— Я немедленно вызываю «скорую», если ты не скажешь, что произошло!

— Мама, не делай этого, — простонал Константин Сергеевич и сбивчиво, с большими паузами, чтобы отдышаться, поведал матери о причине своего недуга.

— Сережа! — бросилась та к портрету своего мужа и встала перед ним на колени, как перед иконой. — Ты слышишь, Сережа?! Наш сын влюблен! О, господи...

Утром Константин Сергеевич чувствовал себя разбитым, был бледен, но, выпив по совету матери крепкого кофе, собрался и пошел на работу.

При подходе к институту он вновь ощутил предобморочное состояние, как и при вчерашнем разговоре с Леной.

— Здравсьте, Константин Сергеевич! — божественной музыкой прозвучало справа. И мимо него, стуча каблучками на стройных и сильных ногах, промчалась Лена Касаткина.

Митяев вздрогнул, ухватился за перила и коротко, словно солдат на плацу, выдохнул:

— Здра!..

Ноги высококлассной спортсменки под короткой джинсовой юбочкой уже скрылись в лестничном пролете третьего этажа, звон ее каблучков заглушили другие звуки, а Константин Сергеевич все стоял, не в силах

оторваться от перил, и смотрел вверх, будто отыскивал в небе путеводную звезду.

После шести лекционных часов и семинара Константин Сергеевич пошел домой. По дороге он заглянул в гастроном и купил бутылку вина. Затем зашел на рынок за яблоками.

— Костя, к тебе зачем придет эта девушка? — спросила мать, наблюдая за сыном, вынимающим из портфеля вино и фрукты.

— На консультацию.

— Тогда вино зачем?

— Ну... Я не знаю, может...

— Что — может? Это же твоя студентка! Во-первых, — студентка, а уж во-вторых — женщина!

— Мама, — вдруг резко сказал Константин Сергеевич, — если она придет, скажи, что меня нет дома!

Мать удивленно взглянула на сына и всплеснула руками.

— Ты что говоришь, Костя? Да как тебе не стыдно предлагать такое матери? Ты же мужчина! Ты же...

— Я не могу, мама! — воскликнул Константин Сергеевич, поднимая руки над головой. — Я просто... боюсь!

В это время раздался звонок в дверь.

— Это она! — свистяще зашипел, аки змей, Константин Сергеевич, — спрячь меня куда-нибудь! Спрячь меня...

— Перестань дурака валять! — строго сказала мать, направляясь в прихожую. — Немедленно возьми себя в руки!

Через минуту уже ласково она пропела:

— Костик, к тебе дама. Выйди к нам, пожалуйста.

Константин Сергеевич с пунцовым лицом и трясущимися руками предстал перед женщинами.

— Здравствуйте, Константин Сергеевич! — просто и буднично сказала Лена. — Хотя, мы уже сегодня здоровались.

Митяев, не зная куда деть руки, промывал нечто несвязное.

— Костя, помоги же девушке раздеться! — не столько предложила, сколько приказала Надежда Константиновна. — И приглашай гостью к столу, как раз ужин готов!

— Извините, но я исключительно по делу, — произнесла Лена своим мелодичным голосом.

— Дело подождет, а вот любимое Костино блюдо — тушеная утка — ждать не может! — тоном, не допускающим

возражения, изрекла Надежда Константиновна. — Идите мыть руки!.. Костя, покажи Леночке, где у нас что.

Константин Сергеевич начал, наконец, понимать смысл происходящего и жестом регулировщика показал в сторону ванной комнаты.

После ужина, во время которого Лена вела себя совершенно свободно, много смеялась веселым рассказам Надежды Константиновны, стали играть в лото. То ли от выпитого вина, то ли от общей непринужденной обстановки, Константин Сергеевич постепенно обрел не только дар речи, но и прежний язык Цицерона. Он без умолку сыпал остроумными глупостями, рассказывая анекдоты, от которых женщины хохотали без умолку, искусно пародировал знаменитых артистов, говоря их голосами.

Внезапно Надежда Константиновна посмотрела на часы и сказала, что еще днем соседка просила посидеть с ее дочкой, пока они с мужем будут гулять на свадьбе. Прощаясь, она ласково взглянула в сияющие глаза студентки и сказала:

— Леночка, что вы сделали с Костей? Он сегодня, как мальчишка!.. Ну, мне пора!..

Утром следующего дня Константин Сергеевич на работу летел, как на крыльях.

— Дорогой мой, вы сегодня словно электрическую лампочку проглотили, — сказал зав. кафедрой, здороваясь с Константином Сергеевичем — весь светитесь изнутри. Вы что, влюбились?

— Любви все возрасты покорны, — весело пропел Митяев, — ее порывы благо-тво-орны!

— Ну, это Пушкин, а вы...

— А я — Лермонтов! — продолжал веселиться счастливый преподаватель общественных наук.

— Ну, а я тогда кто? — в тон ему спросил зав. кафедрой.

— А Вы — Дантес, милостивый государь! — торжественно и громко произнес Константин Сергеевич, продолжая улыбаться, — Дантес и Мартынов в одном лице!..

Зав. кафедрой побледнел, затем покраснел, сказав нараспев: «Та-а-к! Ну-ну!» — и пошел к себе в кабинет.

Никогда еще так вдохновенно не читал свои лекции преподаватель Митяев. На одном дыхании, блистая юмором, провел он два семинара и стал собираться домой, когда подошла к нему лаборантка и пригласила зайти в кабинет заведующего кафедрой.

Войдя в кабинет, Константин Сергеевич увидел там почти всех преподавателей и сначала подумал, что идет заседание кафедры. Впрочем, так оно и было.

— Товарищ Митяев, сухим голосом сказал зав., не предлагая продолжавшему светиться преподавателю сесть, — нам нужно задать вам несколько вопросов!

— Быть или не быть? — сострил Константин Сергеевич.

— Нет, другие! — не понял юмора зав. кафедрой.

Митяев с удивлением посмотрел на шефа, на опущенные головы молча сидящих коллег и сказал:

— Ну, пожалуйста. Слушаю вас.

— Во-первых, без «ну», а во-вторых, это мы вас слушаем!

Внезапно Константин Сергеевич понял, что попал на «товарищеский суд» и его охватил какой-то яростный кураж, о котором он прежде и не подозревал.

— А что это у нас — он сделал ударение на последнем слове — за старорежимная манера говорить загадками, да еще от имени всего человечества, дорогой патрон?

«Дорогой патрон» сорвал с носа очки и стал медленно приподниматься со своего кресла. Кто с удивлением, кто с испугом, присутствующие посмотрели на Митяева.

Константину Сергеевичу вдруг стало совсем весело и он сказал, подняв правую руку вверх, как артист, закончивший выступление.

— Не нужно оваций, господа! И волноваться тоже не нужно! Бунта на корабле не будет! Или вы хотите бунта? — он торжественно оглядел присутствующих, опершись руками о стол.

— Пре-кра-ти-те из-де-вать-ся! — крепчая голосом, отчеканил зав. кафедрой. — Отвечайте на вопросы!

Константин Сергеевич учтиво склонился в шутовском поклоне.

— Извольте объяснить, за что вы меня оскорбили, обозвав Дантесом? — продолжал зав. кафедрой чеканить слова.

Митяев изумленно поднял брови, затем весело рассмеялся и сказал:

— Ах, вот в чем дело! А я-то думал... Значит, и здесь то же самое!

Помолчав с минуту, он с грустной улыбкой продолжал, обращаясь к руководителю:

— Я вас не только Дантесом, я вас еще и Мартыновым обозвал! К тому же, Вы — Беликов, живущий по принципу: как бы чего не вышло! Вы... Да что там!.. Жалко мне

вас, господа! Ох, как жалко! А любовь, она всегда была, есть и будет! Во все времена и эпохи! В этом смысл, и это прекрасно!

С последними словами Константин Сергеевич взял со стола шефа лист бумаги и быстро написал под гробовое молчание коллег: «Ректору ГПИ от человека, познавшего любовь. Прошу немедленно освободить меня от занимаемой должности и отпустить на все четыре стороны. Свободный человек К. Митяев».

Поставив дату, «свободный человек» повернулся к собравшимся в кабинете и сказал:

— За сим — разрешите откланяться! Желаю вам, господа, освободиться от комплексов! Право же, это тяжелый груз! Чао, господа!

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ

Михаилу Сергеевичу Ручкину, работающему в одном из НИИ в должности младшего научного сотрудника, третью ночь подряд снился один и тот же сон: будто подходит к нему Боря Синичкин, инженер из соседнего отдела, и говорит:

— Слушай, Михаил, живешь ты хорошо, это я знаю. Все у тебя есть, а легковой машины нет. Есть только желание иметь ее. Но этого, как известно, мало. Так вот, слушай сюда, — изрекал свою любимую поговорку третью ночь подряд Синичкин. — Поскольку мы с тобой старые приятели, я готов одолжить тебе некоторую сумму...

С этими словами Боря Синичкин исчезал, может быть, уходил за деньгами, а Миша просыпался. Просыпался он сразу, как только уходил Боря, то есть около двух часов ночи, и заснуть уже никак не мог.

Настойчивые предложения Синичкина выводили Михаила из душевного равновесия. Он стал рассеянным и несколько раздраженным. Первой, кто обратил на это внимание, была жена. В субботу утром она спросила, глядя в блуждающие глаза мужа:

— Ты можешь мне объяснить, что с тобой происходит? Впрочем, не надо ничего объяснять, и так вижу. Вижу, как ты ночами не спишь, с работы приходишь, как в воду опущенный... Только имей в виду — детей я тебе не отдам!

Удар по небритой щеке вывел младшего научного сотрудника из гипнотического состояния. Поняв, что речь идет о его поведении, он открыл дверь в кухню, куда ушла плачущая жена.

— Кать, погоди, Кать, ты... это... чего? — заговорил извиняющимся тоном Ручкин, кладя руку на вздрагивающее плечо жены. — Ты что же это могла подумать, а? Да неужели ты меня, Кать... Ведь это смешно, честное слово. Я тебе сейчас все объясню, ты только не волнуйся...

— Во-первых, я не волнуюсь, — движением плеча Катя освободилась от руки мужа. — Во-вторых, ничего объяснять не надо. Ты из меня дурочку-то не делай. Люди мне все рассказали.

— Да что тебе люди могли рассказать? Люди, люди, — начал заводится Михаил. — Я же тебе объяснить хочу,

в чем дело, а ты — люди! Просто мне Боря Синичкин предложение сделал...

— Вот иди и живи с ним, если он тебе предложение сделал! — жена Катя решительно вышла из кухни, хлопнув дверью. Заключительные слова ее донеслись уже из другой комнаты:

— А Синичкину своему передай, чтобы ноги его больше здесь не было! Придет — выгоню, так и знай!

Михаил сел на табуретку, облокотился о подоконник и стал думать. Он думал о том, почему именно Боря Синичкин является к нему по ночам со своим предложением.

«Так, — думал Михаил, — откуда Боря мог узнать, что я хочу купить машину? Я ему об этом не говорил. Да и вообще никому не говорил. Даже Кате...»

И тут его словно током ударило. Он вздрогнул от поразившей его мысли и встал с табурета.

«Не может быть! Нет! А вдруг... Да что «вдруг» — все точно! Самый настоящий гипноз и есть! Передача мыслей... Значит, я смог внушить Борису... Значит, я обладаю?!»

Мысли замелькали с такой скоростью, что Михаил снова сел на табуретку и обхватил голову руками.

— Так! — сказал он, выходя из оцепенения и решительно хлопая себя по коленям. — Теперь только не расслабляться! Теперь надо взять себя в руки! Ну, Мишка, давай!

Что «давай», он пока еще не знал. Но уже в следующее мгновение побежал к телефону.

— Ты чего в такую рань, президент? — спросил Борис ломающимся от сна голосом. (Прозвище «президент» досталось Михаилу с легкой руки Бориса по случаю полного совпадения имени и отчества.)

Ручкин от волнения ничего не мог ответить и только дышал в трубку.

— Хотя, я сам думал позвонить тебе, — продолжал Борис. — Дельце у меня к тебе деликатное есть, понимаешь?

— Понимаю! — радостно выкрикнул Михаил. — Понимаю! Дорогой мой, я все понимаю! Ты даже не представляешь, как я все понимаю! Деньги, да?

— М-м-м, — неопределенно замычал в трубку Борис.

— Тогда до понедельника! — радостно воскликнул Михаил и повесил трубку.

В понедельник младший научный сотрудник Михаил Ручкин пришел на работу на час раньше.

Ожидание встречи с Борисом тянулось для Михаила мучительно долго. Когда Борис появился в кабинете,

Михаил бросился к нему со словами: «Извини, нам надо поговорить!» И вытолкал приятеля на лестничную площадку.

— Говори! — сказал Миша, приставив указательный палец к груди Бориса. Тот, несколько помявшись, вымолвил:

— Слушай, Михаил, живешь ты хорошо. Все у тебя есть, а...

— А собственной машины нет! Правильно? — закончил за него Ручкин.

— Н-ну... в общем... — растерянно произнес Борис.

— Деньги?! — выпалил Михаил, не отрывая палец от груди товарища.

— Н-ну... в общем... — повторил Борис, с тревогой вглядываясь в зрачки Михаила.

— Так я и знал! — Ручкин расслабленно опустил на ступеньки лестницы и закрыл рукою глаза. Потом, как бы очнувшись, он вскочил и схватил Синичкина за лацканы пиджака:

— Боря, я — сенс!

Синичкин, перепуганный поведением товарища, хотел вырваться, но Михаил затолкал его в угол и заговорил с придыханием:

— Ты должен подтвердить!.. Об этом должны знать все!.. Это не может принадлежать одному человеку! Это национальное достояние!

Лицо Бориса приобрело форму груши, и он произнес срывающимся голосом:

— М-может, не надо, М-миша?

— Ты не прав, Борис! — с незнакомой усмешкой ответил Ручкин и втолкнул Синичкина в кабинет.

— Говори, Боря! — торжественно сказал он, попросив минуточку внимания.

— А что я должен говорить? — произнес Борис, одергивая пиджак и поправляя галстук. — Вы сами все видели! Этот шизик схватил меня за грудь и начал предлагать какие-то деньги. Честно говоря, я хотел занять у него кое-что на машину, но не успел даже заикнуться об этом. Вернее, он мне и рта не дал раскрыть... Я еще в субботу почувствовал, что он чего-то того... не в себе, — Борис постучал пальцем по собственному лбу. — «Сенсом» себя называл, национальным достоянием.

Миша Ручкин, словно во сне, наблюдал, как его товарищ Боря Синичкин ходит между столами, трогает всех за руки и говорит:

— Да не брал я у него ни копейки...

СИЛА СЛОВА

До города оставалось километров пятнадцать, когда на остановке «Птицеферма» в автобус ввалился человек могучего телосложения в брезентовом плаще и кирзовых сапогах. Он тупо осмотрел малочисленных пассажиров. Его губы презрительно шевельнулись, лицо расплылось в саркастической ухмылке.

Автобус резко взял с места, и вошедший, не удержавшись, сел прямо на колени Леониду Витольдовичу Матвиевскому, лектору общества «Знание», который объезжал хозяйства Суматохинского района и знакомил сельчан с основными направлениями перехода к рынку.

Через несколько минут Леонид Витольдович почувствовал, что у него затекают ноги и двумя пальцами постукал в широкую спину пассажира в брезентовом плаще:

— Товарищ, вы бы, однако... Как-то даже неудобно...

— Что... кому... где... — «товарищ» откинулся назад, вдавив лектора в спинку кресла. — Тебе что, мужик?

От плаща сидящего на коленях пахло так дурно, что Леонида Витольдовича замутило и, перевозмогая рвотный рефлекс, он умоляющим тоном сказал:

— Дело в том, что вы сидите на моей папке... и я хотел бы вас попросить...

— Чтобы я сел на твою мамку! — закончил фразу ребенка и затрясся всем своим могучим организмом.

— И все-таки я попросил бы вас, товарищ...

— Дать тебе в глаз! — оборвал его вонючий.

«Все, это конец», — подумал Леонид Витольдович и закрыл глаза. Сознание быстро оставляло его. В радужных кругах появлялись лица то жены, то детей, то внуки Настеньки. Они были чем-то встревожены, и на глазах у лектора общества «Знание» появились слезы. «Так бездарно погибнуть! — думал он, чувствуя, как душа растает с телом. — Господи, за что ты меня покарал! Помоги мне, Господи!»

Внезапно Матвиевский почувствовал, что ему стало легче дышать, и первой мыслью было то, что он уже в раю. Сделав два глубоких вдоха, Леонид Витольдович открыл глаза. Картину, которая предстала его затуманенному взору, реальной назвать было трудно.

Старичок, у которого была такая же папка, как у Матвиевского, левой рукой держал огромного мужика за лацкан брезентового плаща, двумя растопыренными пальцами правой руки водил перед его окаменевшим лицом и ласково приговаривал:

— Да ты на кого прешь!.. Да ты же козел безрогий!.. Да ты ж пень трухлявый! Ты кого на понт берешь, чмо зачуханное!

Сцена была настолько впечатляющей, что Леонид Витольдович, как замороженный, наблюдал ее, боясь поверить в неожиданное избавление от казалось бы неминуемой гибели.

Старичок продолжал водить двумя пальцами перед глазами внезапно протрезвевшего гиганта, увлекая его к передней дверце автобуса:

— Вонючка ты дешевая! Фрайер ты жеванный! Пес ты кудлатый! Да я же тебя порешу сейчас, задрыга!

Затем он постучал в кабину водителя и сказал:

— Шеф, открой калитку, мы приехали!

Огромный мужик в плаще, так и не проронивший ни одного слова, как загипнотизированный, задом вышел из автобуса.

— Канай отсюда, пока по шарам не схлопотал, оглобля! — сказал в открытую дверь старичок. — Гляди у меня, тля!..

После того, как автобус набрал ход, старичок носовым платком вытер пот со лба, причесался, поправил галстук и подсел к Леониду Витольдовичу.

— Видите ли, уважаемый, — сказал он Матвиевскому, — есть определенная категория людей, для которых человеческий язык недоступен. Их надо или за шиворот брать и ставить на место, или таким вот способом, как сейчас!..

Старичок кивнул в сторону двери.

— Позвольте представиться, — продолжал он, — кандидат юридических наук Туров Валентин Петрович! Возвращаюсь из колонии строгого режима, где читал лекцию для сотрудников о возникновении жаргона в преступной среде.

Старичок задумчиво улыбнулся.

— В общем, с проблемой знаком, как говорится, во всех деталях.

Затем, с интересом рассматривая Леонида Витольдовича, добавил:

— А с вами, коллега, знаком заочно — слушал ваши лекции. Интересно, должен сказать, раскрываете проблему. Очень, очень...

Когда автобус остановился в районе городских новостроек, мужчины помогли дамам выйти. Валентин Петрович, подавая руку Матвиевскому, сказал:

— Давайте, дорогой коллега, пожелаем друг другу, чтобы наши научные разработки нашли полезное практическое применение. И да восторжествует добро над злом!

С чувством пожав друг другу руки, они разошлись, очень довольные знакомством.

«Вот уж воистину — вначале было слово!» — думал Леонид Витольдович, возвращаясь мыслями к эпизоду в автобусе.

Вскоре он был уже дома, где его с радостными улыбками и поцелуями встречали жена, дети и внучка Настенька.

ЗАВОДНОЙ МУЖИК

В нашей стране так долго стирали грань между городом и деревней, что грань эта вместе с деревней куда-то исчезла вовсе. Почему-то было принято считать, что для простого советского человека радость может заключаться только в труде. В конце концов постановления и указы, направленные на «дальнейшее улучшение жизни и благосостояния советских людей», стали вызывать гнев и раздражение.

Так или почти так думал Агрегат Спиридонович Коновалов, агроном колхоза «Заря коммунизма», лежа утром в постели и лениво отгоняя надоедливых мух.

Агрегат Спиридонович знал, что мысли, как и мухи, если уж появились с утра, не отвяжутся целый день.

А день был воскресный и вроде как праздничный. Агрегат Спиридонович всегда путал Троицу с Пасхой, Спасов день с Ильиным, но для него любой праздник в первую очередь был днем размышлений.

Лежа в постели, Агрегат Спиридонович никого конкретно не обвинял, но деревню, в которой он прожил всю жизнь, ему было жалко до слез.

Средства массовой информации открыли такие страницы недавней истории государства Российского, после прочтения которых работать вообще не хотелось и тянуло к водке. И если государство в очередной раз забыло один из экономических законов, который гласит, что спрос рождает предложение, то народ это помнил всегда. На устранение искусственно созданной винно-водочной проблемы пошли не только сахар и дрожжи, но и конфеты, пряники, печенье и прочая снедь, что породило новый дефицит.

Агрегат Спиридонович каждый раз хотел записать результаты своих утренних бдений и послать их в Верховный Совет, но ему все время что-то мешало. Так случилось и в этот раз.

— Граня, вставать пора! — сказала жена, подходя к кровати мужа и трогая его за плечо.

— Чего надо? — недовольно отозвался Агрегат Спиридонович.

— Да надо бы воды принести! Девять скоро! Хватит лежать-то!

Начинающие стареть супруги жили скромно и незаметно. Скучно жили. Это продолжалось до тех пор, пока не грянула перестройка со всеми ее кардинальными изменениями и судьбоносными решениями.

Агрегат Спиридонович хорошо помнил то утро, когда он проснулся другим человеком. Внешне он был все тем же, но вот внутри произошли необратимые процессы. Он вдруг почувствовал, что надо куда-то идти, с кем-то спорить, что-то доказывать, действовать, в общем. Его походка сделалась быстрой и порывистой, лицо озабоченным и даже злым, в голосе зазвучали властные нотки. Без всякого повода он мог наглубить незнакомому человеку и даже обозвать его. Своих же, деревенских, кроме как «люмпенами», он и не называл. Слово это посчитали крайне оскорбительным, и вскоре Агрегат Спиридонович получил новое прозвище — «Заводной». Люди говорили:

— Заводной-то Агрегат сегодня опять с утра в магазине черт-те что вытворял! Сладу с ним нету! Лизка-то умаялась, поди!..

Кстати, имя свое Агрегат Спиридонович получил в то время, когда революционный порыв советского народа достиг небывалого подъема. В кратчайшие сроки, не щадя себя, славные труженики и труженицы строили заводы, возводили плотины, распахивали под богатый урожай новые земли.

Родители Агрегата Спиридоновича долгое время не хотели понять, что имя, которым они наградили ребенка, он должен будет пронести, словно крест, через всю свою жизнь. Когда же осознание содеянного все-таки наступило, было поздно что-либо изменить. Затем это перестало как-то всех волновать, тем более что вокруг было множество разных Моторов, Революций, Индустрий и т. д., хотя и оставалось беспокойство за внуков.

Жена Лиза после свадьбы больше года вообще не знала, как обращаться к мужу и только после родов первого ребенка, когда Агрегат Спиридонович принес в больницу цветы и фрукты, неожиданно спросила:

— Граня, ты сам-то ел ли сегодня?..

Итак, в то утро Агрегат Спиридонович лежал в своей кровати и думал о том, что никакая перестройка не вернет людей в деревню, что никакие указы и распоряжения правительства не заставят человека хорошо работать, что никакое «Общество трезвости» не отучит народ от пьянства, если все это будет делаться с позиции силы.

Честно говоря, эти мысли не принадлежали Агрегату Спиридоновичу. Он их то ли слышал, то ли читал где-то, но был полностью согласен с ними и поэтому считал своими.

Размышления вновь нарушил голос жены:

— Граня, ты когда вставать-то...

— Да принесу, принесу я тебе воды! — не дал ей договорить Агрегат Спиридонович, натягивая на голову одеяло.

Жена махнула рукой и пошла хлопотать по хозяйству.

Некоторое время Агрегат Спиридонович лежал без всяких мыслей, раздосадованный тем, что так бесцеремонно с ним обращаются.

«Воды ей, видите ли, надо! Приспичило! Это в праздник-то!» — думал он, вставая с постели.

Расхаживая в трусах и майке по комнате, Агрегат Спиридонович искоса поглядывал в сторону жены и сердито говорил:

— Вот ты мне скажи, тебя что-нибудь, кроме воды, интересует? Над чем-нибудь ты задумываешься всерьез?

— А чего должно интересоваться-то, Граня? — пыталась сгладить противоречия жена, чувствуя, что супруг начинает заводить себя.

Но процесс возбуждения уже овладел Агрегатом Спиридоновичем и руководил всеми его мыслями и поступками.

— А то и должно интересоваться, что дальше еще хуже будет, поняла?

— Поняла, поняла, — миролюбиво сказала жена. — Ты бы оделся, Граня, а то завтрак стынет...

— Ну вот опять — «завтрак стынет»!

Хлопая себя по бедрам, Агрегат Спиридонович ощущал, как невидимые приводные ремни в его теле все сильнее раскручивают шестеренки возбуждения.

— Да что — завтрак! Неужели же только в завтраке дело?!

— А в чем дело-то, Грань?

— А в том дело, что думать надо! Мыслить надо и соображать!

— Так я же вроде и соображаю, — с некоторой обидой ответила жена. — Завтрак вот...

— Опять — завтрак!

Агрегат Спиридонович заходил по комнате, тряся руками над головой.

— Ну что ты за человек! Двадцать пять лет мы с тобой прожили, а я и не знаю, что ты за человек!.. Почему газет не читаешь?

— Да когда читать-то мне их, газеты-то?!

— Ах, вот оно что — газеты читать ей некогда!

Агрегат Спиридонович остановился перед женой, уперев руки в бока: — Так о чем тогда нам с тобой говорить, если ты даже не знаешь, что в стране происходит!

— Ну и не говори! Больно я расстроюсь, что он со мной говорить не будет!.. Есть захочешь — заговоришь! А то...

— Ну вот, к примеру, как ты со мной разговариваешь?! Наверное, вода-то не ушла бы никуда, а ты сразу — грубить!.. Нет в тебе, Лизавета, человеческого внимания ко мне! И не было никогда! Теперь это я вижу!

— Ну что ты видишь, что ты видишь? — в свою очередь начала сердиться жена. — Вот я вижу, что ты без штанов стоишь...

— Молчать! Не возражать! — стукнул кулаком по столу Агрегат Спиридонович. — Не смей мне возражать! Ишь, моду взяла — на мужа орать!

— Ну, понесло! — махнула рукой жена. — Истинно — заводной!

Лицо у Агрегата Спиридоновича покраснело, грудь часто приподнималась. Вся его фигура выражала благородное негодование.

— Да ты пойми, голова садовая, что сейчас нельзя быть не в курсе того, что происходит!

— А что происходит-то? Ну, что происходит-то, скажи мне такой бестолковой? — жена тоже руки уперла в бока и в ее лице появилась решительность. — Перестройка-то твоя, что ли? Так я плевала на нее, понятно?.. И на тебя тоже, если ты сейчас же не оденешь штаны и не сядешь завтракать!

После этих слов жены Агрегат Спиридонович буквально на глазах стал успокаиваться, скучнеть и становиться как бы меньше ростом. Но приводные ремни по инерции все еще крутили механизм завода, и он продолжал утратившим металл голосом говорить:

— Я тебе хочу сказать, Лиза, что надо быть культурной женщиной!..

— Сам-то ты больно культурный! — не меняя позы, гневно проговорила жена. — Это спать-то до полудня да мечтать-то о какой-то ерунде — ты культурный?! Ведром-то вот сейчас по башке дам — и вся культура! Хочешь?

Агрегат Спиридонович ничего подобного не хотел. От бывшего возбуждения не осталось и следа. Он быстро оделся, схватил ведра и побежал за водой, напевая в такт движению песенку водовоза из кинофильма «Волга-Волга».

СМЕРТЬ ДРАМАТУРГА

У писателя Хмелевского был творческий кризис. Даниил Иванович знал, что равнодушие к писанию повестей и рассказов пройдет, и он с прежней увлеченностью пустится в описание отчаянных схваток современных Пинкертонов с преступниками, томительных засад и стремительных погонь, в результате которых будет наказано зло и восторжествует справедливость.

Как вы уже догадались, Хмелевский был писателем детективного жанра. Читающей публике он был известен под псевдонимом Диамат Нахлебников.

За годы литературной работы из-под пера Даниила Ивановича вышли в свет несколько повестей с интригующими названиями, два сборника остросюжетных рассказов о героических буднях советской милиции и небольшая книжечка лирических стихов. За детективную повесть «Кто застрелил Муразо?» он был отмечен специальной премией правоохранительного ведомства тогдашнего, казалось, незыблемого Советского Союза.

В канун неудавшегося государственного переворота у Даниила Ивановича вышла небольшая остросюжетная повесть «Сломанный зуб», и он поехал в столицу презентовать ее своим многочисленным друзьям и знакомым. В третий, самый критический для демократии день, водоворот событий свел рыцаря детективного сюжета с известным всему миру виолончелистом. Результатом непродолжительного знакомства была преподнесенная Даниилом Ивановичем знаменитому зарубежному соотечественнику повесть с дарственной надписью.

Даниил Иванович, вернувшись в родной город, задумал написать большое произведение, может быть, даже роман о событиях, участником которых волею судеб ему пришлось быть.

Неожиданно для самого писателя все его впечатления вылились в многоактную пьесу.

Отпечатанную рукопись Даниил Иванович отнес за влиту местного драмтеатра. Через некоторое время ему позвонил режиссер и предложил встретиться, сказав, что ему в целом пьеса понравилась, но надо утрясти некоторые моменты.

Хмелевский-Нахлебников считал себя не новичком в литературе, с законами драматургии был знаком и заранее воспротивился «утрясению моментов». Тем не менее в назначенные день и час встреча писателя и режиссера состоялась, и они с искренней теплотой пожали друг другу руки.

— Вы, как я понимаю, впервые пишете для театра, — сказал режиссер, предлагая Хмелевскому закурить. — Дело в том, что у вас, как у всякого начинающего драматурга, встречается ряд погрешностей в сценическом построении, поведении персонажей... Воды, как говорится, многовато и надо бы повыжать.

Даниил Иванович поморщился при слове «начинающего», и это не ускользнуло от режиссера.

— Да вы не обижайтесь, Бога ради, — миролюбиво, даже несколько извиняющимся тоном проговорил он, глядя на Хмелевского сквозь затемненные стекла больших роговых очков. — Пьеса мне, в целом, действительно понравилась. Есть очень удачные находки. И главное, события сегодняшнего дня...

Режиссер, молодой еще человек, с копной каштановых волос и в модной джинсовой курточке, как-то сразу не произвел на Даниила Ивановича ожидаемого впечатления. Его уверенный громкий голос и манера разговаривать раздражали Даниила Ивановича, не давали сосредоточиться. Да еще эти очки...

— Разумеется, разумеется! — вежливо ответил Хмелевский, стараясь разглядеть выражение глаз собеседника.

— Вот и прекрасно! — заключил режиссер. С этими словами он раскрыл лежащую перед ним папку с рукописью пьесы и взял из большого узорчатого стакана красный фломастер.

— Надеюсь, вы со мной согласитесь, что название пьесы надо изменить, — произнес режиссер таким тоном, как будто все это уже было решено. — Сегодня «Баррикадами» в театр не привлечешь зрителя. Во-первых, слишком в лоб, во-вторых, такое уже было!

Он безжалостно округлил название пьесы и поставил два знака вопроса.

— Кстати, — продолжал режиссер, покручиваясь в кресле, — Диамат Нахлебников, это что — псевдоним ваш?.. Давайте не будем!

Вокруг псевдонима, ставшего писателю дорогим и близким, молниеносно затянулась красная петля и был поставлен восклицательный знак.

«Что он делает! — подумал Даниил Иванович, удивленный и раздосадованный бесцеремонностью режиссера. — Что себе позволяет, мальчишка! По очкам бы ему!»

— Да, да, конечно, конечно! — выдавил сквозь зубы Хмелевский.

— Идем дальше! — тряхнул шевелюрой режиссер и перевернул страницу.

Коротко взглянув на писателя, он продолжал:

— Что вы тут нагородили с массовыми сценами?! Откуда я вам возьму столько людей?!

Когда на массовых сценах был поставлен кроваво-красный крест, Даниил Иванович судорожно глотнул воздух и протянул вперед руку, выговорив с трудом:

— Да, но позвольте, это же — улица, площадь!..

— А у меня театр, храм культуры! — спокойно парировал режиссер. Затем подумал и зачеркнул еще двух действующих лиц.

Даниил Иванович съехался и опустил голову. Фломастер, который ему казался сначала скальпелем в руках умелого хирурга, теперь виделся исключительно ножом в руке безжалостного убийцы.

— Значит, так! — говорил режиссер, вращая фломастером. — Реквизит на баррикады я, пожалуй, найду, а вот фасад Дома правительства давайте убирать!

Жирный красный крест лег почти на целую страницу.

— Простите, но там же основные события происходят, — слабо попытался возразить побледневший Даниил Иванович, — там же...

— Ничего там у вас не происходит! — бесцеремонно сказал режиссер. — Надо учитывать специфику театра! Не могу же я, как Эйзенштейн, показать в театре Потемкинскую лестницу со съезжающей по ней детской коляской... А танки-то зачем?! Ну поставлю я пару муляжей на сцену, так актерам негде будет играть! Вы тут предлагаете выход из зала. Да старо это и неинтересно!.. Так, всю эту батальную сцену мы сократим!

Даниил Иванович молчал, опустив голову. Такого вольного обращения с собой, такого издевательства над своим произведением ему не могло присниться в самом кошмарном сне.

Усмехнувшись, режиссер продолжал:

— В уста великого музыканта вы вкладываете такое, что никак не соотнобразуется с его интеллигентностью и оскорбительно для публики. Он что, правда — так выражался?

— А здесь вообще все — правда! — с вызовом ответил Даниил Иванович.

Не замечая обидчивости автора пьесы, режиссер продолжал:

— Хорошо, но так обзывать людей, пусть даже путчиков, и посылать их в различные части тела — просто неприлично! Нет, нас не поймут!

Внезапно необыкновенная жалость к своему творению охватила Хмелевского, и он с нескрываемым раздражением резко произнес:

— А еще где нас не поймут? А еще чего нам кажется неприличным? Ну, а еще чего нам сократить?..

Режиссер впервые за время их беседы снял очки и внимательно посмотрел на писателя. Даниил Иванович увидел, что глаза у режиссера грустные и усталые, и выглядит он вовсе не таким уж уверенным, злым и жестоким, а наоборот — добрым и беззащитным. Неприязнь и раздражение в Данииле Ивановиче как-то сразу утихли и он, покраснев, пробормотал:

— Прошу меня извинить... Я, конечно, понимаю... Если так нужно, то... Сцена есть сцена...

Продолжая внимательно смотреть на Хмелевского, режиссер надел очки и сказал:

— У меня к вам вот какой вопрос, коллега, — он почему-то Даниила Ивановича назвал коллегой. — Вы знакомы с погодинской пьесой «Человек с ружьем»?

— Ну, в общих чертах!..

— В каком смысле?

— Исключительно по кино!

— Так вот, должен вам сказать, что вы с товарищем Николаем Погодиным написали две очень похожие пьесы, если не сказать — одинаковые. В некоторых местах — один к одному. Не хватает только названия — «Человек с автоматом»!..

Даниилу Ивановичу вдруг стало как-то скучно и неинтересно. Стало стыдно, как будто его уличили в нехорошем деле.

А режиссер продолжал:

— Нечто подобное, коллега, было и в моей жизни, — он перевернул последний лист рукописи, откинулся на спинку кресла и вновь снял очки. — И смех, и слезы, как говорится... В юности я написал пьесу, поскольку ни о какой другой профессии, кроме драматургии, не мечтал. Что скрывать, хотелось стать знаменитым. Пьеса, кажется, была о войне. Естественно, было много героики, са-

мопожертвования, стрельбы и всего прочего. Режисер прочитал мой опус и спрашивает: «Ты какую книгу последний раз читал?» Я ему отвечаю: «Разгром» Александра Фадеева. А что?» — «А то, — говорит, — что к фадеевскому «Разгрому» у меня претензий нет, а вот тебе маленький разгром, думаю, пойдет на пользу!» Ну, и сами понимаете... Вот такая история, коллега. Поучительная, надо сказать, история. Смешно, правда?

— Да, очень! — сказал Даниил Иванович, забирая со стола папку с рукописью. — Прощайте!

— До свидания! — поправил его режиссер, выходя из-за стола и протягивая руку. — Всего самого доброго! Творческих вам успехов!

Всю дорогу до самого дома Даниил Иванович шел, словно в забытьи, в такт шагам мысленно повторяя одно и то же слово: «Раз-гром, раз-гром!..»

Путь, которым шел Даниил Иванович, был неблизким. Ему, наконец, надоело повторять слово «разгром» и он стал успокаиваться.

«А что, собственно, произошло? — думал он, открывая дверь в квартиру. — Да ничего и не произошло! Наоборот, новый вклад в творческую копилку! Вот так-то! Все впредь у нас с тобой!» Последнюю фразу Даниил Иванович пропел вслух.

В прихожей радостным мяуканьем встретил писателя кот Мстислав. Взяв его на руки, Даниил Иванович широкими шагами стал ходить по комнате, весело приговаривая:

— Ах, ты мой дурачок! Ты же ничего не знаешь! Ты же не знаешь, что разгром — это смешно! Разгром — это очень и очень смешно! И вообще, все очень даже замечательно!

Затем, водрузив кота на колени, он сел за письменный стол, взял чистый лист бумаги и крупными буквами написал: «Диамат Нахлебников. Роман „Баррикады“». Слово «Баррикады» он подчеркнул и поставил два восклицательных знака.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕЧТЫ

У каждого человека, наверное, есть своя голубая мечта, к осуществлению которой он стремится всю жизнь, иногда принося в жертву самое сокровенное.

Виктор Сергеевич Курочкин очень хотел попасть в книгу рекордов Гиннесса. Желание это зародилось давно и не давало ему покоя. А в последнее время даже лишило сна.

Отдавая себе отчет в том, что реализация мечты потребует от него, может быть, сверхусилий, Виктор Сергеевич, тем не менее, ни на минуту не сомневался в успехе и тщательно искал для этого пути, средства и методы.

Свои физические данные он оценивал весьма скромно, хотя и имел второй разряд по настольному теннису, полученный восемнадцать лет назад, когда он учился в школе с математическим уклоном.

Попытки доказать теорему Ферма и изобрести вечный двигатель были оставлены им на втором курсе института, а создать свою «загадку века» пока не удавалось. Увидеть же собственное имя на страницах знаменитой книги постепенно стало смыслом всей его жизни.

Внешне это был самый обыкновенный человек среднего роста, худощавый, носящий на остроносом лице очки с толстыми стеклами, и слегка заикающийся в минуты волнения. В свои тридцать восемь лет Виктор Сергеевич был необычайно сентиментален. На индийских фильмах, которые просто обожал, он украдкой от жены смахивал слезы.

У супругов Курочкиных, к общему их огорчению, детей не было. Но обитало в этой семье одно живое существо, которое молодые супруги страстно любили и всячески оберегали. Это была кошка, вернее, котенок, подаренный друзьями Гите Хайдаровне, супруге Виктора Сергеевича, в день рождения. Имени у котенка не было, и, определив пол, Виктор Сергеевич сразу предложил назвать его Зитой. Под восторженные аплодисменты Виктор Сергеевич произнес:

— Друзья! Вы присутствуете при рождении русского варианта индийского кинофильма «Зита и Гита»!

Потом Виктор Сергеевич и Гита Хайдаровна часто говорили друг другу, что лучшего подарка они в жизни не получали.

Кошка Зита, тем временем, быстро росла, доставляя огромную радость супругам. Вечером с ней гулял Виктор Сергеевич, утром выбегала на зарядку Гита Хайдаровна. После вечерних прогулок вдвоем садились на диван и рассматривали фотографии, привезенные Гитой Хайдаровной с различных фестивалей и конкурсов. Виктор Сергеевич, поглаживая кошку, ласковым голосом говорил:

— Вот это, Зитуля, наша мама со своими девочками на фестивале в Архангельске. Нравится тебе, Зитуля, наша мама?

Кошка шурила глаза и одобрительно мурлыкала.

Почти каждый вечер Гита Хайдаровна уходила на репетиции в Дом культуры, где ее ждал вокальный ансамбль «Вдохновение», а Зита, свернувшись калачиком на коленях Виктора Сергеевича, терпеливо ждала, когда он отложит ученические тетради и пойдет с ней гулять.

Мечта попасть в книгу Гиннеса для учителя математики Виктора Сергеевича со временем стала как-то тускнеть, отходить на задний план и обещала вовсе угаснуть. Но однажды произошло то, что круто изменило размеренную жизнь супругов Курочкиных.

В один прекрасный вечер, впусив нагулявшихся мужа и кошку в дом, Гита Хайдаровна задумчиво сказала:

— А ты знаешь, дорогой, ведь у нас скоро будут дети!

Виктор Сергеевич вздрогнул, уронил пальто и бросился к жене.

— Г-гита, р-родная моя, по-повтори, что ты с-сказала!

От волнения Виктор Сергеевич стал заикаться, лицо сделалось пунцовым.

— Дети, говорю, у нас скоро будут, — повторила жена, показывая на кошку. — Котятки маленькие!

Виктор Сергеевич расслабленно опустился на диван и приложил ладони к вискам.

— Г-гита, н-ну нельзя же так, п-право! Что за шутки!

— Да какие уж тут шутки! — ответила Гита Хайдаровна, внимательно наблюдая за кошкой, трущейся у ее ног. — Какие уж тут шутки, если живот, как футбольный мяч!

Затем взглянула на побледневшее лицо мужа и добавила:

— А ты чего так разволновался! Не тебе же рожать!.. А у нас, баб, это бывает!

Виктор Сергеевич укоризненно посмотрел на жену и весь вечер потом выглядел задумчивым и рассеянным.

Прошло несколько дней.

Однажды вечером, когда жена ушла на репетицию, Виктор Сергеевич позвал кошку, чтобы совершить обычную в это время прогулку. Но кошка не отозвалась. Смутная тревога зародилась в душе Виктора Сергеевича, когда Зита не появилась и на повторное «кис-кис». Он стал искать ее по комнатам, заглядывая во все углы. Кошки нигде не было. Заглянув под кровать, Виктор Сергеевич скорее почувствовал, чем увидел затаившуюся в углу кошку и сразу все понял.

В сильном волнении он несколько минут метался по комнате, не зная, что предпринять. Затем схватил плащ и выбежал на улицу...

Вахтеру в Доме культуры показалось, что мужчина в расстегнутом плаще пьян, и он попытался остановить его. Но Виктор Сергеевич, не замечая ничего вокруг, ворвался прямо в репетиционный зал. Он выглядел настолько встревоженным, что Гита Хайдаровна сама бросилась к нему, требуя объяснить, что случилось.

— Г-гита, не-не-немедленно домой! Не-немедленно!.. П-п-понимаешь, там Зита... Зита...

— Что Зита? Что с ней? — Гита Хайдаровна схватила за руки мужа, пытаясь понять причину столь сильного волнения. — Да говори же ты толком!..

Виктору Сергеевичу подставили стул и подали стакан воды. Все его тело тряслось, как в лихорадке, зубы стучали.

— Гита, там Зита... Зита!.. Она, к-кажется, р-родила!..

— О, господи! — с облегчением выдохнула Гита Хайдаровна и, неожиданно для себя, перекрестилась.

Только через два дня кошка Зита вышла из своего укрытия, и супруги Курочкины не узнали ее, настолько она была худа и слаба. Все время, Пока Зита с жадностью поглощала заранее приготовленную ей пищу, из-под кровати доносилось тонкое попискивание.

На следующий день, когда Виктор Сергеевич в обеденный перерыв забежал домой, его встревожило озабоченное лицо жены.

— Что случилось, Гита? — спросил он, оглядывая комнату. — Где Зита?

— Зита там, где ей и положено быть — у детей своих, — ответила супруга, задумчиво потирая подбородок. — Тут дело вот в чем... Как бы тебе объяснить? Уникальный

случай, я узнавала... Как ты думаешь, сколько у Зиты детей?

— Ну, я не знаю... Пять?.. Шесть?..

— Двенадцать! Двенадцать, дорогой мой!

— Ну и что?.. Это что, плохо?

— Да не плохо, а случай неординарный!.. Рекордистка она у нас, чемпионка! Понимаешь?

Слово «рекордистка» заставило Виктора Сергеевича вздрогнуть и задуматься.

— Рекордистка, говоришь? Чемпионка? П-понимаю!

Гита Хайдаровна внимательно посмотрела на мужа.

— Ты чего это задумал, Виктор?.. Уж не утопить ли? Не дам!

Виктор Сергеевич рассмеялся, затем с упреком сказал жене:

— Ну как ты могла такое подумать, Гита? Ни в коем случае!.. Жить и только жить!

С этими словами он достал записную книжку и нашел номер московского телефона...

После необходимых формальностей с регистрацией и оформлением рекорда семья Курочкиных лишилась покоя. Поток корреспондентов всех мастей, казалось, не будет предела. В конце концов, Курочкины отключили телефон и перестали обращать внимание на звонки в дверь.

Мало-помалу ажиотаж вокруг уникального случая с рождением дюжины котят у одной кошки и занесением его в Книгу рекордов Гиннеса начал спадать. Жизнь возвращалась в спокойное русло. Лишь однажды произошел курьезный инцидент.

Собравшись, как обычно, вечером на прогулку со всем своим мяукающим семейством, Виктор Сергеевич открыл дверь и увидел соседа из квартиры напротив, пытающегося попасть пальцем в кнопку их звонка. Попытки были безуспешными, и открывшаяся дверь заставила его расплыться в благодушной улыбке. Покачиваясь и еле ворочая языком, сосед изрек:

— Сергеич, ты... это... Твоя Гита... Не, твоя Зита... В общем, они с моим Леопольдом... это, как его... Ну, ты понял, благодаря кому она рекордистка?..

Виктор Сергеевич уже был готов попросить соседа прийти завтра, но Гита Хайдаровна все поняла и, выйдя из-за спины мужа, спросила:

— Двенадцать рублей хватит?

— Нет вопросов! — быстро ответил сосед и, спрятав деньги молниеносно исчез.

В тот же вечер Виктор Сергеевич, сидя на диване в окружении двенадцати пушистых комочков, поглаживал сидящую на коленях кошку и говорил:

— Вот мы какие! Мы не просто так, мы — в Книге рекордов!.. Главное — цель в жизни! И мы ее добились!.. Главное — мечта!..

Над диваном в дорогой рамке красовался диплом, удостоверяющий, что в таком-то городе, в таком-то году в семье Курочкиных кошка по имени Зита... Ну, и так далее. В общем, все как положено.

Как вы думаете, могло бы это случиться, если бы Гите Хайдаровне в день рождения не подарили маленького беспомощного котенка? Конечно, не могло! Но — случилось, потому что осуществление мечты происходит иногда самым неожиданным образом!

ИСПОРЧЕННЫЙ ПРАЗДНИК

Илья Семенович Филин решил сменить фамилию. Это решение к нему пришло сразу, как озарение. Он вдруг понял, что именно фамилия была источником всех его бед и несчастий. Она, фамилия, вдруг оказалась таким тяжким грузом, с которым жизнь стала казаться невыносимой.

О своем решении Илья Семенович объявил жене, чем вызвал у нее сначала недоумение, затем энергичный протест. Жена приводила веские аргументы против подобной акции, говоря, что и она — Филина, и дети — Филины.

— Вот именно, — размахивал руками супруг. — Филины! Не Воронины, не Галкины, а Филины! Нет уж, хватит!.. Намучился!..

Чтобы понять, как Илья Семенович решился на подобный шаг, необходимо вернуться лет на сорок назад, к началу его жизни.

В детстве маленького Ильюшу все очень любили, но, как ему сейчас представлялось, постоянно унижали и оскорбляли. Дело в том, что все, кроме родителей, звали его Филей. Даже сестренка Настя и та называла не иначе, как Филя. «Филя, пойдем играть!» Или: «Мама, меня Филка обижает!». И так далее.

Маленький Ильюша не обращал на это внимания. Ему даже интересно было, когда кто-нибудь из гостей просил его «поухать». Он приседал на корточки, ладошками оттопыривал свои ушки и ухал. Все смеялись и давали Ильюше конфеты. Его детство было радостным и безоблачным. Первые обиды Ильюшу поджидали в школе.

В первом классе девочки взяли моду на переменах бегать вокруг него, напевая:

— Филин, Филин, где ты был? На Фонтанке водку пил!

Водки Ильюша, конечно, не пил, и ни на какой Фонтанке не был, он даже не знал, где она находится. Но девочки пели об этом так весело и уверенно, что мальчик стал сердиться на них и дергать за косички. Затем он стал девочкам объяснять, что не Филин, а Чижик был на Фон-

танке и пил не водку, а воду, но это еще больше раззадоривало одноклассниц. Тогда он перестал обращать на них внимание, хотя это стоило ему больших усилий.

Ильюша очень не любил, когда учительница вызывала его к доске по фамилии и был благодарен, если называлось только имя.

В старших классах его вовсе перестали звать по имени. Именем стала фамилия.

Со стороны могло показаться, что это несколько не задевает юношу. Но сколько душевных мук претерпел он, никто не знал, даже мать. В Илье все протестовало против такого «глумления над личностью». Громадных усилий стоило ему сохранять спокойствие, сосредоточиваться и отвечать урок. Он никак не мог привыкнуть и всегда вздрагивал, когда называли его фамилию.

Перелом в настроении Ильи произошел в начале его студенческой жизни. Он учился на первом курсе политехнического института, когда в Москве проходил чемпионат мира по хоккею с шайбой. Казалось, не было человека в стране, тем более студента, который бы оставался равнодушным к этому событию. На этом чемпионате за сборную Канады выступал знаменитый форвард Фил Эспозито. Имя звезды было у всех на устах, и в один прекрасный день с легкой руки сокурсников Ильи Филин стал Филом. Фил — это звучало гордо, даже с некоторым вызовом. Это возвышало, окрыляло и придавало силы. С этим прозвищем Ильи Филин и закончил институт.

Все плохое постепенно забывалось, время выполняло свою врачующую функцию. Жизнь, казалось, входила в нормальное русло и ничто не могло поколебать спокойного его течения.

С годами Ильи Семенович пополнил, полысел и стал носить очки в роговой оправе.

Дети, две девочки-погодки, не доставляли никаких хлопот любящим родителям, учились хорошо, занимались музыкой и французским языком.

Состоялась покупка дачи. На очереди были «Жигули» и гараж. Все шло своим чередом.

В проектно-институте, где Ильи Семенович работал ГИПом, его уважали и ценили.

Со школьными товарищами Ильи Семенович не поддерживал никаких связей, зато институтские приятели частенько звонили:

— Ну, как дела, Фил?..

— Фил, старина, надо бы встретиться!..

Были встречи, застолья, вспоминали студенческие годы, веселились...

Это случилось в канун Нового года. Было девять часов вечера. Илья Семенович пребывал в прекрасном расположении духа. Жена на кухне готовила праздничное угощение. Дочек дома не было, они ушли к подругам на вечеринку.

Илья Семенович, напевая арию тореадора, достал записную книжку, подошел к телефону и стал обзванивать друзей и знакомых. Он для всех приготовил добрые слова, шутки и пожелания. Настроение было праздничным.

В двадцать один сорок Илья Семенович нашел в записной книжке номер телефона директора института, в котором работал, и набрал его. Илья Семенович очень мало знал своего директора, у него в кабинете ни разу не был, общаться вне института не приходилось. Говорили, что шеф — страстный охотник, что он бывший полковник и строг до суровости, а иногда просто груб.

Илья Семенович после того, как в трубке буркнуло «Брызгин слушает», ласково осведомился:

— Это Борис Павлович?

— Я же сказал — Брызгин слушает! — сердито отозвалось в трубке. — Кто говорит?

— Филин говорит, Борис Павлович!

— Кто-кто? — зарокотало в трубке.

— Филин, Филин, говорю! — дрогнувшим голосом промолвил Илья Семенович. — Вы меня...

— Я тебя, как куропатку, если еще раз позвонишь!.. Филин он!..

Из трубки понеслись короткие гудки. Илья Семенович обомлел. Он почувствовал, как внутри у него похолодело, ноги стали ватными, и он почти без чувств опустился в кресло, продолжая держать телефонную трубку в руке.

В комнату вошла улыбающаяся жена. Увидев сидевшего в неестественной позе мужа, она женским чутьем поняла, что произошло нечто неприятное. Улыбка исчезла с ее лица.

— Филя, что произошло? — в тревоге спросила жена. — Ты кому звонил, Филя?

Илья Семенович резко качнулся вперед, рывком встал и, держа телефонную трубку перед собой, пошел на жену.

— Я тебя просил... не называть меня... так? — зеленея лицом и выпячивая нижнюю челюсть, свистящим шепотом заговорил Илья Семенович. — Я тебе говорил, что у меня есть имя?... Я тебя предупреждал?... Убью-у-у!..

Жена с криком выскочила из комнаты.

Илья Семенович все с тем же выражением лица вернулся к телефону и с отвращением положил трубку. Затем взял телефон правой рукой, зачем-то приблизил к лицу и со словами «Вот вам Филин!» запустил его в дверь, за которой скрылась жена. Аппарат звякнул и раскололся на множество мелких частей.

— Я вам покажу — Филин! — грозил поднятыми вверх кулаками Илья Семенович. — Я научу вас уважать во мне человека! Вы у меня еще попляшете!.. Вы еще узнаете, кто я такой!..

На кухне плакала перепуганная жена. Праздничный вечер был испорчен.

ВИЗИТ К ДАМЕ

История, которую вы услышите, могла произойти далеко не с каждым. Она не могла произойти, например, с человеком самоуверенным, честолюбивым и высокомерным. Она не могла произойти также с людьми, лишенными внутренней культуры, интеллигентности и порядочности. Оказаться в подобной ситуации мог только он, Витя Садиков, работник областного комитета по физической культуре и спорту.

Должность и «возрастной ценз» нашего героя обязывают, казалось бы, называть его по имени-отчеству, но мы позволим себе не делать этого. Почему? Да потому, что молод наш герой во всех отношениях: и телом, и душой. Как, впрочем, и в отношениях с людьми, в мыслях и чувствах. Во всем. Несмотря на свои сорок пять, он выглядел лет на десять моложе. Многочисленные друзья-физкультурники говорили о нем: «Витек всегда в одной поре. Сохранился, как мамонт!»

Врачи утверждают, что показатель здоровья написан на лице каждого человека. Так вот, на лице Виктора Садикова всегда сияла улыбка. Казалось, от него исходит какой-то аромат веселости, задора, оптимизма. Все, кто попадал в поле его обаяния, непременно становились друзьями на всю жизнь. А насчет рассказывать — чисто Ираклий Андронников. Не было случая, чтобы старый анекдот «залепил» или в хохме какой повторился.

Лет пятнадцать назад, когда Витя Садиков был еще действующим волейболистом и играл за сборную команду области, он влюбился в симпатичную девушку Людочку Головку. Познакомились они на сборах. Людмила тоже была волейболисткой, но в отличие от Виктора, мечтала стать Олимпийской чемпионкой и думала, в основном, только о волейболе. Но Виктор, надо сказать, тоже понравился девушке и, возможно, у них могла бы получиться дружная спортивная семья. Так бы, наверное, все и было, если бы не прозвучал финальный свисток в их кратковременной встрече: Людмилу взяли в сборную команду страны, и она навсегда уехала из родного города.

Расставание с любимой девушкой Виктор переживал

сильно. Но, как вы уже поняли, уважаемый читатель, не в его характере были долговременные сердечные муки и душевные страдания. Правда светлый образ дорогого человека в виде маленькой любительской фотографии он несколько лет хранил в своей записной книжке.

Виктор знал, чем «удержать себя в седле». Он с головой ушел в учебу в «академии имени Дрябина» — так называли факультет физического воспитания студенты пединститута — и вскоре получил диплом народного учителя. По распределению он на год уехал прививать сельским детям любовь к физической культуре. Затем — армия. После армии — вновь преподавательская работа. Затем — тренерская. Затем... В общем, типичный, ничем не примечательный путь человека с высшим физкультурным образованием, если считать должность инспектора-методиста в областном комитете физкультуры не богатством каким достижением в карьере.

Не будем говорить, что Виктор совсем забыл о существовании Людочки Головки. Вначале ее фамилию он слышал в телевизионных и радиорепортажах, читал в газетах. Потом все куда-то исчезло. Наверное, она вышла замуж и сменила фамилию.

Да и Виктор, придя из армии, сразу же обзавелся семьей. И все-таки память о первой любви иногда заставляла учащенно биться сердце.

В разгар перестройки, когда в одночасье были упразднены все спортивные общества, кроме «Динамо», в областной комитет по физической культуре и спорту пришло письмо из Москвы с уведомлением, что к ним назначен новый председатель, которого «нужно как следует принять, любить и жаловать». Фамилия у председателя была Хачатурян Л. Г. «Левонов Ганезовичей нам только и не хватало!» — сокрушались работники комитета, жалея прежнего начальника.

Каково же было изумление ветеранов отечественного спорта, которых, казалось, ничем нельзя было удивить, когда в лице Л. Г. Хачатурян они увидели очаровательную молодую женщину Людмилу Григорьевну, в девичестве — Людочку Головки, которую пятнадцать лет назад делегировали в большой спорт.

— Здравствуйте, товарищи, — просто сказала новый председатель, входя в кабинет, где ее ожидал весь состав комитета. — Прошу садиться... И, пожалуйста, без церемоний. Я же вас всех давно знаю. И вы меня, надеюсь, помните.

И тут же с чувством продекламировала есенинские строки: «Вы помните, вы все, конечно, помните...»

В один миг обстановке в кабинете председателя стала теплой и дружеской. Один лишь инспектор-методист Виктор Алексеевич Садиков сидел, как громом прибитый.

— Вить, ты что, не узнал меня? — весело спросила Людмила Григорьевна. — Или не рад видеть?

Виктор вышел из оцепенения, но со стула встать не мог. Он густо покраснел и пролепетал что-то несвязное, типа:

— Ну как же, как же... Ну что вы, что вы...

Людмила Григорьевна внимательно посмотрела на него и сказала, обращаясь уже ко всем:

— Ну вот и хорошо, вот и ладненько. Значит, будем работать!

Через два дня, несколько разобравшись с делами, Людмила Григорьевна попросила секретаря пригласить к ней в кабинет «товарища Садикова».

Выйдя навстречу Виктору, Людмила Григорьевна усадила его в кресло, сама села напротив и сказала:

— Витька, милый, сколько же лет мы с тобой не виделись? Лет, наверное, двадцать?

— Пятнадцать, — ответил Виктор, начиная краснеть и не глядя на собеседницу.

— Пятнадцать?! Это же целая вечность! Это же целая жизнь!.. Рассказывай!

— Что?

— Все! Все рассказывай! Как ты, что?.. Женат? Дети?

— Женат, — не поднимая глаз, ответил Виктор. — Дети.

— А у меня — ни-ко-го! — по слогам сказала Людмила Григорьевна. — Одна, понимаешь?.. Только вот фамилия и осталась... А ты — молодец! Классно выглядишь! И все такой же красавец! Молодец!

Виктор все ниже опускал голову и клял себя последними словами за то, что вся его обычная веселость, обаяние и разговорчивость куда-то исчезли. Словно и не он это сидит в кресле, опустив глаза, а какой-то другой, незнакомый ему человек.

Виктор и раньше замечал за собой подобные вещи — робеть и теряться перед начальством. Но ведь это же — Люда, Людочка!..

— Да подними же голову, чертяка ты этакий! — нарочито строго сказала Людмила Григорьевна, слегка коснувшись плеча Виктора. — Мы же друзья, в конце концов! Ну?..

Виктор поднял голову и вяло улыбнулся.

— Ну вот! — радостно воскликнула Людмила Григорьевна. — Другое дело! А то...

Она подошла к сейфу, достала из него бутылку коньяка и две маленькие рюмки.

— Давай за встречу!

— Давай... те.

— Что-о-о? — Людмила Григорьевна чуть не выронила бутылку. — Ты что, на «вы», что ли, меня хочешь звать?

— Да... Нет... Да нет, — забормотал испуганно Виктор.

— Так «да» или «нет»? — Людмила Григорьевна взяла бутылку за горлышко и сделала полузамах, как при волейбольной подаче.

— Нет, конечно, — вконец растерялся Виктор.

— Ну, то-то! — миролюбиво произнесла женщина и опрокинула в рот коньяк.

Виктор вкуса жидкости не почувствовал и был бесконечно благодарен зазвонившему вдруг телефону. Звонили из Москвы.

Когда Людмила Григорьевна раскрыла блокнот и стала что-то записывать, Виктор встал и осторожно вышел из кабинета.

В четверг и пятницу они на работе не виделись.

Затем были два выходных дня, измучившие Виктора ожиданием встречи.

В понедельник после традиционной планерки Людмила Григорьевна попросила Виктора остаться и сказала:

— Я думала, что ты зайдешь ко мне в выходной, а ты и не подумал! Ты что, забыл меня? Забыл?

— Нет, — ответил Виктор, чувствуя, что опять краснеет. — Не забыл.

— А не забыл, так и зашел бы! — укоризненно сказала Людмила Григорьевна. — Чайку бы попили, поговорили... Зайдешь?

— Зайду.

— Когда?

— Когда хотя... хочешь.

— Хочу в субботу! — Людмила Григорьевна откинулась на спинку своего кресла и весело посмотрела на Виктора. — Лады?

— Лады.

— Тогда в шесть?

— В шесть.

До субботы оставалось пять дней.

— Ефим Абрамыч, выручай! — с отчаянным выражени-

ем лица Виктор вошел в кабинет старшего инспектора-методиста.

Долго и сбивчиво он объяснял сослуживцу, что его пригласила к себе домой некая (он так и сказал — некая!) дама, на что он, старый дурак, дал согласие.

— Ну, если ты и дурак, то совсем не старый! — в своей обычной манере сказал Ефим Абрамыч. — Это нам со Станиславом Алексеевичем надо соизмерять... — он хитро подмигнул сидящему здесь же товарищу по работе. — А тебе, юноша, даже и думать об этом грех! Ты же орел!

— Да, орел-то орел, но ведь лет десять с чужой женщиной... не это...

— Не батутировал! — помог договорить старший товарищ, затачиваясь папиросой. — А ты не трясись и не дергайся! Не суетись под клиентом! Помни, что ты — мужик, и все будет аб гемахт! Ферштеен?..

Во вторник вечером Виктор почувствовал, что в животе у него стали происходить какие-то процессы. То ли от волнения, то ли съел чего, но его так закрепило, что не помогали ни таблетки, ни подсолнечное масло, ни самомассаж. Длительное сидение в туалете также не приносило успеха. В общем, напрочь заклинило человека. Внутри урчало. Любое движение причиняло боль. Ощущение было такое, как будто он килограмм гвоздей проглотил. Настроение катастрофически падало.

Ничего подобного раньше Виктору испытывать не приходилось, и его охватила тревога. «Ну куда я теперь? — думал он, прислушиваясь к процессам внутри себя. — Зачем я ей такой? Что я могу?.. Не пойду!» Но он быстро устыдился такой слабости, трусости и... да, предательству! Ведь именно так и расценит Людмила его не приход. «Нет уж, умирать, так с музыкой! — решил Виктор. — В конце концов, мужик я или...»

В пятницу после программы «Вести» слегка отошли газы, и Виктор часа на три забылся в тревожном сне.

— Ты бы к экстрасенсу сходил, — участливо посоветовала жена в субботу утром. — Чего уж так мучиться! Может, тебя сглазил кто?

Виктор, как за соломинку, ухватился за подсказку жены, поскольку до сих пор не решил, как улизнуть из дома.

В пять часов вечера, надев рубашку с галстуком и новый костюм, наш герой отправился к «экстрасенсу».

— Бумажки с собой возьми, а то вдруг прямо там припрет, — сказала ему вслед жена, но он не стал возвращаться: плохая примета.

Без трех минут шесть Виктор стоял у квартиры Людмилы Григорьевны, пряча за спиной букет гладиолусов. Голова слегка кружилась. Во рту была сухость. Живот пучило.

— Ты почему такой бледный? — спросила Людмила Григорьевна, пропуская Виктора в комнату. — Не заболел?

— Нет, что ты! — ответил Виктор, забывая вручить букет. — Здоров абсолютно!

— А это кому? — вновь спросила женщина, показывая на букет. — Мне?

— Тебе, — Виктор протянул ей букет. Она с благодарностью приняла его, поднесла к лицу, затем подошла к Виктору и поцеловала его в щеку.

В тот момент, когда Людмила Григорьевна подходила к Виктору, он вдруг почувствовал, что внизу живота у него что-то перевернулось и открылся какой-то клапан. Он с ужасом ощутил, что сейчас может произойти самое ужасное, непоправимое и унижительное.

— Люда! — громко сказал он, прогибаясь в спине. — Я должен помыть руки... Где это?

Людмила Григорьевна, занятая букетом, не заметила странного поведения своего гостя и беззаботно ответила:

— Там, направо.

Виктор на прямых ногах, запрокинув от напряжения голову, рванул в туалет и быстро снял брюки.

Он мог поклясться чем угодно, что подобного наслаждения не испытывал никогда в жизни. В течение нескольких секунд он почувствовал такое облегчение, что ему захотелось петь. Он бы, наверное, и запел, произойди все это в его собственной квартире.

«Двушка», полученная Людмилой Григорьевной от исполкома, требовала серьезного косметического ремонта. Прежние хозяева, выезжая в «пожарном порядке», оставили после себя полинялые обои, некрашенные полы и неработающие водопроводные краны. И все-таки это была квартира! Кому другому и такой бы не дали.

Закончив процедуру, Виктор стал оглядываться в поисках бумаги. Поняв, что таковой в туалете нет, он вдруг вспомнил последние слова жены и в его душе шевельнулась некоторая на себя досада. Состояние блаженства исчезло.

Мимо туалета дважды простучали каблучки. Очевидно, Людмила Григорьевна выходила на кухню.

Сидеть в туалете с каждой минутой становилось все тягостей. Запах дурманил голову и гнал вон. Настроение быстро ухудшилось.

Внезапно Виктор вспомнил, что уже на лестничной площадке жена сунула ему в карман пиджака носовой платок. Это его обрадовало и слегка приободрило.

Было слышно, как Людмила Григорьевна, напевая «миллион, миллион алых роз», снова дважды прошла мимо туалета. «Вонь, наверное, хоть святых выноси, — сокрушенно думал Виктор, натягивая брюки. — Стыдобища!.. Ладно, сейчас все уладим!»

Собираясь выйти, Виктор потянул за веревочку, готовый услышать характерное клокотание воды в сливном бачке. Но этого не последовало. Тогда он повторил движение. Результат был тот же. Виктор тыльной стороной ладони вытер вмиг вспотевший лоб и встал на унитаз. Запустив руку в бачок, он понял, что воды там не было со времени всемирного потопа. Это была катастрофа.

Виктор слез с унитаза, обхватил голову руками и уперся лбом в давно некрашенную стену. «Ну вот и все! — подумал он, глядя на носки своих ботинок. — Теперь — конец! Финита ля комедия!..»

Внезапно голос Людмилы Григорьевны перестал быть слышен. В комнате стало тихо. Виктор прижался ухом к двери и весь превратился в слух. «Наверное, вышла в другую комнату, — подумал он, стараясь усилием воли унять дрожь в ногах. — Наверное, решила переодеться...»

С величайшей осторожностью Виктор отодвинул защелку, открыл дверь и шагнул в комнату. Букет гладиолусов в фиолетовом графине возвышался на столе среди бутылок и блюд с закуской. Так же осторожно, закрыв туалет, Виктор на цыпочках прокрался в прихожую, взял с тумбочки свою шляпу и вышел вон. Последнее, что он слышал, закрывая за собой дверь, была песня. По радио Утесов пел на два голоса: «Все хорошо, прекрасная маркиза...»

«Да, — подумалось Виктору, — за исключением пустяка!»

До остановки троллейбуса он шел, не замечая никого вокруг и чему-то странно улыбаясь. Прохожие испуганно сторонились его, полагая, что человек не в себе.

Дома, не глядя на жену, Виктор быстро прошел в ванную комнату и долго мыл руки. Жена, не дождавшись, когда он выйдет, спросила:

— Ну, что экстрасенс-то? Помог?

— Помог! — быстро ответил Виктор, третий раз намыливая руки. — Помог! А то как же! На то он и экстрасенс!

Жена улыбнулась и, подавая ему чистое полотенце, сказала:

— Вот видишь! Жена плохого не посоветует! Слушаться надо жену-то! Слушаться и любить!.. Не так ли?

— Так! — охотно согласился Виктор, садясь за накрытый к ужину стол.

Вдруг его взгляд упал на журнальный столик возле телевизора, где в высокой стеклянной вазе стоял роскошный букет гладиолусов. Виктор вздрогнул, отодвинул от себя тарелку с грибным супом и закрыл лицо руками. В одно мгновение он представил весь ужас случившегося, нелепость своего поведения и то, как он завтра...

Виктор уронил руки на стол и застонал.

— Что? — кинулась к нему жена. — Что ты? Что?

— Все нормально! — еле слышно прохрипел Виктор. — Все нормально!..

Он подошел к журнальному столику, медленно и осторожно достал из вазы букет и на вытянутых руках вынес его на балкон. Там он некоторое время с ненавистью всматривался в лепестки и стебли ни в чем не повинного растения. Затем разжал руки и, не глядя на падающий вниз букет, быстро возвратился в комнату.

— Ты почему такой бледный? — спросила жена, встревоженная действиями супруга. — Не заболел?

Виктор пошатнулся, как от удара, но устоял и тихо ответил:

— Нет, что ты! Здоров абсолютно!..

ВОДОЛАЗ ПОНЕВОЛЕ

По проселочной дороге, поднимая клубы пыли, мчался милицейский мотоцикл с коляской. За рулем сидел в гражданской одежде капитан милиции Сергей Александров, имевший у криминального элемента и в дружеском кругу прозвище «Серый». В коляске с широко раскрытыми от страха глазами и в милицейском шлеме восседала Зина, жена Сергея. Сергей громко пел, перекрывая высоким баритоном шум мотора: «Я буду долго гнать велосипед, в глухих лугах его остановлю, нарву цветов и подарю букет той девушке, которую люблю...»

Каждый раз, когда мотоцикл сильно подбрасывало вверх, он прерывал песню и кричал, наклоняясь к обожаемой супруге:

— Все в порядке, Зинуля! Все в полном порядке!..

«Зинуля» ничего, естественно, в ответ произнести не могла, поскольку судорожно держалась за края мотоциклетной коляски и широко открытым ртом хватала упругий летний воздух.

Ничего не видела и не слышала бедная Зина. Она с ужасом думала о том, что скоро им придется подъезжать к узенькому мостику через довольно глубокую речку Тоймину. Она знала, что если попросить мужа ехать потише, мотоцикл помчится с еще большей скоростью, и тогда... Горяч был капитан милиции Сергей Александров! Ох, горяч! «Пойми характер-то, — говорила ему теща, — норовистый, как конь необъезженный! Неровен час, снесут башку-то, прости, господи!..»

За голову свою Сергей не опасался, а вот над характером работал упорно и целенаправленно. Результаты ауто-тренинга не замедлили сказаться, и он довольно быстро пошел вверх по служебной лестнице. В тот день, с которого мы начали рассказ, за рулем сидел старший инспектор отдела по борьбе с преступностью в сфере экономики.

Природа щедро одарила Сергея различными достоинствами. Кроме того, что это был симпатичный молодой человек с пышной шевелюрой, он обладал незаурядными музыкальными способностями. Ни один смотр художественной самодеятельности, концерт или фестиваль не про-

ходил без участия исполнителя русских народных песен и романсов капитана Александрова.

Популярность его росла вместе с исполнительским мастерством, что, между тем, нисколько не мешало службе. Наоборот, творчество возвышало его душу, вселяло уверенность в себе и прибавляло оптимизма. Множество лауреатских званий не сделали Сергея заносчивым и высокомерным. Казалось, он был совершенно лишен честолюбия. Сослуживцы и начальство любили его за сердечную доброту, открытость и невероятную работоспособность.

Надо полагать, судьба готовила этому талантливому и энергичному человеку... Впрочем, мы не можем знать, что готовила ему судьба. Да и зачем это знать, если жизнь столь восхитительна! Так прекрасен восход и закат солнца! Так обворожительно поют птицы и пахнут травы! Так очаровательна улыбка любимой женщины, ее глаза, руки, волосы, ее голос!..

Не хотелось Сергею Александрову в тот предвечерний час сбрасывать скорость своего мотоцикла. Вся его неуемная натура, получившая шенкеля в виде четырех-пяти рюмок водки, противилась этому. А чего особенного — со свадьбы едет человек! Хоть и на служебном мотоцикле, но в выходной день! Друга закадычного, товарища по работе Стасика Жохова, такого же, как и он, капитана милиции «проводил в последний путь». Тем более, что и «последний путь» был свой, родной — Варенька Малышева из экспертно-криминалистического отдела. Гуляли в деревне, откуда родом были наши друзья и где сейчас проживали родители Стаса. Замечательная получилась свадьба. Веселая и в меру пьяная. Можно бы и еще погулять, но только два дня выделил шеф капитану Жохову «на все это дело». Служба!..

Тем временем стрелка спидометра милицейского «Урала» прыгала около цифры «семьдесят», а Сергей во все горло продолжал «гнать велосипед».

Потеряв на какое-то время над собой контроль, Сергей совершенно забыл, что в конце березового перелеска с небольшим поворотом дорога выходит на узенький мост через Тоймину. Вчера днем он проезжал этот деревянный мостик на первой скорости. Да и вообще, сколько раз он его переезжал туда и обратно! Но сейчас он совершенно отчетливо понял, что вписаться в габариты моста ему не удастся.

Сергей молниеносно оценил обстановку и, крикнув: «Зина, держись!» — направил мотоцикл мимо моста прямо в воду. Подняв огромный фонтан брызг, «Урал» вместе со своим наездником скрылся в пучину вод. Через некоторое

время лишь небольшое облачко пара выдавало место «срочного погружения». Но вскоре вслед за воздушными пузырями на поверхности воды показалась голова Сергея. Выражение лица его было ужасно. С широко открытыми глазами он стал оглядываться по сторонам и кричать не своим голосом:

— Зина-а!.. Зина, где ты?.. Где ты, Зиночка-а?

Затем он сделал резкий вдох и нырнул головой вниз, как делал это тысячу раз в детстве на этой же самой реке.

Через полминуты его голова вновь, словно пробка, выскочила на поверхность.

Ныряние и призывы постепенно делались все менее энергичными, время нахождения под водой сократилось до пяти секунд. С каждым появлением над водой глаза Сергея становились все безумнее, а голос тише и безнадежнее. Наконец, его полностью оставили силы. Перевернувшись на спину он раскинул руки и, обливаясь слезами, по воле волн поплыл прочь от страшного места...

Внезапно с правого берега он услышал знакомый голос:

— Ты чего тут расплавался, каскадер несчастный?.. А где мотоцикл?

Сначала Сергей думал, что это начались галлюцинации, что он сходит с ума, что это ангелы небесные над ним потешаются.

— Вылезай, тебе говорят! — вновь явственно донеслось с берега. — Это в новом-то костюме!..

Сергей медленно повернул голову и увидел стоящую на берегу жену.

Не веря своим глазам, он молитвенно сложил руки и пошел под воду, пуская пузыри. Когда вынырнул, вновь услышал божественную музыку жениного голоса.

— Ты что, решил надо мной поиздеваться, да?.. Или ты утонуть решил в день свадьбы друга? — Зина медленно шла по берегу за проплывающим мимо мужем.

— Зина! — завопил Сергей, вернувшись, наконец, к реальности бытия. — Зина! Это — ты? Дорогая!.. Это — ты?.. Ты?..

Он выскочил на берег, подбежал к жене и стал лихорадочно трогать ее руки, голову, плечи, приговаривая:

— Это — ты?.. Дорогая! Это — ты?.. Ты не утонула? Не утонула?.. Это ты?..

Поведение мужа, с которого ручьями лилась вода, не на шутку встревожило Зину.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила она, стараясь заглянуть в глаза Сергею. — Ты хочешь сказать... Ты думал, что я... утонула? Ты это хочешь сказать?..

— Да! Нет!.. Я думал... Да... — приходя в себя, бормотал Сергей. — Какое счастье! Счастье-то какое, господи! — слезы опять полились из его глаз.

— Счастье или несчастье, об этом — потом, — сказала Зина, которой стали надоедать причитания мужа. — А мотоцикл где? Уж не утопил ли?..

— Утопил! Утопил, Зиночка! — радостно заговорил Сергей. — Утопил я его... Слава богу!..

— Что «слава Богу»? — не поняла жена. — Утопил-то, что ли, «слава богу»?

— Нет!.. Да!.. Нет, конечно!.. То есть... Слава богу!..

— Ну, хватит! — резко сказала Зина. — Раздевайся! Сушить тебя будем!

Она стала помогать мужу снимать пиджак, брюки, рубашку, рассказывая, как еще до поворота, при толчке, ее выбросило из коляски, и она «мягким местом» приземлилась на «совершенно чудесным образом» оказавшуюся там большую копну сена.

— А ботинки где? — вдруг спросила Зина, осматривая вещи. — Тоже утопил?

— Утопил! — покорно ответил Сергей, продолжая стучать зубами. — Утопил!.. Слава богу!..

Зина внезапно рассмеялась, подошла к мужу, прижала его мокрую голову к своей груди и нежно сказала:

— Уж не верующим ли ты стал, водолаз ты мой ненаглядный? В святой купели побывал?.. Ну и ладушки!..

Так, обнявшись, они стояли некоторое время и плакали. Затем сложили непросохшие вещи Сергея в один узел и неспеша пошли через узкий деревянный мостик в сторону города.

Справа пламенел закат, а на восточной стороне неба, далеко-далеко, появились две маленькие звездочки. Звонящую тишину изредка нарушали далекие гудки тепловоза. В глазах идущих по пыльной дороге мужчины и женщины светилась тихая грусть. Лица их были прекрасны. В эти минуты они были одни на всем белом свете. А земля вокруг рождала для них необычайной прелести запахи, заставляя любить каждую травинку, каждое дерево, далекий неведомый космос, друг друга и самих себя...

Утро следующего дня капитан Александров посвятил «профилактическому осмотру» мотоцикла, который всю ночь омывали воды неширокой реки Тоймины. Настроение, как всегда, было приподнятое, и Сергей вполголоса напевал: «Я буду долго гнать велосипед...» С невысокой березки, стоящей рядом, ему подпевала какая-то маленькая птичка.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШ

С человеком в течение жизни могут происходить самые невероятные превращения. Известны случаи, когда люди, побывавшие в авариях или катастрофах, обнаруживали в себе неведомые доселе качества. Например, способность предугадывать будущее, хотя в настоящем не видели дальше собственного носа. Или разговаривать на иностранных языках, до этого не подозревая даже о их существовании. Или начинали видеть человека насквозь, с точностью до грамма определяя, что он съел, сколько выпил и с кем провел ночь.

Конечно, все это может произойти не обязательно вследствие какого-то потрясения или травмы. Вовсе нет. Это может случиться очень даже просто, незаметно и буднично. Например, во сне. Утром вы просыпаетесь и рассказываете жене, как пришли к вам трое гуманоидов и пригласили совершить с ними путешествие в пространстве и времени. Как после длительного колебания вы согласились и совершили непродолжительный круиз на одну из планет в созвездии Льва или Девы. Лучше — Льва, поскольку вы это рассказываете своей жене и любое упоминание о посторонних женщинах лишь усугубит ситуацию. Веры, естественно, вам никакой не будет. Даже если вы уже полгода не уезжали в срочные командировки на два выходных дня. Или три месяца подряд не засиживались в библиотеке до четырех часов утра. Или... Во время самого полета также никаких женщин, даже намек на них, быть не должно. Излагайте самую суть, поскольку, повторюсь, весь ваш рассказ будет восприниматься как бред шизофреника.

Александр Алексеевич Хлястиков ни в аварии, ни в катастрофы не попадал. Серьезных травм, кроме выбитого когда-то в студенческой потасовке переднего зуба, у него не было. Никакие гуманоиды к нему не прилетали. Просто в один прекрасный день Александр Алексеевич заговорил стихами. Не то, чтобы слово-другое в рифму высказывал, а выдавал целые сонеты и даже оды. Сам бы он этого, может, и не заметил, но всполошилась жена. На ее тревожный вопрос, может ли он объяснить челове-

ческим языком, что с ним произошло, Хлястиков спокойно ответил:

— А что, скажи мне, в этом мире произойдет, когда — бедлам?! Смотри на вещи проще, шире, и будет все о'кей, мадам!..

— Ты когда это сочинил? — прервала его жена, стараясь до конца понять степень случившегося. — Ночью, да?

Александр Алексеевич начал раздражаться, не понимая, чего от него хотят.

— Ну при чем здесь — «ночью», Катя?! Ты мозги мне не морочь! Мы же вместе, на кровати, провели всю эту ночь! — заявил он остолбеневшей жене, не замечая за собой ничего особенного.

Перспектива жить в обстановке творческого вечера поэта-самоучки никак не устраивала супругу Александра Алексеевича.

— Саша, ты должен сходить к врачу или я за себя не ручаюсь! — в ультимативной форме выразила свое отношение к происходящему жена Катя. — Тебя замкнуло на поэзию, вот пусть и размыкают! А я — тоже человек!..

Александр Алексеевич, схлопотавший к тому времени уже несколько выговоров «за несерьезное поведение на работе», сокрушенно ответил:

— Я и сам бы рад, Катюша, жить, как все, да только вот... Кать, а ты... того... не слушай, может быть, само пройдет?

— Нет, само не пройдет! — уверенно заявила жена. — Если, конечно, ты не издеваешься надо мной...

Визит к врачу не принес заметных изменений в поведении Александра Алексеевича. Лишь стихотворный слог его стал несколько тоньше, изящней, ближе к поэзии серебряного века. А порой проскакивали целые строфы ломоносовско-державинской окраски.

Доведенный до отчаяния собственным недугом, Александр Алексеевич был готов на все, чтобы вернуться к нормальной жизни. Он стал молчалив, угрюм и замкнут. Почти совсем перестал разговаривать с женой. Боялся здороваться с друзьями и знакомыми, в лучшем случае кивал головой или приподнимал шляпу.

— Саша, я нашла человека, который тебе поможет! — торжественно заявила однажды супруга. — Народный целитель, колдун и экстрасенс! Международный диплом! Любую дурь только так лечит!..

Процесс исцеления проходил в абсолютной темноте и длился более полутора часов.

Все это время жена Катя находилась в соседней комнате и в сильном душевном волнении ходила из угла в угол.

Когда сеанс закончился и мужчины вышли на свет, Катя от возбуждения не могла произнести ни одного слова. Широко открытыми глазами она смотрела то на мужа, то на колдуна. Муж был бледен и весь какой-то опустошенный, словно его только что постирали и выжали, как белье.

Колдун, снимая черные кожаные перчатки и такую же маску с лица, сказал с улыбкой:

— Не волнуйтесь, вам муж здоров. Да он, собственно, и не был болен. Мы просто изгнали из него беса. Освободили его, так сказать. Теперь душа его свободна, а телу надо денька два отдохнуть. Покой и тишина ему, полагаю, будут обеспечены?

Жена Катя неожиданно поклонилась колдуну в пояс, вручила деньги и, не проронив ни слова, вышла из комнаты.

Несколько удивленный поведением супруги, Хлястиков вяло пожал руку исцелителю и тоже вышел.

На улице, взяв жену за руку, Александр Алексеевич сказал с легким заиканием:

— К-катюша, я, к-кажется, здоров... З-здорово, правда? А заикание п-пройдет. Главное, я теперь не говорю с-стихами!..

Катя остановилась, взглянула на мужа полными счастливых слез глазами и произнесла:

— Превосходно, милый, превосходно. Снял целитель с уст твоих печать. Можешь ты теперь совсем свободно говорить и думать, и мечтать!

Александр Алексеевич вздрогнул и с ужасом посмотрел на жену. А Катя поправила у него на шее шарф, заботливо подняла воротник плаща и поцеловала в небритую щеку. Затем взяла своего «освобожденного» мужа под руку и сказала:

— И что бы, Саша, ни случилось, и что бы в жизни ни стряслось, мы будем знать: есть божья милость и наш всевидящий Христос!..

Александр Алексеевич в глубокой задумчивости шел рядом с женой, соображая, что нужно будет предпринять, если спутница жизни начнет фанатично верить в Бога. Ему вдруг представилось, как его Катя в черном одеянии, в окружении древних старух стоит на коленях в какой-то мрачной келье и кладет поклоны, стучаясь лбом об пол.

Полубезумные старухи тянутся к ней костлявыми руками, вопя дурными голосами страшную молитву. «Нет, с этим надо кончать! — поежился Александр Алексеевич, искоса взглянув на притихшую жену. — И чем раньше, тем лучше! Иначе болезнь уйдет внутрь и тогда...» Что тогда, Хлястикову думать было страшновато, и он постарался переключить свои мысли на другое.

А чего, собственно, думать! Чего ломать голову, если — вот он! — здоровый, исцелившийся идет по весенней улице рядом с красивой женщиной, собственной женой! И нет для него на всем белом свете никого дороже этой женщины! Чего там думать, если жизнь прекрасна во всех отношениях!

«А вера в бога, в конце концов, не такое уж страшное дело, если без фанатизма, — умиротворенно подумал Александр Алексеевич, прижимая к себе руку жены. — Пусть верит. В крайнем случае, к колдуну сходим».

МИЗЭРАБИЛЕ ДИКТУ *

Говорят, что двух одинаковых людей не бывает. Скорее всего, это так. И даже хорошо, что именно так, а не иначе.

Ведь что бы могло быть, если бы кто-то вдруг оказался, как две капли воды, похож на вас?! Или на соседа Ивана Петровича, постоянно небритого и «стреляющего» у всех «стольники»?! Или на соседку Нину Сергеевну, которая в курсе всех ваших дел и считающую своим долгом дать совет, как поступить в той или иной ситуации?! Или... Да что там говорить, скверная могла бы получиться история!

Лука Сергеевич Сократов не мог иметь в этой жизни человека, который бы хоть чем-то на него походил. Индивидуален он был во всем: в мыслях, в манере говорить, в увлечении, в походке, в прическе и так далее и тому подобное. Даже имя, как вы могли заметить, имел он весьма необычное. Кстати, в паспорте у него было записано не просто — Лука, а — Лукреций. Остается тайной, что подвигло родителей дать мальчику столь замечательное имя, но любовь к латинскому языку, древнегреческой мифологии и истории он, как говорится, впитал с молоком матери.

Конечно, имя Лукреций вызывало не только восторги, как, скажем, у девушек-паспортисток, но и недоумение. А порой и просто раздражение. Вследствие этого наш герой, без особого с его стороны возражения, в повседневной жизни стал называться Лукой Сергеевичем. Хотя, и говорил иногда: «Мизэрабиле дикту».

Лука Сергеевич обладал просто неиссякаемой энергией. Теща его, женщина тоже весьма оригинальная, называла зятя то вулканом, то протуберанцем, то гейзером. Но чаще — клоуном. Покручивая пальцем у виска, она говорила своей меланхолической дочке: «Ему в цирке работать, а не семью содержать! Ладно бы на башке по утрам стоял, а то ведь опять козу домой приволок!..»

Случай с козой действительно имел место быть.

* Для тех, кто забыл латынь: *достойно сожаления.*

Но исключительно, по словам Луки Сергеевича, в целях научного эксперимента.

«Коза, — говорил он, охваченный новой идеей, — это такое животное, которое в любых условиях, даже городских, может давать в два, а то и в три раза больше молока, нежели корова! И я вам это скоро докажу!»

Эксперимент в силу объективных причин до конца доведен не был. Но Лука Сергеевич не отчаивался: появилась кошка, которую непременно нужно было научить говорить «ма-ма». К тому же, второй год ждал приложения рук пылящийся в кладовке «перпетуум мобиле». Да и «геликоптер» на даче тоже нужно было доводить до ума. «Моменто морэ!» — объяснял свое поведение этот энергичный и неунывающий человек, добавляя русский перевод: «Помни о смерти!»

Но жизнь, к сожалению, так уж устроена, что и энергичные люди иногда попадают в самые нелепые истории.

Произошла она и с нашим героем.

Как вы уже поняли, Лука Сергеевич Сократов был человеком увлекающимся и в достижении цели просто одержимым. Если уж влетела ему в голову какая идея, то все его существо охватывала лихорадка нетерпения, деятельного восторга и вдохновения. Он становился похож на большую мощную птицу, смело летящую четко проложенным курсом.

Случилось так, что на кафедре востоковедения, которой имел честь заведовать тридцативосьмилетний кандидат наук Лукреций Сергеевич Сократов, на должность преподавателя арабского языка поступила выпускница престижного вуза Галина Борисовна Олиферова. Это явление не осталось незамеченным не только на кафедре, но и во всем университете. А то, что это было явление, и явление замечательное — несомненно. Галина Борисовна, Галочка, представляла собой редкий сплав женской красоты, обаяния и ума. В ее лице, с припухлыми по-детски губами, совершенно замечательными были глаза. Слегка раскосые, как на картинках китайских художников, они с необычайной силой притягивали к себе. Взглянув в них однажды, невозможно было остаться равнодушным. Эти глаза покоряли, брали в плен, лишали душевного покоя и равновесия.

Пышные каштановые волосы этой юной богини каждый день были уложены в новую прическу.

На высокой и стройной фигуре любая одежда смотрелась безукоризненно, выглядела модной и изящной.

Не только студенты, но и преподаватели останавливались и провожали глазами это «само совершенство», когда оно с гордо поднятой головой и ослепительной улыбкой появлялось в университетских коридорах.

Лука Сергеевич не сразу влюбился в нового преподавателя. Вернее, сначала это была не любовь, а, скорее, удивление, восхищение, восторг. Был даже некоторый испуг. Любовь возникла позже, во время субботника, когда Галина Борисовна, Галочка, продемонстрировав обворожительную улыбку, попросила у Луки Сергеевича грабли. Заведующий кафедрой почувствовал, как теплый свет, исходящий из глаз преподавателя арабского языка, мгновенно проник в его сердце и что-то там повернул, словно ключиком.

Дальнейшие события развивались, как в тумане. Лука Сергеевич вдруг ощутил, что земля плавно уходит у него из-под ног. Он потерял ориентацию в пространстве и судорожно стал глотать апрельский воздух. Все вокруг как-то очень быстро потеряло свои реальные очертания. Все утратило смысл. Кроме одного — этой молодой женщины, сгребавшей прошлогодний мусор.

Остатками сознания Лука Сергеевич силился понять, что с ним происходит, пока, наконец, не сообразил, что в него вселилась новая страсть, новая идея, новая... Нет, любовью он это не называл. Вернее, боялся называть. И все-таки, это была она, Ее Величество Любовь!

«Господи, — думал Лука Сергеевич, — да как же это? Да ведь я же...» На мгновение в воспаленном мозгу возникли образы жены, тещи. «А, может, это сон, — уговаривал себя зав. кафедрой, — и сейчас все исчезнет! Вот сейчас...» Но ничего не исчезало, а наоборот, все больше на него обрушивалось.

Справедливости ради надо сказать, что подобное душевное смятение для Луки Сергеевича не было новым. Нечто подобное случалось всякий раз, как только появлялось что-нибудь неизведанное, загадочное, которое обязательно надо было постичь, освоить и претворить в жизнь. Подобный сердечный трепет ему был знаком, но чтобы с такой силой — впервые. Наверное, похожее состояние испытывают космонавты, когда спускаемый аппарат входит в плотные слои атмосферы. Так же, наверное, трясет и бросает из стороны в сторону. А в груди — волнение, тревога, жар.

Находясь во власти нахлынувшей на него любви, Лука Сергеевич за три дня изменился до неузнаваемости.

Он почти перестал есть, пить, во сне бормотал несвязные фразы. В середине ночи вскакивал с постели и долго сидел на кухне, куря одну сигарету за другой.

Жене вскоре надоело такое мужнино шараханье, и она с раздражением спросила:

— Когда прекратишь дергаться?! Или снова козу нашел?

Лука Сергеевич побледнел и живо ответил:

— Какую козу? При чем тут коза? Никакой козы я не нашел, просто...

— Что — «просто»? — разошлась жена, видя, что муж чего-то не договаривает. — Что — «просто»?.. Вот только приведи кого в дом — выгоню любую скотину!..

— Она не скотина! — внезапно выкрикнул Лука Сергеевич и осекся.

— Ах, все-таки нашел кого-то! — жена уперла руки в бока и запрокинула голову. — Ну так вот, знай: ни коз, ни кошек, ни собак, ни свиней в доме моем не будет! Свиней — особенно! — она ткнула указательным пальцем в грудь мужа. — Понял?

Лука Сергеевич хотел было привычно сказать «понял», но вдруг перед его мысленным взором возникло прекрасное лицо Галины Борисовны, Галочки, и он молча удалился в свою комнату.

Заперев за собой дверь, он сел к письменному столу, взял чистый лист бумаги, ручку и стал писать. Дважды он комкал и сжигал над пепельницей неудавшиеся варианты, и лишь после третьей попытки закончил письмо.

Вот текст этого послания.

«Дорогая Галина Борисовна! Галя!

Возможно, Вы сочтете мой поступок дерзким и возмутительным, но прошу Вас, дочитайте это письмо до конца.

Меньше всего я хотел бы выглядеть в Ваших глазах доморощенным Дон Жуаном, ловеласом, ищущим случайных встреч. Увидеть Вашу усмешку, для меня — смерть. И не только моральная. Но я не могу больше бороться с самим собой. Я не могу не сказать Вам, что я Вас полюбил. Да, я Вас люблю!

Теперь я знаю, в Вашей воле наказать меня презрением, ненавистью и не замечать. Но я все-таки надеюсь, что Вы дадите мне хоть каплю надежды видеть Вас, думать о Вас, восхищаться Вами. Без Вас не только наука, но и сама жизнь для меня бессмысленны. Помогите мне. Протяните мне руку.

Всегда Ваш Л. С.»

На следующий день утром Лука Сергеевич незаметно положил свое послание в верхний ящик письменного стола преподавателя Олиферовой.

А еще через полчаса в его кабинет вошла сама Галина Борисовна и просто сказала:

— Лука Сергеевич, после третьей пары вы можете, в принципе, проводить меня домой.

У бедного зав. кафедрой отошла от лица кровь, и он сделался белый, как стена, на которой висел портрет Президента. Почувствовав неладное, Галина Борисовна торопливо прибавила:

— Я согласна!.. Согласна я!..

Через две недели Галина Борисовна разрешила называть себя Галей. С тем лишь условием, что она — пока! — будет звать Луку Сергеевича по имени-отчеству. «Все-таки вы мой начальник!» — с улыбкой сказала Галя, и они весело рассмеялись.

Незаметно пролетел весенний месяц май с первыми грозами и появлением молодой зелени.

Лука Сергеевич ежедневно провожал Галю до ее дома, где они пожимали друг другу руки и прощались «до завтра».

Но энергичного и деятельного Луку Сергеевича такие взаимоотношения удовлетворить, разумеется, не могли, и он решил перейти в наступление. «Цели ясны, задачи поставлены, — за работу, товарищи!» — повелел он себе фразой ушедшего в небытие государственного лидера.

Плацдарм для наступления выбирать не приходилось. Им, естественно, должна стать Галочкина квартира.

В один прекрасный день, провожая Галю домой, Лука Сергеевич сказал:

— Да, кстати, послезавтра у меня день рождения. Так что, сударыня, с вас — подарок! Дорогих я не принимаю, а вот в гости пригласить вы меня просто обязаны. Договорились?

— Договорились! — в тон ему ответила Галя. — Только мне надо маму куда-нибудь... Впрочем, я соображу.

Лука Сергеевич был счастлив.

И вот, за два с лишним месяца их знакомства, он впервые стоял на пятом этаже перед Галиной квартирой и нажимал кнопку звонка.

Галя была еще краше прежнего. От нее невозможно было оторвать глаз. Она вся была какая-то домашняя, уютная, милая. Лука Сергеевич невольно залюбовался ею. Заметив это, Галя несколько смутилась, отчего стала еще привлекательней.

В комнате, куда Галя провела своего гостя, был накрыт большой стол. Сервировка его слегка удивила Луку Сергеевича, но он решил не придавать этому значения. Да и кощунство — задерживать на чем-то внимание в присутствии этой женщины.

Поистине, Галя сегодня была неотразима. Глубокое декольте вязаной кофточки и короткая джинсовая юбка не на шутку взволновали молодого ученого. Ему страстно захотелось заключить Галю в объятия и целовать, целовать...

Галя внимательно посмотрела на Луку Сергеевича, подошла к нему и нежно сказала:

— Все будет хорошо! Потерпи, дорогой!..

Она впервые назвала его «дорогим». И прозвучало это такой музыкой, что у него перехватило дыхание от любви и восторга. Необычайная радость охватила его, и он почувствовал себя совершенно счастливым человеком. «Господи, — подумал он, — да не снится ли мне все это?.. Как, все-таки, прекрасно жить на белом свете!»

Между тем, Галя усадила его на диван и тихо сказала, показывая на стол с закуской:

— Это все потом, а сначала мы с тобой... — она приложила свой указательный пальчик к его губам, как бы прося ни о чем не говорить. — Сначала — сюрприз! Хорошо?

Лука Сергеевич кивнул головой и сглотнул подступившую к горлу слюну.

— Я сейчас выйду в другую комнату, — продолжала Галя жарким шепотом, — а через две минуты войдешь туда ты. Понимаешь?

Он опять кивнул, жадно сверкая очами.

— Не раньше, чем через две минуты, — повторила Галя, загадочно улыбаясь. — Не раньше! Хорошо?

И, послав воздушный поцелуй, скрылась за дверью.

Лука Сергеевич зачем-то посмотрел на часы, затем снял их и положил на журнальный столик. Затем, словно очнувшись, быстро снял рубашку, брюки и положил их на диван. Затем снял носки. Помедлив немного, он снял майку и трусы. Обойдя два раза вокруг стола, он вздохнул и вновь натянул трусы.

«Интересно, одноместная у нее кровать или двухместная? — подумал он, бессмысленно вглядываясь в циферблат настенных часов. — Лучше бы двухместная!»

Подняв грудь и расправив плечи, Лука Сергеевич открыл дверь и отважно шагнул в комнату.

В тот же миг он остановился, оглушенный дружным многоголосием: «Поздравляем! По-здрав...»

Кто-то еще успел сказать слог «ля», но «ем» уже не сказал никто. Почти все сотрудники кафедры — мужчины и женщины, с подарками и цветами, — открыв рты, с изумлением смотрели на стоящего в одних трусах своего руководителя. Впереди всех находилась Галя с тортом в руках и с ужасом смотрела на виновника торжества. Сцена так сильно напоминала финал гоголевской комедии, что Лука Сергеевич неожиданно для себя улыбнулся и хриплым голосом произнес:

— К нам едет ревизор!..

Затем слегка поклонился, как обычно делал это в конце своих научных заключений, и вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Во все время, пока он одевался, из соседней комнаты никто не вышел и не донеслось ни единого звука.

«Что-то затянулась немая сцена! — подумал Лука Сергеевич, выходя из квартиры. — Неужели моя фигура способна ввергать в шок таких образованных людей? А если бы я снял трусы?...»

Между вторым и третьим этажами ему встретилась старушка, которая спросила, сколько времени.

— Мизэрабиле дикту, бабуса! — ответил ей Лука Сергеевич, многозначительно поднимая вверх указательный палец.

— Сколько, сколько? — переспросила старушка, с удивлением глядя ему вслед.

— Мизэрабиле дикту! — уже внизу крикнул Лука Сергеевич и приветливо помахал рукой.

— Эх, молодость! — проговорила старушка. — Все бы им хулиганить с пожилым человеком! А с виду — образованный!..

Этих слов Лука Сергеевич слышать уже не мог, поскольку в глубокой задумчивости шагал по улице, повторяя одну и ту же фразу: «Мизэрабиле дикту, уважаемые коллеги, мизэрабиле дикту!...»

СУД ТОВАРИЩЕЙ

В клубе завода «Луч коммунизма» шло заседание товарищеского суда с повесткой дня: «Личное дело т. Свинороева Д. Ф. и его моральный облик». Самого обвиняемого на суде не было.

Несмотря на то, что в объявлении, которое висело при входе в клуб и где был нарисован небритый субъект с красным носом, обнимающий огромную бутылку водки, была приписка: «Танцев не будет», в зале собралось много заводчан. Здесь присутствовали и случайные люди, пришедшие от нечего делать, но в основном собрался народ, хорошо знавший подсудимого по совместной работе. Пьяных почти не было.

— Товарищи! — постучав карандашом по графину с водой, сказала председательствующая Пузырева, женщина с волевым лицом, очень похожая на артистку Мордюкову времен застоя. — Предлагаю заседание товарищеского суда по поводу личного дела товарища Свинороева и его морального облика начать. Какие будут предложения?

Зал на некоторое время настороженно затих.

— А где он сам-то? — спросил мужчина, сидящий в четвертом ряду с краю.

— Кто? — не поняла Пузырева.

— Ну, Свинороев-то, подсудимый.

— А шут его знает! — махнула рукой председательша. — Наверное, как обычно! — она ловко шелкнула пальцами у себя под подбородком, чем вызвала одобрительный шум в зале.

— Валяй без него! — раздалось сразу несколько голосов.

— Товарищи! — проговорила Пузырева. — Я доложу суть дела. Вы все знаете, о чем идет речь. Так вот! Семнадцатого апреля, в пятницу, каршик Свинороев на работу пришел с глубокого похмелья. С целью поправиться он выпил стакан водки, которую принес с собой, и два часа нахально катал на своей каре нормировщицу Зину Рудькину, чем вывел ее из строя...

В зале слышались смешки, издевательские вопросы, типа:

— Кого он из строя-то вывел? Зинку, что ли?..

Пузырева, не обращая внимание на глупые вопросы, продолжала:

— А в обед он выпил еще один стакан водки, чем довел себя до безобразного состояния. Кроме того, он отказался ремонтировать свою кару, а просидел до конца смены в курилке, где травил анекдоты и отвлекал людей от плана работы. Это за ним замечалось и в отношении других женщин завода...

В зале опять захихикали. Раздался звонкий молодой голос:

— Так кому он анекдоты-то рассказывал? Женщинам, что ли?

— Неважно — кому, а важно, что анекдоты! — парировала Пузырева. — Да хоть бы анекдоты-то были хорошие, а то — слушать нечего! Ерунда одна! И не смешно даже!..

— Неправда! — раздался возмущенный голос с задних рядов. — Митька смешно рассказывает.

— Нет — правда! — подалась всем телом вперед Пузырева. — Если я говорю — правда, значит — правда! Старые анекдоты!

— Какие, например? — встав с места, спросил черноволосый парень. — Вы докажете!

— И доказывать ничего не буду! — снова тряхнула головой Пузырева. — Старые и все!

Из шестого ряда встал пожилой человек интеллигентного вида и, прижимая шляпу к груди, обратился к суду:

— Прошу меня извинить, я случайно попал на ваше заседание... Но как юрист, я обязан подтвердить правомерность поставленного молодым человеком вопроса о доказательстве вины подсудимого. Вам, очевидно, известно такое понятие, как презумпция невиновности? Исходя из этого, мы должны давать неопровержимые доказательства степени вины подсудимого. Нам, коллега, как хирургам, нельзя ошибаться... Еще раз извините, коллега!

Пожилой мужчина сел, а зал взорвался криками:

— Докажите!.. Неправда это!.. Нечего обвинять человека!.. Зря говорите!.. Презумпция!..

— Ничего доказывать вам не буду и не собиралась! — ответила Пузырева, закрывая папку. — Пьяница он!..

В зале поднялся невообразимый гул. Слово «пьяница» произвело эффект разорвавшейся бомбы.

— Вы не имеете права! — орал громче всех черноволосый парень из середины зала. — Сейчас все пьют, так что, за это судить надо? Не выйдет! Это не-за-кон-но!..

— Видали законника?! — Пузырева показала рукой в сторону кричавшего. — Пашка Снегирев законником стал!.. Ты, Паша, чем горло драть, вышел бы сюда и сказал, где дружок твой сейчас ошивается! Знаешь ведь, наверное!

— А вы не уводите, не уводите в сторону! — запальчиво ответил Снегирев. — Вам про анекдоты надо доказать, вот и доказывайте!

Его поддержали сразу несколько голосов.

— Ладно! — махнула рукой Пузырева. — Доказывать, так доказывать! Слыхали про Василия Ивановича?... Да ведь слыхали, наверное?! Ну, ладно! Летит, значит, по небу аэроплан белогвардейский, а Василий Иванович с Петькой удирают от него. Оба падают в канаву и закрывают головы руками. Когда аэроплан пролетел, Петька говорит: «Фу, пронесло!» «И меня тоже!» — отвечает Василий Иванович... Ну, и чего тут смешного? — закончила Пузырева под дружный смех зрительного зала.

Взглянув на членов товарищеского суда, которые проявляли живейший интерес к выступлению своего председателя, она продолжала:

— Про Брежнева слыхали? Нет? Ну, значит, так: идет Брежнев по Третьяковской галерее, а ему картины показывают. «Вот, говорят, это картина Васнецова и стоит сто тысяч долларов, вот эта картина Саврасова — стоит двести тысяч долларов, а вот картина «Демон» — Врубель!» Брежнев постоял перед картиной, подумал и говорит: «Хорошая картина, а главное — недорогая!»

Воодушевленная дружной реакцией зала, Пузырева продолжала:

— Приходит молодая учительница географии в четвертый класс, а ученики не слушают ее, вертятся, разговаривают, дерутся. Учительница их умиряла, умиряла, видит, что ничего не получается, и — к директору. Тот приходит в класс, хрясь по столу кулаком и спрашивает: «А ну, кто знает, чем отличается секс от глобуса?» Класс сразу притих, а один мальчик встает и спрашивает: «Товарищ директор, а что такое глобус?» «Вот об этом сейчас и расскажет вам новая учительница географии!» — отвечает директор...

В зале не осталось ни одного сидящего человека. Кто полулежал, запрокинув голову за спинку кресла, кто вообще сполз на пол. Стоял сплошной стон, раздавались повизгивание и похрюкивание. Члены товарищеского суда, держась за животы, раскачивались на своих стульях, как ваньки-встаньки.

— А вот... А вот еще один из той же серии!.. Да тише вы! — раскрасневшаяся, с горящими глазами Пузырева успокаивала слушателей.

— Значит, так! Прогулял Вовочка два дня, а его учительница и спрашивает: «Где был два дня?» Вовочка ей отвечает: «Мария Ивановна, у меня мамка трусы постирала, вот я и не был один день в школе!» «А второй?» — спрашивает учительница. Вовочка говорит: «Иду я, Мария Ивановна, во второй день мимо ваших окон, вижу — ваши трусы на балконе сушатся, ну я и подумал, что вы тоже в школу не придете!»

Минут пять Пузырева приводила в чувство совершенно обезумевшую от смеха публику. Она дважды спускалась в зрительный зал и подходила к интеллигентному юристу, поскольку ей казалось, что тому плохо: он икал, вздрагивал всем телом и сползал с кресла. Убедившись, что юрист будет жить, Пузырева вновь поднялась на сцену и жестом известной актрисы успокоила зал:

— Тише, товарищи! Как муж домой из командировки вернулся, а там любовник — слышали? Нет? Значит, так!..

В это время с шумом распахнулась боковая дверь рядом со сценой и в зал нетвердой походкой вошел товарищ Свинороев Д. Ф. в расстегнутом пальто и сдвинутой на затылок кепке.

Увидев подсудимого, все, в том числе и суд, в едином порыве вскочили со своих мест и устроили ему бурную овацию.

Свинороев, ничего не понимая, машинально прошел к трибуне. Из зала раздались требовательные голоса предоставить ему слово.

— А чего говорить-то? — хрипловато спросил Свинороев. — Мне и говорить-то нечего!.. Ну, было...

— Дима, ты про Сталина, про Сталина расскажи! — завопили из задних рядов.

— Про это дело давай, Димон! — громыхнул из середины зала рыжий гигант в спортивном костюме.

— Про чукчу, про чукчу! — тоненькими голосами просили две девочки-семиклассницы из первого ряда.

Дмитрий Федорович прокашлялся, достал из кармана расческу, тщательно причесался.

— Ну-с, с чего начнем? — проговорил он. — Может быть, с производственной темы начнем: а? Не возражаете?

Публика не возражала.

Заседание товарищеского суда продолжалось.

ПАРАД ЛИЛИПУТОВ

Бронислав Евграфович Сусликов, художник в третьем поколении, в одночасье оказался в центре политического движения своего небольшого городка.

Собственно, статус города этот населенный пункт, расположенный на живописнейшем берегу Волги, получил совсем недавно. Благодаря перестройке, которая принесла множество изменений в экономической и культурной жизни государства, жителей этого старинного городка коснулась волна политических бурь и страстей. Но она, эта волна как пришла, так и ушла, оставив после себя мусор и чувство стыда в душах людей.

Не могло быть в таком маленьком русском городе долгого политического противостояния. Люди работали, занимались всяк своим делом. Большинство из них знали друг друга с малолетства.

Правда, «торжество ленинской национальной политики» заставило жителей провести несколько митингов протеста с требованием о выселении распоясавшихся «лиц кавказской национальности». Вопрос этот вскоре решили и жизнь опять вошла в спокойное русло.

Отцы города, надо отдать им должное, не оставили в стороне и духовное возрождение обывателей. Немалые средства были выделены на ремонт и благоустройство библиотек, музея, храмов и исторических зданий.

Был в этом городе свой драматический театр, в котором работал Бронислав Евграфович на должности художника сцены.

Профессию он любил, работал увлеченно и с большим творческим подъемом. С удовольствием писал портреты, этюды и натюрморты, которые дарил друзьям и знакомым. Денег в театре по старинному русскому обычаю платили мало. Побочных заработков не было, и он постоянно находился в финансовом цейтноте. Нравственное начало, внутренняя чистота и свежесть, наполнявшие его работы, пока еще не привлекали внимание знатоков, устроителей выставок, меценатов и спонсоров. Для этого нужен был «его величество случай». И он вскоре представился.

Театр готовился к сдаче пьесы Даниила Хмелевского «Баррикады», где имели место августовские события девятости первого года. Работы по оформлению сцены было очень много, и Бронислав через друзей-преподавателей договорился с художественным училищем о выделении ему в помощь одного-двух толковых студентов, которых вскоре и получил. Те с удовольствием и быстро красили муляжи танков, фасад «Белого дома», писали лозунги и транспаранты.

Все шло своим чередом. Забрехала надежда уложиться в сроки.

За три дня до премьеры режиссер спектакля вдруг усмотрел, что некоторые лозунги написаны как-то уж , слишком красиво. Он так и сказал:

— Понимаете, у них не было времени таким вот образом выписывать слова. Все делалось быстро, второпях... Никто не знал, будет ли он жить или падет под пулями путчиков. В этом, собственно, весь смысл пьесы... Так что, прошу переделать!

Бронислав представил объем работы, и у него подкосились ноги. Но, зная крутой характер режиссера, он не стал спорить и что-либо доказывать, а собрал лозунги в один большой узел, прихватил несколько транспарантов и пешком направился в художественное училище. «Ребята помогут, — размышлял он на ходу, горбясь под тяжестью ноши. — В крайнем случае — денег дам...»

У дома номер двадцать три, который стоял на пересечении улиц имени Михельсона и Закгейма, Бронислава Евграфовича окликнули два молодых парня в кожаных куртках и с серьгами в ушах. Они подошли к художнику и бесцеремонно стали читать транспаранты. Занятие это доставляло им удовольствие. Они смеялись и хлопали Сусликова по спине. Затем парни развернули матерчатые лозунги и пришли в необычайный восторг. «Вся власть Советам!» — выкрикивали они. — «Фашизм не пройдет!», «Все на защиту Президента!», «Путчиков — к ответу!» и т. д.

Пока они читали, подошло еще несколько человек. Затем еще. И еще.

Минут через двадцать вокруг Сусликова собралась довольно большая толпа народу. Задние напирали на передних, стараясь увидеть, что происходит в эпицентре.

— Товарищи! — внезапно закричал мужчина с пышной шевелюрой и в роговых очках, слегка картавя. — Соблюдайте дисциплину, товарищи! Не напирайте, лозунгов всем хватит!

В мужчине сразу угадывался опытный организатор массовых беспорядков. Лицо его сделалось вдохновенным, красивым, и у Бронислава возникло желание немедленно написать его портрет.

— Простите, вы от какой партии? — спросил мужа, положив руку на плечо Бронислава. — Что-то я вас не припомню!

— Я... я из театра. Я художник... Это нельзя трогать! — почти закричал Сусликов, поняв, наконец, что происходит. — Это мое!..

— В такое время «мое» — это нонсенс! — прервал его картавый мужчина. — Как ваша фамилия?

— Сусликов...

— Редькин! — он крепко стиснул руку Бронислава. — Михаил Борисыч Редькин, сопредседатель партии «ДемРоссия» в нашем городе.

Затем он поднял руку и, грассируя на букве «р», громко сказал:

— Товарищи, прошу внимания! По инициативе товарища Сусликова и его театра мы сегодня проводим мирную демонстрацию в поддержку Президента и законно избранного правительства! Путчистов — к позорному столбу истории!

В следующий момент сопредседатель уже налево и направо раздавал лозунги и транспаранты, повторяя: «Держите ровно и высоко! Чтобы люди видели, что там написано!..»

Сусликов ошалело вращал головой, не в силах что-либо предпринять.

А тем временем Редькин уже строил людей в шеренги, давая последние напутствия.

— Товарищ Сусликов, вы готовы? — обратился он к художнику, лицо которого выражало ужас и отчаяние от всего происходящего. — Тогда прошу в голову колонны! Ваше место — впереди!

Затем он внимательно посмотрел в глаза Бронислава и добавил:

— Да не волнуйтесь вы за свои транспаранты! Все будет в целости и сохранности! Поверьте мне! Да и народ нынче другой!.. А если что и случится, я вам целую машину таких же точно могу одолжить. Текст, примерно, одинаков...

Часа через четыре к зданию театра подъехала грузовая машина, заставленная всевозможными флагами, транспарантами, портретами Президента и нового правительства.

В кузове, в нарушение всех правил, сидели два молодых парня в кожаных куртках и с серьгами в ушах — грузчики...

На следующий день во время репетиции режиссер был изумлен расторопностью художника сцены:

— Нет, это — не художник! Это — тайфун! Это — метеор! Это — комета Галлея!

Затем, обращаясь к самому Сусликову, добавил:

— Бронислав Евграфович! Я, к своему стыду, и не знал, что вы столь активно участвуете в политической жизни города. Сегодня по радио объявили, что вы организовали митинг в поддержку Президента! А я считал, что... Когда же вы все успеваете? Непостижимо!..

Сусликов покраснел, как вареный рак, и промычал что-то нечленораздельное. А режиссер продолжил монолог:

— Вы бы поделились опытом с коллегами, дорогой Бронислав Евграфович, как можно успевать делать столько всего сразу... Нет, все-таки вы — загадочный человек, Бронислав Евграфович! Ох, загадочный!

РЕПОРТАЖ С ЗИМНЕЙ ДАЧИ

— Значит, так! — строго сказал шеф, собрав нашу банду на шестом этаже своей зимней дачи на Канарах. — Новый год будем встречать на Родине. Берем банк в Одинцово. Дело верное. Вопросы есть?

— Есть! — сказал Пашка по кличке Пикассо, поигрывая своей огромной гранатой неизвестного производства. — А успеем? Новый-то год уже...

— Пашенька! — ласково перебил его шеф. — У нас два самолета, но если ты об этом забыл, то хилить тебе в Россию, мать твою, пехом! Понял?

Пашка понял и уронил гранату на ногу Аслану по кличке Казбек, который лязгнул зубами и с криком: «Вай, курва, зачем бомба ураниль!» — запрыгал по залу на одной ноге, словно раненый гриф.

Шеф с минуту наблюдал лезгинку подбитого Казбека, затем достал свою «пушку» тридцать восьмого калибра и два раза шмальнул вверх. Одна пуля срикошетила и попала в бронзовую статую античной женщины с повязкой на глазах по кличке Фемида. Статуя вздрогнула и выронила из рук меч и весы, которые с грохотом упали на косматые головы братьев Вована и Бобана по кличке Карамазовы. Контуженные братья смешно дрыгали руками и ногами.

В это время вторая пуля попала в крючок, на котором висела большая хрустальная люстра, и та с нежным перезвоном мягко опустилась на лысую голову Коляна по кличке Фантомас. Сразу несколько раскаленных ламп коснулось розовой, как детская попка, Коляновой черепушки. Он взвыл, сорвал с себя люстру и, словно штангу при неудачной попытке, бросил ее назад. Люстра сразу оказалась на плечах Мишани Шнобеля. Мишаня вскочил и, не снимая с себя люстры, начал бегать вокруг стола, за которым сидел шеф. Во время беготни он ронял все, что попадалось на пути. Сначала грохнулся телевизор, затем целая куча разной японской электроники. После того, как Мишаня оборвал все провода, соединяющие дачу с внешним миром, на пол полетела огромная китайская ваза, про которую шеф говорил с гордостью: «Двенадцатый век, руками не трогать!»

На девятом круге шеф подставил Шнобелю ножку и тот со всего маху вместе с люстрой врезался в Сергуню Борова. Тот хрюкнул и упал в аквариум с экзотическими рыбками и четырехметровым нильским крокодилом.

Надо сказать, что, падая, Мишаня Шнобель умудрился сорвать с головы шефа парик и опрокинуть на колени Феликсу по кличке Ржавый «Тефаль» с кипятком. Ошпаренный Феликс вскочил, как ошпаренный, выхватил из рук Шнобеля парик шефа и с диким воем стал засовывать его себе в штаны, пытаясь унять боль в промежности.

Шеф, усмотрев в поступках Шнобеля и Ржавого Феликса посягательство на свой авторитет, бросился к личному сейфу, где хранился запасной парик, забыв, что уже заложил туда взрывчатку перед отрывом на Родину.

Шандарахнуло так, что шеф в обнимку с бронированной дверцей, пробив стеклянный потолок дачи, одноступенчатой ракетой устремился в манящую голубизну южного неба. Уже с высоты донесся обрывок фразы, где были слова «манда» и «нары». Вряд ли шеф вспоминал свою магаданскую бурную молодость. Скорее всего он хотел сказать, что команда должна покинуть Канары. Впрочем...

А банк мы все-таки ломанули. Но делать это пришлось мне с Гришаней по кличке Гнутый, которого шеф послал тогда за ящиком «Кока-Колы». Шеф очень уважал этот напиток. Особенно с воблой. И маринованными грибочками. А как иначе, русский же все-таки человек!..

НОВОГОДНИЙ ХАЛЯВЩИК

Тридцать первого декабря в девять часов вечера Кузякин вошел в райотдел милиции.

— Моя фамилия Кузякин! — сказал он дежурному майору, сидящему за стеклянной перегородкой. — Арестуйте меня!

— В чем дело? — недовольно спросил майор.

— Я тещу убил! — дрожа синюшной губой, проговорил Кузякин. — Вернее, зарезал! Ножиком! Насмерть! Море крови!

— Ну и зря! — равнодушно сказал майор, с хрустом потягиваясь и аппетитно зевая. — Под Новый год...

— Арестуйте меня скорее! — взмолился Кузякин, видя нерешительность блюстителя порядка. — Вы же внутренний орган, вы обязаны...

— Па-пра-шу не ас-кар-блять! — с металлом в голосе продекламировал майор и забарабанил авторучкой по столу. — Ишь, моду взяли: чуть чего — сразу в милицию! «Убил, зарезал!» — передразнил он Кузякина. — Помолчав, добавил: — А насчет обязанностей... Так что там у вас?

— Я убил... это... человека! — утратив уверенность, пробормотал Кузякин. — Вернее, тещу! Зарезал! Море...

— Ну вот что! — майор решительно встал со стула и ткнул авторучкой в сторону Кузякина. — Вы эти ужасы бросьте! Насмотрелись «Спрутов»!

— Но я же бандит!.. Убийца! Садист-душегуб! — Кузякин отчаянным жестом стащил с головы шапку и вытер ею вспотевшее лицо. — Меня же за это полагается...

— Что за это полагается, мы... — не договорив, майор подошел к стеклянной перегородке и, строго глядя в глаза Кузякину, быстро задал три вопроса:

— Когда убили? Где труп? Кто видел?

— В понедельник! На кухне! Никто! — так же быстро ответил Кузякин.

— Та-а-ак! — возмущенно пропел майор. — Три дня бездыханное тело близкого человека лежит в неудобной позе на кухне, а он... Та-а-ак!

Дежурный снова сел на стул и что-то быстро записал

на последнем листке календаря. Затем, не глядя на Кузякина, строго и торжественно сказал:

— Вы, гражданин Кузякин, грубо нарушили сразу несколько положений уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, за что должны понести неотвратимое наказание! Вы готовы понести неотвратимое...

— Готов! — радостно перебил его Кузякин. — Очень даже готов! Очень...

— Тогда сейчас, — продолжил майор, не замечая кузякинского возбуждения, — вы пойдете домой, через полтора часа встретите Новый год и проводите старую тещу, извините за каламбур, в последний путь. А четвертого января — прошу, как говорится, к нашему шалашу!..

Когда за обиженным и обескураженным Кузякиным закрылась дверь, дежурный майор сказал сидящему за соседним столом капитану:

— И вот так — целый день! То убил, то зарезал, то ограбил, то изнасиловал! Идут и идут! Прямо эпидемия какая-то! Что за народ?!

— Да-а, — раздумчиво ответил капитан, — все хотят Новый год в тепле, уюте да в безопасности встретить.

— Так-то оно так! — в тон ему проговорил майор. — Но методы!.. Нет, что ни говори, а дежурить на Новый год — хуже нет!

Затем он погрозил кому-то пальцем и строго сказал:

— У-у, халявшики!..

ВИЗИТ ПОЖАРНОГО ИНСПЕКТОРА

(Рассказ пожилого человека)

Приходит ко мне недавно пожарный инспектор. Вежливый такой, симпатичный, в фуражке с орлом и говорит:

— За нарушение огнепожарных правил я вас, бабушка, оштрафовать должен!

— Так оштрафовать, оно, конечно, говорю, можно. Но за какие такие грехи, ежели у меня ничего не горит, не дымит и не капает? Плитка электрическая, говорю, года три как перегорела, свет четыре месяца назад отключили, газовые баллоны — пустые, вода с прошлого году не текёт!

— Как насчет воды, — улыбается инспектор, — это меня не интересует, а вот электропроводка, плитка и газовые баллоны — не соответствуют ППБ!

Как он про это ППБ-то сказал, я сразу поняла, что дело сурьезное и от штрафа никуда не денисся... Я, конечно, не знаю, что такое ППБ, но уж больно на КГБ смахивает. Может, оно самое и есть! В общем, страшно-вато мне стало, даже немного жутко. А инспектор достал из кармана блокнотик, чего-то там карандашиком чиркнул, и снова вежливо так:

— Вы, бабуся, не волнуйтесь, штраф для первого разу небольшой будет. Как, — говорит, — ваша фамилия?

Ну, я ему тоже вежливо: мол, не волнуюсь я, чего мне волноваться — русский же человек пришел, хошь и инспектор. А вообще-то, говорю, безденежная я!

Тут мой инспектор аж привскочил и чуть не обниматься:

— Как, говорит, Безденежная?! Как Безденежная?! Так ведь я тоже — Безденежный!

Блокнотик свой быстренько спрятал, документик красненький достал и в нос мне тычет:

— Вот, говорит, видите: я — Безденежный! Вадим Ивановичем зовут! А вас как?

Тут мне опять не по себе стало. Чего, думаю, радуется человек, если тоже безденежный! Может, думаю, с голодухи у него с головой чего случилось? Ну, коли крыша поехала, как внучка моя говорит? Нонче ведь всякие

люди ходят! Вот недавно, слыхала, к одной женщине тоже инспектор явился, так чего там потом было — не при людях сказать!.. Ну, а этот, мой-то, чуть не пляшет вокруг меня, соловьем заливается. Поосмелела я малость и говорю:

— Аграфена мы, говорю, по батюшке — Семеновна. А фамилия наша...

— Ой, фамилия наша, прерывает он меня, просто замечательная! Нежная, звонкая! Без-де-неж-ный! Вы чувствуете? А разделить пополам, безде и нежный! Нежный! Вы чувствуете?!

Я было сказать, что, вообще-то, ничего не чувствую, фамилия как фамилия, а инспектор весь аж румяный стал:

— Ах, как хорошо, что мы с вами встретились! Ах, как хорошо! Ах-ах!..

Ну, я чувствую, что человека, хоть и при исполнении, а куда-то не туда понесло. И глаза горят, словно угли, — того гляди пожар устроит. Я ему и говорю:

— Чего ж в этом хорошего, мил человек, коли с меня штраф надо сымать! Тут не до хорошего! Я ж безденежная!

Тут мой инспектор ручками как всплеснет, да как на стульчик грохнется, да как загомосит опять:

— Бог с Вами, Аграфена Семеновна, какой штраф, когда такая встреча! Это ж такая радость! Это ж такой случай! Нет, говорит, что не говорите, а Безденежные встречаются не часто!

Я ему хочу сказать, что безденежных нынче — пруд пруди, а он мне и слова не дает сказать:

— Я, говорит, бабушка, приглашаю вас к нам в управление на праздник! 30 апреля у нас День пожарной охраны! Обязательно, говорит, приходите!

И ушел. Бумажку с адресочком оставил и ушел. Прямо, был — и нет! Словно привиделось, господи прости!..

Только я вот теперь и думаю: зачем он приходил-то? Штрафовать не оштрафовал, а знай себе веселился, про ППБ тоже больше не вспомнил. Чудной какой-то!.. Неужели нынче все безденежные такие — радуются непонятно чему? А коли так, схожу-ка я на этот ихний праздник! Может, и мне повеселей станет!..

РЕВНИВЫЙ ЛЕХА

Ревность обрушилась на Леху Галецкого внезапно и с такой силой, что буквально оглушила его. Раньше подобного чувства испытывать ему не приходилось. Он даже не верил, что оно вообще существует в природе. Смеялся, когда ему рассказывали о том, как один мужик из ревности чуть не убил свою жену, второй — вены себе перерезал, а третий с балкона вниз башкой сиганул. «Дураки, — говорил Леха, — делать нечего, вот и бесятся!» Но когда он впервые ощутил это выворачивающее душу состояние на себе, то сначала подумал, что просто заболел.

В детстве у Лехи было прозвище Болт. Получил он его за пристрастие к рыбной ловле, вернее, за то, что постоянно возился с болтами и гайками, приспособлявая их в качестве грузил для своих бесчисленных удочек. Он помнил, что заболел тогда много раз. Но всегда уже утром следующего дня чувствовал себя здоровым и мог бежать на речку ловить рыбу, собирать грибы или увязаться за пастухами и появиться поздно вечером, еле волоча ночи.

Он и сейчас ждал, что через день-другой ему станет лучше, легче. Но этого не происходило, а наоборот, все сильней и разрушительней проникал в его душу «недуг».

Причиной же вывода Лехи из равновесия послужил тот факт, что однажды он уличил свою жену в супружеской неверности. Вернее, это не было прямой и явной изменой, но оснований подозревать, как считал Леха, было вполне достаточно. «Дыма без огня не бывает!» — думал он, доводя себя до крайней степени волнения.

А дело, между тем, яйца выеденного не стоило. Просто однажды Леха увидел, как его жена Валентина прошла под ручку с киномехаником Ваней Косаревым. Они о чем-то весело разговаривали и смеялись. Иван все время наклонялся к Валиному уху, поскольку был на две головы выше ее.

Сначала Леха не придавал этому никакого значения. Ну, прошлись и прошлись! Чего особенного?! Но вдруг в его сердце вселилась какая-то тревога, превратившаяся очень быстро в жгучую ревность, все сразу стало казаться мрачным и тягостным.

Конечно, если бы Леха проанализировал ситуацию, то все его подозрения отпали сами собой. Но он не мог, вернее, не хотел ничего анализировать и все больше становился похож на оскорбленного мавра. В общем, напрочь заклинило мужика.

Жена Валя не сразу заметила странность в поведении мужа. А когда заметила, спросила:

— Леш, ты чего это молчишь все? Устал, что ли?

Леха как будто ждал такого вопроса и резко ответил:

— Нет, не устал! А чего мне уставать?! Я же не с кино-механиками по улице прохаживаюсь!

Сказал и выскочил из дома, хлопнув за собой дверью. Валентина с удивлением посмотрела ему вслед, но не расстроилась, решив, что мужику пора уходить в очередной загул.

Но загул отменялся.

К вечеру Леха пришел домой трезвый, как стеклышко. Он не ответил жене на вопрос, где был, а быстро разделся и лег спать на диван, игнорируя супружеское ложе. Валя в недоумении постояла над ним, затем махнула рукой и пошла дошивать пеленки. Она была на четвертом месяце беременности и это сейчас занимало все ее мысли.

В девять часов вечера Валя, как всегда, включила телевизор, чтобы посмотреть выпуск новостей.

— А мне, между прочим, завтра в семь утра вставать надо! — резко сказал Леха, высвобождая голову из-под одеяла.

Валя вздрогнула и убавила громкость. А Леха проскрипел нездоровым голосом:

— Можно бы, наверное, и без политики обойтись!.. Тоже мне — культура!

Последнее слово он сказал не случайно. Дело в том, что Валя в девичестве закончила культурно-просветительное училище. Затем четыре года работала в районной библиотеке. Но после того, как вышла замуж за Леху Галецкого, — оставила эту работу и устроилась на картонажную фабрику. Валя не любила вспоминать о своей бывшей профессии, «работе в культуре», даже стыдилась этого. Муж иногда подтрунивал над ней по этому поводу, ласково называя «культурой». А вот сегодня... Да, он явно хотел оскорбить! Но за что?

Валя выключила телевизор, сложила недошитые пеленки и легла спать. В обиде на мужа она уронила на подушку несколько горячих слезинок, но вскоре успокоилась и погрузилась в сон праведницы.

Галецкому не спалось. Из головы не выходила безобразная сцена прогулки его жены с киномехаником.

Под утро ему приснилось, как будто они оба, Ванька и Валентина, хохоча и подмигивая друг другу, пришли к нему, спящему, в комнату. Прямо у его кровати они стали обниматься, смеяться и тыкать в него пальцами. Затем Ванька достал огромный гаечный ключ, какие бывают у железнодорожников, и с нехорошей ухмылкой сказал: «Я сейчас этому Болту все гайки закручу!» На это Валентина весело рассмеялась и... Леха проснулся.

Минут пять он лежал, вспоминая омерзительный сон. Затем встал и молча начал одеваться.

— Леш, ты чего так рано? — спросила жена, поднося к глазам будильник. — Шести еще нет, а тебе, вроде, к восьми?

— К восьми, к восьми! — буркнул Леха. — Нам-то к восьми! А вот вам-то к каким?!

— Леш, ты чего опять? — с обидой спросила жена.

— А я не опять, я — снова! — взвился Леха, рывком натягивая брюки. — Гайки, значит, хотите мне закрутить?! А пупки не развяжутся?

Валентина круглыми от удивления глазами смотрела на мужа.

— Не делай мне глазки-то, не делай! — Леха зло посмотрел на жену и забегал по комнате. — Я ведь не кино, чтобы на меня глаза-то выпучивать!

Валентина впервые видела мужа в таком состоянии и ее охватило неподдельное беспокойство.

— Да ты, никак, заболел у меня? — сказала она, вставая с кровати. — Ну-ка, я у тебя лоб пощупаю...

— Пощупай чего-нибудь у своего киномеханика! — взвизгнул Леха и отскочил в угол. — Там иди пощупай! Там и посмеетесь, и похихикаете!

Валя испуганно смотрела на мужа, не в силах что-либо понять. Затем села на стул и решительно спросила:

— Так! Какие гайки? Какой киномеханик? Какие, к черту...

— Не надо песен! — прервал ее Леха, театрально выставив вперед руку. — Не надо! Дурака-то из себя делать я вам не позволю!

С этими словами он схватил куртку, сорвал с оленьих рогов кепку и выскочил вон.

«Господи, — подумала Валентина, — да что это с ним? Уж не свихнулся ли?.. Или нашел себе кого?..»

Анализируя события последних дней, Валя вспомнила

встречу со своим бывшим однокурсником Ваней Косаревым и все поняла. «Да ведь он ревнует меня, дурачок!» — радостно подумала она и уткнулась запыхавшим лицом в пеленки и подгузники.

Тем временем Леха почти бежал в неизвестном ему направлении, не замечая ничего вокруг. Вдруг он резко остановился и завертел по сторонам головой, определяя, где находится. Нервное возбуждение его было настолько сильным, что он даже испугался за свое здоровье. «Надо успокоиться! — приказал он себе. — А то, не дай Бог, кондратий хватит!» Леха посмотрел на свои трясущиеся руки и закурил.

Наконец, он успокоился и в голове появилась некоторая ясность. «А, может, показалось? — начал размышлять он. — Может... Э-э, да что там! Сам же все видел!» Он махнул рукой, затушил окурок и пошел на работу.

Начальник мебельного цеха, в котором Галецкий работал столяром, подошел к нему и сказал:

— Что это вы, Алексей Павлович, сегодня словно доской трахнутые?

Он всегда именно так обращался к Лехе, если замечал, что тот пришел на работу «с большого бодуна».

— Да уж, трахнутые так трахнутые! — с невыразимой печалью в голосе согласился Леха. — Только не доской, а ключом!

— Каким ключом? — не понял начальник.

— Гаечным! — Леха отвернулся, чтобы не показывать задрожавших губ.

Начальник цеха внимательно осмотрел фигуру столяра и сказал:

— Ты вот что, зайди ко мне минут через двадцать!

Через двадцать минут они сидели друг против друга за длинным полированным столом и молчали.

— Рассказывай! — сказал, наконец, начальник цеха.

— Чего? — вяло откликнулся Леха.

— Все! — начальник положил свою волосатую ручищу на Лехино запястье. — Все рассказывай! Коллектив тебе не чужой — поможет!

От этих слов сурового на вид человека у Лехи из глаз брызнули слезы и минут пять он не мог успокоиться.

Вечером того же дня на квартиру Галецких заявила целая делегация.

— Ты, Валентина, не обижайся, — сказал начальник цеха под одобрительное молчание товарищей, — но Алексея мы в обиду не дадим!

— А кто его обижает, Петрович? — искренне удивилась Валентина. — Уж не я ли?.. Не пойму что-то!

— Не понимаешь? — сощурился начальник цеха. — А ведь у вас дите скоро будет! Алексеев ребенок!

— Да объясни ты толком! — взорвалась Валентина. — А то выгоню сейчас всех к черту! Пришли тут загадки загадывать!

— Вот это другой разговор! — оживился Петрович. — Вот это по-нашему!

Он усадил женщину на стул, сел рядом и низким голосом сказал:

— Расскажи-ка нам, голубушка, что у тебя с кинемехаником-то приключилось. Любовь, что ли?..

Когда Лехе разрешили войти в комнату, там стоял оглушительный хохот.

Начальник цеха, утирая выступившие от смеха слезы, приказал Лехе сесть и поднес к его носу огромный волосатый кулак.

— Вот этим, братец, второй раз я бью только по крышке гроба! Усек?

Затем он обвел глазами своих товарищей и добавил:

— Ревность — это не порок, а большое свинство!.. Понял ли чего, мавр из оперы?

Леха согласно кивнул.

Начальник цеха встал и галантно поцеловал Валентине руку. Это вызвало у «сопровождающих лиц» несколько грубоватых острот, но не испортило общего хорошего настроения. Пожимая Лехе руку, начальник цеха с нарочитой строгостью в голосе сказал:

— Чтобы завтра был у меня в полном порядке!.. Дезинформатор!

Делегаты молча протягивали Лехе руки и тот, благодарно кланяясь, словно китайский болванчик, говорил каждому:

— До свидания! Спасибо вам!..

Да, коллектив — это великая сила! Как впрочем, и любовь. А ревность... А ревность — это, пожалуй, действительно не порок. Да и любви без ревности практически не бывает. А если и случается, то это уже не любовь, а что-то другое. Хотя, конечно, все может быть в жизни.

СИЛА ВНУШЕНИЯ

В. П. Орлову

— Человек слаб, Люси! — говорил своей жене бывший штангист Иван Петрович Зашибалов, внушительного телосложения мужчина, и «принимал на грудь». «Очередной вес» делал его более разговорчивым и склонным к философии.

Жена Людмила с каждым «подходом к снаряду» все больше заводилась и сердито выговаривала мужу:

— Это ты-то слаб?! А ты в зеркало себя видел? Погляди-ка, рожа-то — хоть прикуривай! Слаб он!..

Иван Петрович подходил к зеркалу, критически себя осматривал и отвечал жене:

— А что — рожа? Рожа, как рожа! Причем, не рожа, а лицо! Лицо человека, прошедшего большой путь в большом спорте!

Отражение в зеркале принимало горделивую осанку. Поворачиваясь то одним, то другим боком, Иван Петрович продолжал говорить:

— Я, Люся, в семьдесят шестом году мог поехать на Кубок Европы и взять его. Готов был страшно!

— Ты и сейчас почти готов, как я погляжу! — прерывала жена десятки раз слышанное. — Кубки он брал!.. Сейчас возьму из шкафчика этот кубок, да разобью о твою непутевую башку!

С этими словами она решительно направлялась к шкафу, где стояла початая бутылка водки, но Иван Петрович с необыкновенным проворством преграждал ей путь. Весовые категории у них были несоизмеримо разные, и жена, замахнувшись на мужа маленькой ручкой, отступала. Иван Петрович, убедившись, что угроза нападения миновала, поворачивался к шкафчику и вновь «брал вес».

Пятнадцать лет назад Иван Зашибалов перестал заниматься тяжелой атлетикой, но воспоминания о том периоде жизни согревали метущуюся душу бывшему полутяжу. По характеру он был, как все большие и сильные люди, добродушным и молчаливым, но после двух или трех «разминочных подходов» становился веселым и разговорчивым.

— Ты, Люсенька, должна понять, — говорил Иван Петрович, прохаживаясь недалеко от шкафчика, — что чело-

век, если он — человек, не может жить сегодняшним днем! Он должен все время стремиться познать себя и окружающий, так сказать, мир. Ему недостаточно пищи физической, ибо не хлебом единым жив человек!

Иван Петрович, скрестив руки на груди, расхаживал по комнате и удивлялся своему красноречию. В эти минуты он казался себе необыкновенно умным, красивым и до конца не реализовавшимся. Посматривая на свое отражение в зеркале, Иван Петрович продолжал:

— Жизнь, Люсенька, состоит не только из одних праздников. Она и не может состоять только из праздников, это — аксиома! Праздная жизнь скучна и преступна! А преступление влечет за собой наказание, то есть — изоляцию. А изолированный человек теряет самое дорогое — свободу выбора. Вот здесь и наступает перелом, духовная деградация личности!.. Ты понимаешь логику моей мысли? — обращался он к жене.

Людмила делала вид, что не слушает мужа, и продолжала греметь посудой, чистить картошку, шинковать капусту. Но ее движения становились все более резкими, она все чаще откидывала волосы со лба движением головы.

Иван Петрович чувствовал, что назревает гроза, но остановиться в словоизлиянии и подходах к шкафчику уже не мог.

Подобные сцены в семье бывшего штангиста становились обычным явлением. Первые электрические разряды этой грозы он как-то еще сдерживал, но затем они стали все сильнее, все оглушительнее, и всякий раз он уходил с «помоста» оскорбленным и поверженным.

Каждая такая сцена жене Ивана Петровича стоила большого нервного напряжения. Она становилась все более раздражительной. Нетрезвый муж вызывал у нее буквально истерику.

Все просьбы, уговоры, предупреждения и скандалы «на трезвую голову» не имели положительного результата. И Людмила Васильевна стала терять надежду вернуть мужа к нормальной жизни. Но помог ей один непредвиденный случай.

Однажды в городе появились афиши, возвестившие о том, что в помещении драматического театра будет проводиться сеанс биоэнергетического воздействия. Людмила Васильевна скептически относилась к разного рода колдунам и экстрасенсам, но афиши, кроме улучшения настроения и повышения работоспособности, обещали избавление от вредных привычек. Именно за это и ухватилась,

как за соломинку, отчаявшаяся женщина, купив два билета в четвертый ряд партера.

В день проведения сеанса Людмила Васильевна ни на шаг не отходила от мужа, охраняя его от возможных «подходов к весу».

Иван Петрович был мрачен и неразговорчив.

В шестом часу вечера Людмила Васильевна, как бы спохватившись, сказала мужу:

— Да, чуть не забыла, мы же с тобой идем сегодня на концерт! Так что — одевайся!

— Какой еще концерт?! — недовольно отозвался Иван Петрович. — Не пойду я ни на какой концерт!

Людмила Васильевна скорее почувствовала, чем поняла, что если сегодня она не приведет мужа на сеанс, то такого шанса уже не будет никогда в жизни. Собрав в кулак всю свою волю и выдержку, Людмила Васильевна сказала:

— Да ты что, Иван! Хазанов же будет! Разве ж такое можно пропустить!

Это был запрещенный прием, но другого средства уговорить супруга у нее не было.

Иван Петрович задумался. Хазанов был его любимый артист. Затем спросил:

— А пиво будет?

— Две машины привезли, сама видела! — не моргнув глазом ответила жена. — А, может, чего и покрепче будет!

Это окончательно сразило Ивана Петровича и он сказал:

— Ладно! Где костюм-то?

Пиво в буфете действительно было и там собралась уже довольно большая толпа мужчин. Все говорили о каких-то экстрасенсах, колдунах, целителях, повторялись фамилии Кашпировского, Чумака, Джуны и других врачевателей, ставших популярными благодаря перестройке.

Людмила Васильевна, подавая мужу три рубля, сказала:

— Ты не пропади там, в буфете-то!

Сама же пошла побродить по театру, в котором не была с тех пор, как вышла замуж.

Иван Петрович, отстояв очередь, взял четыре бутылки пива и сел за столик в углу буфета.

Уже тогда, когда буфетчица открывала бутылки, возникло сомнение в свежести напитка. Наливая его в стакан, Иван Петрович убедился в этом окончательно.

Выпив одну бутылку, он стал рассматривать на ней

этикетку и понял, почему пиво было такое кислое: срок изготовления был двухнедельной давности!

«Вот паразиты, пива нет, а они квасят!» — подумал Иван Петрович и выпил еще одну бутылку.

Настроение, улучшившееся было после выпитого литра пива, стало портиться от каких-то неприятных процессов в животе. И развивались они столь стремительно, что буквально через минуту на лбу у Ивана Петровича появился холодный пот, лицо побледнело, а на глазах выступили слезы.

Выпив еще полбутылки, он ощутил внутри себя клочущий вулкан, и перед глазами стали вспыхивать оранжевые круги. Готовый потерять сознание, он медленно встал, вытер ладонью пот со лба и на подкашивающихся ногах направился к выходу из театра...

Через час Людмила Васильевна с гневом распахнула дверь в комнату мужа и нашла его в ужасном состоянии. Иван Петрович бледный, как полотно, прямо в костюме лежал на диване. Его руки были сложены на груди, глаза закрыты, нос заострился.

Людмила Васильевна, почувствовав неладное, с криком бросилась к телу мужа, отчего тот приоткрыл глаза и слабым голосом по слогам произнес:

— По-ми-ра-ю!

Людмила Васильевна опрометью бросилась к соседям, прося их немедленно вызвать «скорую помощь» к умирающему мужу.

После нескольких уколов и промывания желудка Иван Петрович пришел в себя.

— Что это со мной? — спросил он, не в силах приподнять голову.

— Ничего особенного, — ответил ему молодой врач, — обычное отравление. Правда, сильное.

После ухода медиков Иван Петрович долго лежал с закрытыми глазами. Силы медленно возвращались к нему.

Часа через два он открыл глаза и, взяв за руку сидящую рядом жену, слабым еще голосом проговорил:

— Все, Люда! Теперь — все! Ни грамма!.. Обещаю тебе!..

На глазах Ивана Петровича выступили слезы...

Через год на вопрос одной знакомой: «Как твой-то, пьет все?» Людмила Васильевна, поплевав три раза, гордо ответила:

— После того сеанса—как отрезало! И глядеть не хочет! Такой эффект, просто поразительно! А я раньше, честно говоря, не верила. Нет, все-таки она существует, сила внушения!.. Всего один сеанс!..

ВЕЩИЙ СОН

В понедельник под утро Борису Борисовичу Верховскому приснился сон. Будто бы он сидит за своим рабочим столом, пишет всякие бумаги, а к нему подходит начальник и говорит:

— Что это вы, Борис Борисович, всегда такой хмурый и неприветливый? Или работа не по душе?..

Проснувшись, Верховский стал размышлять и анализировать странный сон. Сон показался странным уже потому, что Верховский был человеком веселым и общительным, и его любили товарищи по работе, а с начальством он был в самых добрых отношениях. Все знали его как честного и добросовестного сотрудника, человека веселого и остроумного.

Итак, лежа в постели, Борис Борисович анализировал странный сон. Анализировать, надо сказать, он умел и очень любил. Собственно, вся жизнь у него связана с анализом. Еще в школе учительница химии обнаружила у Бори Верховского аналитический склад ума и об этом сообщила его родителям. Это определило дальнейшую судьбу мальчика.

В институте Борис с увлечением занимался не только математическим анализом, но и анализом социальных процессов, происходящих в обществе. Он успевал бывать на лекциях по историческому материализму и участвовать в практических семинарах по химии и физике. Учился он легко и с увлечением.

Получив диплом, молодой специалист был направлен на работу в газоанализаторную лабораторию крупного нефтехимического предприятия на должность инженера-аналитика. Предприятие вырабатывало вредные для здоровья вещества, вследствие чего все сотрудники лаборатории два раза в год были обязаны сдавать медицинские анализы.

В общем, слово «анализ» прочно вошло в жизнь Бориса Борисовича, стало обычным и повседневным, как слова «пить», «есть», «спать» и прочие.

Но в то утро странный сон не поддавался никакому анализу, и Борис Борисович решил, что его надо просто забыть и не придавать никакого значения.

Опустив ноги на пол, инженер-аналитик стал искать домашние тапочки и, не найдя их, по холодному линолеуму зашлепал в туалет. Пощелкав выключателем и не обнаружив света, Борис Борисович подумал, что вновь перегорела лампочка, хотя он ее заменил только вчера вечером.

Уже в туалете он понял, что нет холодной воды. Вспомнилось написанное от руки на дверях подъезда объявление: «Граждане жильцы! Вода отключается со фторника до пятницы. Берите где хотите в тазы и ведра. Администрация».

Ввиду чего «отключается» вода, было неясно, но слово «администрация» было подчеркнуто, что как бы утверждало: делается то, что должно делаться. В результате небольшого математического анализа получалось, что отключаемая «со фторника до пятницы» вода, как минимум, два дня уже должна свободно течь из всех кранов.

Несколько раздосадованный таким обстоятельством, Борис Борисович решил умыться водой из чайника.

Воды в чайнике, к сожалению, оказалось мало и хватило только на то, чтобы почистить зубы.

Включив в сеть электробритву, Борис Борисович понял, почему не было света в туалете: во всей квартире не было электричества. Это обстоятельство не на шутку рассердило инженера Верховского, поскольку никакого объявления об отключении электроэнергии он не видел.

Борис Борисович несколько минут ходил по комнате в растерянности, соображая, будить жену или нет. Решив, что жена все равно помочь ему не сможет, он достал из холодильника тонкий кружок колбасы и стал жевать. Хлеба не было, поскольку его не оказалось вчера в булочной, когда Верховские приехали с дачи.

С испорченным настроением, небритый, в неглаженных брюках Борис Борисович вышел из дома. На улице шел мелкий дождь, которого сразу он даже не заметил. Через пятнадцать минут на остановке троллейбуса Борис Борисович с завистью поглядывал на сограждан под зонтиками и в плащах. На нем же была лишь джинсовая куртка и легкомысленная кепочка-бейсболка. Еще через двадцать пять минут, когда мимо остановки на большой скорости промчался переполненный троллейбус, насквозь мокрый инженер Верховский всю проклинал себя за непредусмотрительность и пытался притулиться к счастливым обладателям зонтиков. Никого, естественно, не радовало такое соседство и его просто гнали.

Ругая последними словами троллейбусников, автобус-

ников, диспетчеров, электриков, водопроводчиков, себя, дождь, пассажиров с зонтиками, Борис Борисович стал лихорадочно шарить по карманам в поисках денег на такси. Найдя всего лишь измятую и порванную пятерку, он чуть не заплакал от досады, вспомнив, что без «червонца» с ним разговаривать не будет ни один водитель.

Борис Борисович был на грани нервного потрясения, когда подошли сразу два троллейбуса. Хотя они тоже не были пустыми, а желающих плохо ехать, чем хорошо идти скопилось на целую электричку, Борис Борисович предпринял отчаянное усилие и его вдавили в средние двери второго троллейбуса.

После нескольких попыток закрыть двери и оглушительных окриков водителя «шас всех высажу!», троллейбус тронулся с места.

Борис Борисович не был верующим человеком, но мысленно произнес:

— Господи, слава тебе!

Через две остановки от резкого торможения на Бориса Борисовича сильно надавили сзади.

— Что это? — с тревогой спросил он.

— Штанги слетели! — выдохнул перегар стоящий рядом мужчина в засаленной спецовке, почему-то подмигивая Верховскому. — Они всегда здесь слетают!..

После «пятиминутки», к началу которой Борис Борисович опоздал ровно на час, начальник лаборатории попросил его задержаться.

Предложив сесть поближе, руководитель некоторое время внимательно осматривал посеревшее и небритое лицо, дрожащие руки, испачканные грязью ботинки своего сотрудника, затем, как показалось Борису Борисовичу, с ехидной улыбкой сказал:

— Что это вы, Борис Борисович, у нас такой хмурый и не приветливый? Или работа не по душе?

Борис Борисович вздрогнул, с удивлением посмотрел на начальника и упал со стула.

Когда его привели в чувство, он как-то странно улыбался, всем подмигивал и повторял одну и ту же фразу:

— Штанги слетели! Они всегда здесь слетают!..

Да, иногда и инженерам-аналитикам снятся вещие сны. А отсутствие электричества или воды в кране любого может вывести из себя. «Учитесь властвовать собой», — сказал классик. Хорошо сказал, правильно. Жаль только, что не всегда получается...

ИЗ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХ

Встречаются два козла. Один говорит:

— Ты козел!

— Сам козел! — отвечает второй.

— Нет, ты козел! — настаивает первый.

— А ты, значит, не козел? — ухмыляется в бороду второй.

— Я не просто козел, а ты — просто! — первый притопнул ногой.

— Как это: просто, не просто? — искренне удивляется второй.

— Я козел умственного труда, а ты — просто козел! Понял?

— И чего ж такого умственного ты делаешь? — не унижается второй.

— А ты знаешь, что в моем районе двенадцать коз. Так вот, их всех обслужить требуется. Тут, дорогой товарищ, без соображения нельзя. В общем, большая умственная работа!

— А я так думаю, — говорит второй козел, — что большого ума здесь как раз и не надо: привели, увели...

— Э, нет! — возражает первый. — У каждой козы свой характер. Его, характер-то, сначала понять надо, вникнуть, так сказать, в самую суть. Здесь, брат, мозгой шевелить надо.

— А зачем мозгой-то шевелить? Взял, да и...

— Ишь ты — «взял, да и»! Тут еще как возьмешь! Не всякий, доложу я тебе, имеет в этом понятие. Коза, друг мой, это целый мир, полный противоречий, предрассудков, эмоций, тайн и загадок. И если ты врываешься в этот мир как захватчик с шашкою наголо, то тебе могут оказать и сопротивление, а то и отпор дать. Тут, брат, стратегия нужна. Знаешь, что такое стратегия?

— Нет, не знаю.

— А тактика?

— Не знаю. Откуда мне знать ваши любовные штучки, да и зачем?! У меня, между прочим, семья!

— Вот я и говорю: козел ты! Уперся в свою комолую... Гляди, наставит она тебе рога!

— А тебе не наставят? Двенадцать-то сразу?

— Мне не наставят. У меня профессия такая... сам

знаешь. Призвание, можно сказать. Талант, если хочешь...
А ты — козел!

— От козла слышу!

— А я тебе по рогам!

— Никакой ты не умственного...

— А я по рогам!..

— Врешь ты все!..

— По рогам!..

В это время проходил мимо осел. Остановился он возле козлов и спрашивает:

— О чем базар, козлы вонючие?

— Что-о-о? — в один голос пропели козлы. — Что ты сказал, морда твоя ослиная? А ну повтори!

— Я говорю — чего ругаетесь? — переспросил осел, слегка напуганный дружной реакцией козлов.

— А твое какое дело, ишак ты однокопытный? — козлы встали вплотную друг к другу и выставили вперед рога. — Чурка ты среднеазиатская!

— Ребята, я же... как его... только хотел...

— Ах, ты хотел! — наступающие вплотную приблизились к обалдевшему от страха ослу и приняли боевую стойку. — Ну если хотел, значит, получишь!.. Проси прощения!

— Простите меня, ради бога! — завопил осел, трясаясь всем телом.

— Нет, ты проси прощения, чтобы мы тебе поверили! — рога козлов почти упирались в ослиный живот.

— Простите меня, ишака безмозглого! — у осли на глазах появились слезы.

— Так, уже лучше! — козлы слегка отступили.

— Скотина я длинноухая! — осел похлопал ушами.

— Неплохо!

— Глуп я, как стадо баранов!

— Отлично!..

В это время показалось большое стадо баранов.

— Пошел вон! — сказали козлы опустившемуся на задние ноги ослу. — Будешь знать, как вести себя в интеллигентном обществе.

И пошли они в разные стороны. Осел — жаловаться баранам на то, как его обидели козлы, как они заставили его обзывать себя всякими нехорошими словами. Козлы же, очень довольные друг другом, после короткого, но теплого прощания, направились каждый по своим делам.

ФИЛАНТРОПКА

— Гражданин, у вас проездной?

— В общем, да!

— А без «в общем»?

— Удостоверение!

— Вы милиционер?

— Нет!

— Военный?

— Нет, не военный!

— Из прокуратуры?

— Боже упаси!

— Тогда вы депутат! Правильно?

— Нет, не правильно! Я пенсионер! Вопросы еще есть?

— Нет, спасибо! Только ведь... Значит, вы пенсионер!

— Да!

— Ну вот и хорошо! Теперь все ясно! А то я гляжу — молодой, красивый. Может, думаю, из милиции. Или военный. Или из прокуратуры, или...

— Мамаша, я же сказал — пенсионер я! Удостоверение показать?

— Ну что вы! От этих удостоверений у меня в глазах краснот! А если вы пенсионер, так вам положено, имеете право...

— А имею я право ехать спокойно, без ваших вопросов? Или мне... на ходу прыгать?

— Бог с вами! Разве можно! Вы же пассажир, да еще пенсионер!

— Вы что, издеваетесь?

— Да что вы! Как я могу! Я же не знала, что вы пенсионер! Мало ли сейчас без билета ездят! Другой и не пенсионер, да говорит, что пенсионер! А сам врачешко какой-нибудь или инженеришко! Поди разбери... Нет, вы-то не волнуйтесь, ехайте себе!.. А бывает, сядет такой в автобус, шапчонку на глаза натянет, нос в воротничкишко спрячет, а сам трясется весь. Вот как вы!.. А вы чего трясетесь? Гражданин, не надо на меня так нервничать! Не имеете права на кондуктора... Гражданин, не ломайте двери!.. Ах ты, Господи, на ходу выпрыгнул! А говорит — пенсионер! Видали пенсионера?! Да я этих пенсионеров за километр вижу! Меня не обманешь! Вот и доверяй людям, люби их!.. Молодой человек, у вас что — проездной?..

ЗАДУШЕВНЫЕ БЕСЕДЫ

В трамвае

- Ты знаешь, Нина, совсем не могу без каблуков ходить! Прямо измучилась вся!
- Ой, Тоня, да что говорить!
- У меня даже походка становится другая!
- Да что и говорить!
- А вот на каблуках-то прямо красота!
- Что и говорить!
- Да и ноге удобней!
- И не говори!
- На каблуках-то!..
- Ну да!
- А то ведь прямо, как эта!
- И не говори!
- А ведь нынче сапогов-то чередных — наищешься!
- Ой, беда!
- А главное, мода-то дурная пошла — без каблуков!
- И не говори!
- А цены-то, цены-то!
- Прямо беда!
- Иной раз и купила бы, да каблуков-то нет!
- И не говори!
- У тебя осенние-то сапоги есть?
- Да вроде есть!
- Представляешь, зашла тут на рынок, так глаза на лоб!
- Они могут!
- Морды у всех — во!
- И не говори!
- Один деньги достал, так вот такая пачка!
- Они могут!
- И все тыщами!
- И не говори!
- Расстроилась, прямо не могу!
- Да и не говори!
- У тебя сапоги-то есть?
- Да вроде есть!

- Да ты уж говорила!
- Да вроде — да!
- Ну, пока!
- Ну, пока...

В троллейбусе

- А что такое имидж?
- Имидж? Ну, это как бы реноме!
- А реноме что такое?
- А реноме — этот как бы статус-кво!
- А статус-кво?
- А это как раз имидж и есть!
- Так я же и спрашиваю!
- Чего ты спрашиваешь?
- Что такое имидж?
- Ты чего пристал?!
- Я не пристал, а спрашиваю...
- Ты чего пристал, козел?!!
- Так я же хотел получить ответ...
- Ты сейчас по рогам получишь! Понял?
- Я...
- Понял?
- Понял!
- Вот и хилий пешком! А то — имидж, имидж!.. Умник нашелся!..

У прилавка

- Девушка, вы мне двести грамм не довесили!
- Ну и что?
- Двести грамм не хватает!
- Ну?
- Так не хватает же!
- Это у тебя не хватает, а у нас все хватает!
- Как это?
- А вот так это!
- Да вы что себе...
- Бери давай, а то и это уберу!
- Да как вы...
- Берешь?
- Товарищи, вы слышали...
- Во-во, поори, поори!
- Да вы же...

- Вали отсюда!
- То есть как?..
- Ножками!
- Да вы...
- Ты на себя погляди!
- Да я на вас...
- Да неужели?!
- Послушайте, это же...
- На себя погляди!
- Да вы же...
- Сам дурак!
- Я сейчас позову...
- Ой, как страшно!
- Да вы просто...
- Берешь?
- Я на вас...
- Берешь?
- Имейте в виду...
- Берешь?
- Беру!..

НА ПРИЕМЕ У ВРАЧА

1. У гинеколога

- Маш, ты тут за кем?
- За белой кофтой с рюриксом.
- С кем?
- С рюриксом. В белой кофте.
- А-а! Давно здесь?
- Часа уж полтора. В мыле вся!
- А кто принимает-то? Этот?
- Говорят — этот.
- Ну, этот-то еще ничего! А вот другой-то был, так я изорвалась вся!
- А ты чего, Зин, опять что ли?
- Да опять! Говорила ведь козлу — одень рубашку!
- Какую рубашку!
- Резиновую!.. А ты чего, не одеваешь его?
- Кого?
- Друга своего!.. Ну, Маня, ты даешь стране угля!..
- Да когда этим заниматься-то, когда?
- Всегда! С утра и до вечера! Без перекуров и выходных!
- Ой, Зина, да ты что! А дела-то когда делать?
- Дела могут и постоять, а вот он — не вечен!
- Да ну тебя! Даже неудобно!
- Неудобно только на шифоньере! Ясно?
- Почему?
- Потому что высоко и узко! Упасть можно!
- Ой, Зинка, ты все об одном! Прямо совестно!
- Нет, вы поглядите — совестно ей! А чего сюда-то прикорячилась? Целостность проверять, что ли? Или тебе ветром брюхо надуло?
- Ну, ветром не ветром, но уж так-то...
- Как — так-то?
- Ну, так... в открытую...
- О, Господи! Ты что, с Луны свалилась? Ты хоть знаешь, для чего мужик-то нужен?
- Ну, для чего?
- А вот для этого самого и нужен! И не больше! Поняла?

— Ну уж, скажешь тоже! У меня и по дому все делает...
— Да вижу, как он у тебя делает! Наделал уж!
— Ой, Зина, у меня от твоих слов чего-то там такое...
— Ну, все ясно! Давай уж, мать-героиня, поднимай свое брненное тело... Бабы, пропустите ее, а то, не дай Бог, родит тут нам кого-нибудь! Нянчись потом!..

2. У стоматолога

— Петрович, ты чего тут? Зубья, что ли дергать?
— Зубья, зубья! Шагай, куда шагаешь!
— Так я уж пришагал!
— А пришагал, так и стой!
— Я и стою!
— Ну и стой!
— А чего злой-то такой? С похмелья, что ли?
— Нет, не с похмелья!
— А чего?
— Ты зачем сюда пришел? Зубы заговаривать или чего?
— Да блomba выскочила, мать ее!
— А чего к людям пристаешь?
— К каким людям?
— Ко мне!
— А чего я к тебе пристаю? Я к тебе не пристаю!
— А зачем спрашиваешь, злой я или с похмелья?
— Так я не знаю...
— А не знаешь, так молчи! Без тебя тошно!
— С похмелья, что ли?
— Слушай, ты замолчишь, или я тебе сейчас в глаз дам?
— А чего злой-то?
— Нет, я тебе точно сейчас в глаз дам! Хочешь к главному попасть без очереди?
— Петрович, ты чего?
— А ты, дубина, не понимаешь, что у человека зубы болят?!

— У какого человека?
— У меня!
— Ну, так бы и сказал сразу, а то...
— Так я же тебе и сказал, жлобу!
— Ничего ты мне не сказал! Ты бочку на меня покати!

— А тебе самому-то не догадаться? Раскрой бельма-то свои оловянные, чучело!

- А чего обзываешься-то?
- Так ты же русских слов не понимаешь! Видишь, человек сидит, зубами мается!
- Какой человек?
- Снова здорово! Да я же, я, морда твоя противная!
- Ты чего прешь-то на меня? Я-то здесь при чем?
- Да при том, оглобля, что сил нет с тобой разговаривать, а ты: мя-мя!
- Так я же...
- Ты чего сюда пришел?
- Так блomba...
- Мужики, пусть он без очереди пройдет, а? Иначе я ему сам все зубы вылечу! И пломбу вставлю!.. Давай, заходи, урево!..

3. У окулиста

- Дочка, это куда народ?
- К окулисту!
- А к глазнику куда?
- Сюда. Только не к глазнику, а к окулисту!
- Да мне-то к глазнику! Глаз вот левый чего-то...
- Я же вам и говорю: стойте за мной!
- Куда?
- К окулисту!
- А где глазник принимает?
- Мужчина, вы что, плохо видите?
- Да.
- Так я вам прочитаю: о-ку-лист! С восьми до тринадцати! Понимаете?
- Понимаю. О-ку-лист.
- Правильно! Вот и стойте!
- Зачем?
- Глаз же у вас болит!
- Так вот я и говорю, к глазнику надо...
- Господи, как вы не понимаете, что окулист — это и есть глазной врач! Око-глаз, лист-лечить! По-латыни, понимаете?
- Нет, по-латыни не понимаю!
- Гражданин, вы пришли глаз лечить?
- Да. Что-то вот...
- Так и стойте! Вас вызовут!
- Куда?
- Что — куда?
- Вызовут-то куда?
- На кудыкину гору!.. Врач вас вызовет, в кабинет!

— А какой врач-то?
 — Да окулист же, Господи помилуй!
 — Это по-латыни который?
 — Он самый!
 — А глазник, значит...
 — Он же и есть!
 — Значит, все сразу: и глазник, и по-латыни...
 — Папаша, у вас болит глаз?
 — Болит, дочка, болит!
 — Левый?
 — Левый!
 — Так вот, если не хотите, чтобы заболел и правый — стойте тихо. Поняли?
 — Я лучше пойду...
 — Во-во, лучше — идите!
 — А куда идти-то?
 — Идите вы... знаете, куда!.. К невропатологу.
 — А он глаза лечит?
 — Лечит, лечит! Он все лечит!.. После окулиста и я туда приду. Теперь уж точно!..

4. У невропатолога

— Ты представляешь, Серега, как только подхожу к этому кабинету, так начинает трясти всего!
 — А чего?
 — Не знаю! Боюсь чего-то!
 — Давно это у тебя?
 — Да нет. Лет десять, наверное. Как поддавать начал!
 — Так ты не пей дня два. Лучше — три.
 — Пробовал! Даже — четыре! Все равно трясет!
 — А трясет-то откуда?
 — Чего — откуда?
 — Ну, с ног? С рук? Или...
 — С внутри! Представляешь, подхожу к поликлинике — ничего! Только дверь открыл — все, готов! Как в лихорадке! Вот чего это?
 — Да-а-а!
 — Вот смотри на мои руки! Видишь? А ведь вчера — ни грамма!
 — Да, хреново дело!
 — А ноги? Гляди на ноги! Ходуном ведь ходят!
 — А врач-то чего?
 — Да чего врач-то! Ему лишь бы: у вас алкогольная интоксикация! Уперся, как...

— Так объяснил бы!

— Чего? Что боюсь-то, что ли?

— Ну да!

— Так говорил — не верит! Говорит, что все характерные признаки налицо... Да я еще заикаться начинаю!

— А чего?

— Да не знаю. Заклинивает, и все! Как увижу белый халат — в башке все кругом идет!

— А ты бы, это, нашатырки!

— Да пробовал! И валидол глотал, и валерьянку — только хуже! Совсем дураком становлюсь!

— А ты не смотри на него!

— На кого?

— На халат-то!

— А куда же смотреть, если он мне молоточком перед глазами крутит! Туда, говорит, смотри, сюда... А мне и прямо-то не глядится!

— А ты сцепи зубы!

— Да они у меня, как у бешеной собаки, прыгают, зубы-то! Говорю же тебе — все трясется!

— А ты думай о чем-нибудь постороннем. О жене, например.

— И это пробовал — бесполезно! Он говорит — не отвлекайтесь! Нет, тут надо что-то другое!

— А ты к экстрасенсу ходил?

— Да хотел было. А там такая цена, что на нее полгода работать надо!

— Слушай, а может, сделать наоборот?

— Как это?

— Перед тем, как идти к врачу, врежь стакан водки!

— Да ты что! Унюхает, тогда совсем завал!

— Нет, ты сначала выпьешь! Потом — валидолу под язык, и туда! Минут пять можешь свободно себя чувствовать! Пока не привьется — никакого запаха не будет!

— Слушай, может, и правда?

— Да я тебе точно говорю! Сам только так и излечился!

— А чего меня-то мытарил?

— Проверял, так ли все, как у меня.

— Ну, спасибо, друг! Пойду бутылку покупать! Жди здесь!..

ДВА ТОВАРИЩА

(Рассказ в стихах)

На квартире у Миши Эпштейна
За бутылочкою портвейна
Встретились два приятеля,
Два друга-ваятеля.
Скульпторы, короче.
Встретились среди ночи.

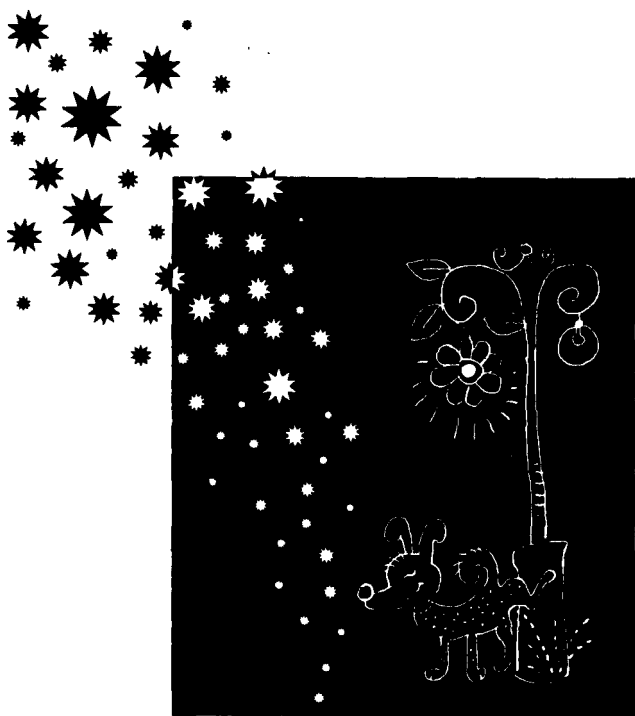
Мишаня: — Лёха,
Как ты живешь?
— Живу-то? Плохо,
Едрена вошь!
— Нет, Миш, натуры.
Писал портрет
С какой-то дуры
В семнадцать лет, —
Теперь с «букетом»
Хожу к врачу.
— Как прошлым летом?
— Молчи!
— Молчу!
Глотнув винишка,
Алеха вновь:
— Скажи мне, Мишка,
Что, есть любовь?
— Любовь — индейка,
А жизнь...
— Ты брось!
— Тогда налей-ка,
Желанный гость!
— Отпив немного,
Эпштейн сказал:
— Слепил тут Бога
В церковный зал,
Но настоящий
Не дал денег,
Мол, тошь Создатель.
— Ну?

— Сдал на склад!..
— А помнишь Зину?
— Не вороши,
А то как двину!
— Я ж от души!..
Под грохот кружек
Эпштейн сказал:
— Ну, за подружек!
— А свой бокал, —
Привстал Алеха, —
Я пью до дна...
— Сидим неплохо!
— А где жена?
— Да спит за стенкой.
— Едрена вошь,
А помнишь, с Ленкой...
— А в рыло хошь?!
— Пардон, коллега!
Но жизнь-то как?
— Влетел с разбега,
Теперь...
— Дурак!
— Ну ты, потише,
А то задам...
Алеха — Мише:
— Давай — за дам!
И снова в кружки —
струей вино,
Под хлеб и сушки
Вкусней оно.
А звезды в небе
Блестят, как ртуть.
— В вине и хлебе
Вся жизни суть! —
Привстав со стула,
Сказал Эпштейн.
— Вот сушки — Тула,
А наш портвейн —
Из тех же зерен,
Но — Кострома.
— Мишь, ты проворен
В игре ума!..
У Лехи голос,
Как скрип дверей:
— Про хлебный колос

Мычит еврей —
Загадка века!
Поверь мне, Миш...
— Ты человека
Во мне не зришь! —
Сказал Мишуха,
Наморщив лоб,
И Лехе — в ухо,
Добавив: — Жлоб!
Тот что есть силы —
Мишухе в глаз...
— Ну вы, лепилы,
Кончай намаз! —
Под своды кухни
Вошла жена.
— Нинок!..
— Утухни!
— Да мы...
— Шпана!
— Мы с Алексеем
Немного здесь...
— Как был евреем,
Еврей и есть!
— Не надо песен,
А то я как...
— Не интересен
Ты мне, дурак!
— Нинок!..
— Пьянчуга!
— Нинок!..
— Подлец!
— Ну ради друга!..
На сем — конец.

*Постоянная серьезность — это всего лишь
маска посредственности.*

Вольтер

*От весёлого
до смешного*

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

ОБМАНЩИК

— Дайте срок, — говорил директор магазина, — и на наших прилавках появится все необходимое!

Срок дали. Но так ничего и не появилось.

ГАЗЕТНОЕ СООБЩЕНИЕ

Вчера вечером у слесаря ЖЭК-3 В. Ф. Забуддыгина лопнуло терпение. Осколки разлетелись с такой силой, что жена и теща Забуддыгина доставлены в травмопункт с синяками и ссадинами.

ОПЕРАЦИЯ

«Интерпол» — такое название у работников милиции получила операция по изъятию ворованных сигарет «Интер», которые у себя под полом прятал сторож махорочной фабрики Г. Г. Никотинов.

ИЗ МИЛИЦЕЙСКОГО ПРОТОКОЛА

Житель деревни Косорылово гражданин Поддавалов М. С. будучи в нетрезвом состоянии не справился с управлением мотоцикла и врезался в телеграфный столб. Оба госпитализированы.

ИЗ ПРОТОКОЛА ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ

Причина пожара — неисправность газовой электроплитки.

ИЗ СООБЩЕНИЯ УЧАСТКОВОГО

В понедельник вечером в квартиру гр. Пистолетова Т. Т. влетела сексбомба. Взрыва не последовало, поскольку жена владельца квартиры находилась в это время на работе.

ИЗ ОБЪЯСНЕНИЯ

Возвращаясь со свадьбы от своей второй жены, где выдавал замуж дочку от первого брака, я зашел к сыну от третьего брака, где встретил брата первой жены, с которым мы зашли к сестре брата третьей жены и с ее мужем пошли в гости к моему нынешнему тестю...

ИЗ СООБЩЕНИЯ В ГАЗЕТЕ

На проспекте Ногина гр. Кривоногов Н. Г. загляделся на женские ноги и попал под ноги проходившей мимо лошади, в результате чего обе ноги Кривоногова оказались в гипсе.

ХОРОШАЯ МИНА

Он говорил, что при плохой игре надо иметь хорошую мину. И доставал ее из портфеля.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ

В стремлении к власти одни зарабатывают политические очки, другие — по очкам.

О ЦЕНАХ

Галопирующие цены трудно догнать, твердые — не по зубам, а до высоких — не дотянешься.

ТЕПЛЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Он много лет просыпался раньше своей совести, затем перестал будить ее вовсе.

СИЛА СЛОВ

Его считали умным человеком, поскольку глупости он всегда говорил торжественно.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

— Пророков в своем отечестве просим собраться в перерыв у четвертого микрофона!

ПРОФЕССИЯ

Профессия — хорошо информированный источник.

ИЗ АНОНИМКИ

Пользовался уважением в корыстных целях.

ПОПАЛ В ЗОНУ

Гр. Посиделкин И. И. четвертый раз попал в зону. На этот раз — в рублевую.

СНОВА СЕЛ

Писатель В. Графоманов, выйдя из заключения, снова сел. На этот раз — за роман.

ВЕЖЛИВАЯ ПРОСЬБА

— Извините, вы не могли бы мне одолжить рублей пятнадцать-двадцать, а то у меня ничего не осталось, кроме вот этого ружья, ножа и кастета?..

ВОСПИТАНИЕ

- Вы били своего ребенка?
- Да, но с целью самообороны!

ЦЕНА УДАРЕНИЯ

К писателю приходит слесарь и говорит:

— Я пришел поставить вам новый унитаз!

— Зачем?

— Прочитал в газете, что вам надоело писать в стол.

ИЗ КОМПЕТЕНТНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Открытие памятника Дзержинскому откладывается до следующего путча.

ИЗ ОБЪЯВЛЕНИЯ

Пропал кобель. Кличка Боря. Окрас рыжий. Особые приметы: при разговоре заикается...

ИЗ ЗАЛА СУДА

— Вы, доктор, оскорбили человека, назвав его идиотом!

— Ну что вы, я просто поставил диагноз!..

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Освободившись от вредных привычек, он потерял свою индивидуальность.

ДЕТСКАЯ ЛОГИКА

— Почему ты решил, что твой дедушка был артиллеристом?

— Он сам говорил, что всю жизнь не расставался с Катюшей!

ДИАЛЕКТИКА ЖИЗНИ

Раньше он подавал надежды, теперь подает Надежде кофе в кровать.

ТЕПЛАЯ ВСТРЕЧА

— Очи черные, очи жгучие... — с большим чувством пела супруга слесаря Пивоглотова Н. И., когда тот приходил домой с подбитым глазом.

ИЗ НАУЧНОГО ДОКЛАДА

У наших ученых никогда не было в мозгах застоя, даже в период застоя.

СЕМЬ РАЗ ОТМЕРЬ

Если у вас не хватает денег на питание, это не значит, что надо ложиться на операцию по удалению желудка.

ИЗ РЕПОРТАЖА

В связи с отсутствием шампанского вот уже две недели задерживается спуск на воду нового теплохода.

РЕЗУЛЬТАТ РАСПАДА

С распадом Советского Союза из магазинов исчезли все совковые лопаты.

ПРИМЕТА ВРЕМЕНИ

Если начальника стали называть дураком — жди повышения.

ДА УЖ!

Если больной выписался, значит у него все в порядке. С мочевым пузырем.

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ

После того, как он кому-то протягивал руку, те начинали протягивать ноги.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В БОКС

Когда бывший мастер спорта Ф. Зуботычин вернулся в бокс, то с ужасом понял, что... его машины там нет!

ИЗ ГАЗЕТНОГО СООБЩЕНИЯ

Несмотря на то, что температура в комнате всю зиму не поднималась выше пяти градусов, жена кочегара Уголькова Д. Д. родила двойню. Чук и Гек — так называли малышей — чувствуют себя хорошо.

БАННЫЙ ВАРИАНТ

В бане висело объявление: «Без нужды душ не открывать!» Какой-то шутник к слову «душ» приписал букву «у». Что ж, действительно, «без нужды душу открывать» незачем. Тем более — в бане.

СЕ ЛЯ ВИ

К сожалению, наша независимость всегда от кого-то зависит.

ИНФОРМАЦИЯ

Сегодня газета «Завтра» опубликовала статью из газеты «Сегодня» под заголовком «Сегодня и завтра», за что завтра редакция газеты «Сегодня» подаст в суд на газету «Завтра».

ПРАВО ВЫБОРА

— Выбираю мат! — заявил шахматист, когда его попросили выбирать выражения.

ДОПОЛНЕНИЕ К РЕКЛАМЕ

— А сейчас наши девушки из дома моделей «ГАЛЬ-ЮН» покажут вам свои туалеты. Все они очень разные, но объединяет их одно — отсутствие сливных бачков!..

ПО СЛЕДАМ НАШИХ МУЗЫКАНТОВ

Когда у «Блестящих» «Иванушек-интернейшнл» «Ногу свело», они превратились в «Отпетых мошенников», устроили «Чай вдвоем» с «Мумий-тролем», нанюхались «ДДТ» и разбили «Аквариум», затем сели в «Машину времени», подняли «Руки вверх» и поехали на «Стрелки», где кричали «Браво» до тех пор, пока не получили «На-на».

ВРЕМЯ ВЫЛЕТА

В четверг министр финансов вылетел в Швецию, поскольку в среду он вылетел из министерского кресла.

О НАШИХ КАМНЯХ

Семейные проблемы камнем висели у него на шее, отчего он всегда ходил с каменным лицом и носил камень на сердце, в результате чего у него появился камень не только в почке, но и за пазухой.

ПРЯМОЛИНЕЙНЫЙ КРИВНЮК

В прямом эфире в г. Кривой Рог депутат Кривнюк В. П., прямо посмотрев в телекамеру, криво улыбнулся и прямолинейно заявил, что кривить душой не намерен.

О БРАКЕ

— Самый большой брак в нашей работе — снижение количества браков! — сказал на собрании коллектива директор Дворца бракосочетания.

ДОСТИЖЕНИЯ НАУКИ

Труп Ленина не разложился даже во время «оттепели».

БЕЗВРЕДНЫЕ СОВЕТЫ

Если вы не накололи дров, наколите жену: скажите, что накололи.

Если жена на ваш вопрос «Где пила?» ответила: «У подруги!» — не торопитесь уточнять, — пила может оказаться дома.

Если ваша жена изменила прическу, это не значит, что она изменила вам.

Если вашей жене не нравится запах перегара, купите ей новую фетюрницу с антиперегарным устройством.

Если вы называли свою жену другим именем, то... Ну, это уже завал!

Если вы решили покончить жизнь самоубийством и записать весь процесс на видео, лучше всего для этого подойдет пленка фирмы «Угробишен каюк»!

Если вы решили открыть дверь незнакомым людям, спрячьте деньги, приготовьте диван, веревку, липкую ленту и уют!

Если вас привязали к стулу, заткнули рот и грозятся отрезать... В общем, скажите им, паразитам, где деньги лежат, а то ведь отрежут!

Если вашу дверь открывают с помощью автогена, не кричите: «Прекратите хулиганить!» или «Сейчас вызову милицию!», а по веревочной лестнице спуститесь вниз и долго бегите а неизвестном направлении!

Если вам в окно выстрелили из гранатомета, на дверь повесили дохлую кошку, — отдайте столько, сколько просят и примите на работу того, кого предлагают.

Если вам хотят пересчитать зубы и ребра, не нужно доказывать, что вы недавно были у стоматолога и хирурга!

Если вы решили резать правду-матку, не называйте это хирургическим вмешательством!

Если камень за пазухой мешает вашему движению вперед, уроните его на ногу идущему рядом!

Если вы решили оставить след в литературе, обязательно ходить в издательство в грязной обуви.

Если человек смеется и плачет одновременно, значит к нему одновременно пришла налоговая инспекция и налоговая полиция.

— Если ты оскорбишь меня подозрением, я тебе изменю! — заявила гражданка Трахина М. М. своему мужу, когда тот вернулся из командировки и обнаружил в шкафу голого мужчину.

К ответственности привлекается гражданка Сякина Н. Н. за оказание сопротивления сотруднику милиции, который хотел ее изнасиловать.

В результате следственных мероприятий выяснилось, что гражданка Бесполова И. И. живет сорок лет с гаком. Кто такой Гак — установить не удалось.

Директор бассейна купался каждый день... в лучах славы.

Подсудимый признался, что он действительно убивал... время.

ДИАЛОГИ В АВТОБУСЕ

* * *

— Реклама заколебала! После этих прокладок на жену смотреть не хочется! Кариес ночью снится! Снег идет, а мне кажется — перхоть!..

— Брось! Сделай паузу, скушай «Твикс»!..

* * *

— Вчера выхожу из автобуса — хватать, а кошелька нет. Мужик рядом стоит, говорю: «Ты?» Он — бежать!

— Догнал?

— Догнал! Отобрал кошелек. Домой пришел, гляжу — не мой!..

* * *

— Вчера ходила на рынок сапоги дочке посмотреть. Большая уж девка, помодничать хочется.

— Ну и что?

— Ну и все! Посмотрела и ушла. Денег-то все равно нету.

— А дочка?

— Не велика принцесса, и в старых зиму-то побегает!..

* * *

Раньше семьей на одну зарплату жили. Мебель покупали, в гости ходили, мечтали о чем-то.

— А сейчас о чем мечтаешь?

— Чтобы контролеры не вошли!..

* * *

— Секретарша совсем от рук отбилась! Вторую неделю только по врачам и бегают!

- А ты вздуй ее как следует!
— Так и сделал! Теперь вот бегают...

* * *

— Телевизор включишь, а там все убивают, стреляют да режут! А то развратничать начнут! До того противно, хоть не включай!

— Так и не включай!

— Ну, дед у меня разве позволит! Ему это дело только давай! Как маленький, все равно!..

* * *

— За квартиру заплатила, лекарство купила, долгишко отдала — вот и пензии нет! Как жить?

— А ты за кого сердцем-то голосовала, бабка?

— Как за кого? За этого, как его... За кого же еще!..

* * *

— Мамаша, это «Подбелка»?

— Нет, милоч, теперь эта остановка называется «Площадь Богоявления»!

— Ну-у, жаль! «Подбелка» лучше!

— Почему?

— С похмелья не выговорить!

* * *

— Эти козлы влетают и давай нас: ха! йе! йя! фа! бамс! тырс! дынс!.. Отпад, короче! Финиш!

— А вы?

— А потом мы их: татанс! бабамс! бубумс! бебемс! ту-туф! дидж! Короче, ништяк оттянулись!..

* * *

— Дед, тебе лет-то сколько?

— Сто!

- Сколько?
- Сто!
- Не врешь?
- Не, просто сыпьясие не выговариваю!..

* * *

- Картошку в этом году сажать будешь?
- Если самого не посадят!
- За что?
- За мешок картошки!..

* * *

- Доктор посоветовал «Биттнер» пить. Захожу в аптеку, а он дороже моей пенсии!
- Бабуля, лучший «Биттнер» — это «Столичная»! Гони пять червонцев, и через полчаса — бегать будешь!..

* * *

- Товарищ водитель, откройте дверь, там мужику заднюю ногу придавило!..

* * *

- Вы что — вор?
- Нет, я просто...
- А я-то, дура, поверила! Слышу — лезет. Даже покраснела вся!.. Держите его!..

ИЗ ДНЕВНИКА КОММЕРСАНТА

Сентябрь-98

СЪЕЗДИТЬ: — в банк
— в баню
— в церковь
— Б. Е. по роже

ЗАМОЧИТЬ: — белье в ванной
— тещу на балконе

ПОВЕСИТЬ: — белье на балконе
— тестя в ванной

СНЯТЬ: — с работы Костю-бармена
— белье с балкона
— грех с души
— деньги в банке
— телку в баре
— квартиру для телки

ТРАХНУТЬ: — соседа по башке, чтобы не вякал
— М. — непременно
— С. — обязательно
— Н. — если успею
— О. — если успеет
— Л. — если смогу

ОТКРЫТЬ: — казино
— памятник архитекторам демократии
— глаза архитекторам демократии на бес-
пределшахтеров на Горбатом мосту
— валютный счет у Вована
— Америку с телкой из бара

ЗАКРЫТЬ: — дело о фальшивых баксах
— глаза на штучки в казино
— рублевый счет у Бобана
— вентиль на газухе

МАХНУТЬ: — «Форда» на «Тайоту»
— «Тайоту» на «Хонду»
— «Хонду» на «Мерса»
— «Мерса» на «Линкольн»
— рукой на соседа
— на Канары с телкой
— телку на креолку
— креолку на футболку
— футболку на заколку
— заколку на монголку
— монголку на иголку...

ИЗ ЖИЗНИ СЛОВ

О ПРЕССЕ

Я опоздал вчера на завтрак
И отложил десятки дел,
Но прочитать газету «Завтра»
Сегодня так и не успел.

Во вторник, будучи свободным,
Осуществил свою мечту:
Купил «Вчера», купил «Сегодня»
И в среду, видимо, прочту!..

НОВЫЙ РУССКИЙ

*...о великий, могучий, правдивый
и свободный русский язык!*

Вокруг жены кручусь, как болт,
Прошу червонец на бутылку,
Супруга мне в ответ: «Дефолт!»
И чем-то твердым — по затылку.

Я завалил второй семестр,
На что декан сказал мне четко:
«Придется сделать вам секвестр!»
И вмиг порвал мою зачетку.

К любимой теще, словно ферт,
Лечу, кричу, что сир и беден.
А теща мне в ответ: «Трансферт
Такому ферту просто вреден!»

Встречаю деда у ворот,
Прошу хоть рубль, а дед мне люто:
«Четвертый месяц я банкрот,
Какая может быть валюта!»

Ну, все! Включил на кухне газ,
Приемник с голосом премьера.
Улет, товарищи! Атас!
Коньки отброшу через час...
...Спасла меня на этот раз,
Придя с бутылкой, бабка Вера!..

КНИГОЧЕЙ

Однажды днем небритый дядя
Заходит в книжный магазин
И говорит, сурово глядя:
— Убийца Фред! Кровавый Джин!

Затем, сощурившись зловеще,
Цедит сквозь зубы: — Мертвый клан!
Смерть в кабаре! Живые клещи!
Двуногий изверг! Наркоман!..

Кто — в крик, кто в обморок свалился,
Заслышав страшные слова,
Но кто-то все же изловчился
Набрать тихонечко «ноль два».

Когда в милиции мужчине
Сказали, что он «зря возник»,
Тот заявил, что в магазине
Он лишь читал... названия книг!..

ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ РАЗГОВОР

Он говорил ей: — Листопад!
Она в ответ ему: — Отпад!
Он говорил с восторгом: — Дождь!
Она в ответ ему: — Балдежь!
Он: — Не замерзла ты в плаще?
Она в ответ ему: — Ваше!
Он: — Забежим, родная, в бар?
Она в ответ: — Какой базар!
Он: — Как, любимая, коньяк?
Она в ответ ему: — Ништяк!
Он: — Хочешь, Люся, герболайф?
Она в ответ с восторгом: — Кайф!
Он: — Потанцуем, что ли, Люсь?
Она в ответ: — Ну я тащусь!..

НЕОЛОГИЗМ

«Балдеть» и «беситься» — глаголы
Живут среди нас испокон,
Знакомы они нам со школы
И прочно вошли в лексикон.

Но вот юный троечник Вова
В словах этих сделал разрез:
Начала от каждого слова
Сложил — получилось «бал-бес»...

РАЗГОВОР В МУЗЕЕ

— Что за скульптор, интересно,
Изваял сию деталь?
— Этот скульптор — Неизвестный!
— Неизвестный? Очень жаль!..

ХАРАКТЕР

Он был порой как звонкий мяч,
Но быстро тух задора пламень,
Дадут пинка — несется вскачь,
Потом опять лежит, как камень!..

ЗАКОН ПРИРОДЫ

Он на вакантные места
Любил помпезно водружаться.
Закон природы: пустота
Должна хоть чем-то заполняться!..

ГРЫЗУН

Он грыз всю жизнь гранит науки
И, засыпая вечным сном,
Признался, скрещивая руки:
— Я был прекрасным грызуном!..

ЛИЦОМ К ПОЛНОЙ РИФМЕ

Я иду себе по чаше,
Сигарету докурил.
Мне кричат: — Шагай почаще,
Не дойдешь так до Курил!

Мы расселись по машинам
За околицей у дачь.
Ты рукою помаши нам
С пожеланием удач!

Я измучился, ослаб, —
Люди сетуют, мол, стар ты.
Мне коня или осла б —
Нипочем любые старты!

Пробился маленький побег
Весенней солнечной порою.
Решает зэк уйти в побег:
«Подкоп недели две порою!»

* * *

Он огонь из камня высек,
И из камня же потом
В полный рост супругу высек,
А потом — себя — кнутом.

У доцента график плотный,
Весь в делах ученый муж,
Он по четным дням — Почетный,
По нечетным — просто муж.

Весь год судья твердил уныло
Одно и то же: «Надо ждать!»,
Пока меня не осенило:
Не «надо ждать», а «надо ж дать».

Разобрать просил я дело,
Записавшись на прием.
Мне сказал чиновник смело:
— Раз берем, так разберем!

ВРЕМЯ ЕСТЬ

Время есть еще понять —
Под угрозой человечество, —
Лет, возможно, через пять
Скажем вдруг: «Такая мать,
Время есть, а кушать нечего!»

ТАКОЙ ПРОСТОЙ

Такой простой у нас прораб —
Открыт, общителен на редкость, —
Полдня он пашет, словно раб,
Полдня орет: «Вина и баб!», —
Такой простой у нас — не редкость.

У ДАЧИ БЕЗ ПОДДАЧИ

Чтобы отметить миг удачи,
Мы сели вечером у дачи.

Шумели сосны, липы, ели,
А мы под шум и всхлипы ели.

Андрей сказал: — Моя вина,
Что нет у нас сейчас вина!

Вадим ответил: — Да, ты прав,
Но как поддашь — лишишься прав! —

Прищучит мент в один момент,
Уж лучше нюхай клей «Момент», —

Пакет на голову надень
И накайфуешься на день!

Андрей сказал: — Нет, дорогой,
«Момент» сегодня дорогой!

Затем он громко крикнул: — Стих! —
И стал читать, но быстро стих,

Поскольку к нам, как лучик света,
Пришла жена Андрея — Света...

* * *

— Я не читал «Известий», правда,
Но, говорят, в газете «Правда»
Опять печатается правда!

* * *

— Тебе совсем не дорога я!
— Прошу прощенья, дорогая,
Но шуба слишком дорогая!

* * *

Он говорил сердито: — Право,
Какое ты имеешь право
Не знать, где лево, а где право?!

* * *

— И в самой дальней части света
Ты для меня — источник света,
Моя возлюбленная Света!

ДОВОЛЬНО ВОЛЬНО

Борьба

Сейчас борьба за выживание
Несет одно переживание!..

Про это

Крошка-сын о женском теле
Первый раз узнал из ТЕЛЕ.

ОДНОСТИШИЯ

Ушел в себя на месяц, словно в отпуск.

От рук отбился — взяли на поруки.

Сбиваясь с ног, не сбейся с ритма жизни.

На крик души — спеши, ведь не чужая.

Убил он время в поисках маньяка.

Ничто — не нечто, но подумать надо.

Стреляя глазками, стреляйте уж и деньги.

Глазами есть, не чавкая, — искусство.

Он в руки взял себя, как адскую машину.

Мое второе «я»? А удостоверение?

Открыл он душу, но впустить боится.

Кто не в своей тарелке, марсиане?

В СОАВТОРСТВЕ С ВЕЛИКИМИ

Открылась «Бездна», «звезд» полна:
Ярмольник, Ширвинд, Чурсина...

Затем к губам моим приник
В укромном месте, озорник...

И вырвал грешный мой язык.
А жаль, я так к нему привык!

Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Тебя назначили завгаром?

И вот нашли большое поле.
«Паши!» — сказали дяде Коле.

Не пой, красавица, при мне,
А то повешусь на ремне.

Я памятник воздвиг себе нерукотворный.
А в спонсоры взял Шинный и Моторный.

Цыганы шумною толпой
Вчера опять ушли в запой.

Дела давно минувших дней
Сейчас становятся видней.

Но вот она. За нею следом
Встаю за комплексным обедом.

Сгорел граф Нулин от стыда:
В брандспойтах кончилась вода.

Тиха украинская ночь.
Шумит одна лишь наша дочь.

Здесь будет город заложен —

В ломбарде хвастался пижон.
Назло надменному соседу
Я из квартиры не уеду!

Итак, домой пришед, Евгений
Вдруг ясно понял: он не гений!

Из тьмы лесов, из топи блат
Он вышел. Вот что значит — блат!

— О, пусть умру сейчас у ваших ног!
— Нет, умирать идите за порог!

Не правда ли, он был описан вами?
Так вот, костюм его сушите сами!

Пожатье каменной его десницы
И женщины любили, и девицы.

Онегин, я скрывать не стану
Свою приверженность к стакану.

О, боже мой, какая скука,
Когда в кармане только «штука»!

Высокой страсти не имея,
Зеленого он тешил змея.

С ученым видом знатока
Валял всю жизнь он дурака.

Но дней минувших анекдоты
Смешат и нынче до икоты.

Я вам пишу. Чего же боле,
Уж так меня учили в школе.

Вот парадный подъезд. По торжественным дням
Здесь толпится народ. Люди просят ням-ням.

Из дальних странствий возвратясь,
Вступил с вокзала прямо в грязь.

ИЗ «МЕДНОГО ВСАДНИКА»

Стонал он, дум великих полн...

Из тьмы лесов, из топи — блат
Вознесся пышно, горделиво...

Нагою твердо стать при море...

Все фляги в гости будут к нам...

И запируем на престоле...

Люблю тебя, Петра варенье...

Одна зазря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса...

А в час пирушки — холостой...

И в Думе скорбными очами
На злое бедствие глядел...

ИЗ ЖИЗНИ ПОЭТОВ

СЛЕД В ЛИТЕРАТУРЕ

Поэт Гаврила Безъязычный
Признался вдруг на склоне лет
(После бутылочки «Столичной»):
— В литературе есть мой след!

Стоявший рядом критик хмурый
Сказал: — Державин Гавриил
Оставил след в литературе,
А ты, Гаврила, наследил!..

ПОКОРЕНИЕ ПАРНАСА

Вскочил на резвого коня
Лихой поэт и стал прощаться:
— Не ждите к ужину меня,
Я на Парнас слетаю, братцы!

Я удержу себя в седле,
Я стану гордостью эпохи!..
Поэт очнулся на земле.
С конем крылатым шутки плохи!..

ОГОНЬ ДУШИ

Поэт Любимов жаждал славы.
Однажды в утренней тиши
Он произнес: — Не для забавы
Я в мир несу огонь души!

Суровый критик, шедший мимо,
Сказал Любимову: — Пиши,
Но нет огня в тебе, Любимов,
Как нет в тебе самой души!..

СИЛА ПРИВЫЧКИ

Он был лишен высокомерья,
Друзья же — в шутку! — иногда
Ему обламывали перья,
Чтоб не писал... Но шли года.

Он стал ленив, высокомерен,
Среди друзей же — разговор:
«Теперь он наш, теперь — проверен!..»
Но перья тупят до сих пор!..

НАБОРЩИК СЛОВ

Он амфибрахий путал с ямбом,
Но не щадя душевных сил,
Власть предержащим дифирамбы
К любому «дню» преподносил.

И вскоре лиру на квартиру
Легко сменил «наборщик слов»...
«Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть...» Эх, дедушка Крылов!..

СТИХОТВОРЦУ-ГРАФОМАНУ

Все ваши вирши — жвачки вроде:
Жуешь, жуешь, а все не впрок,
Но как мишени для пародий
Они прекрасны, видит Бог!..

ИЗ ЖИЗНИ ДАМ

ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА

(Репортаж из зала суда)

— Обвиняемый, скажите,
Как, зачем и почему
Вы зашли к соседке Рите?
— Да и сам я не пойму!

Захотелось вдруг веселья
Просто выше всяких сил,
А поскольку был с похмелья —
Рюмку водки попросил...

— Врет он! Врет, как сивый мерин!
Он ко мне пришел, кобель...
— Извините, не намерен
Слушать эту канитель!

Попрошу ее из зала
Срочно вывести, она...
— Я еще не все сказала!
Значит, так: живу одна,

Вдовий крест и в зной, и в стужу
Как проклятие несу...
— Вот ведь баба, все наружу,
Средь людей, а как в лесу!...

— Если можно, покороче!
— Покороче? Ну так вот:
Просыпаюсь среди ночи,
Вижу — этот хмырь идет!

Я обрадовалась, дура, —
Ну, не зря мужик пришел, —
В ожидании амура —
Поллитровочку на стол!

А пока в подвал ходила
За соленым огурцом,
Он все выпил, вражья сила,
Без закуски и — с концом!

Нет, товарищ председатель,
Заявление не возьму!
Да, не вор, но он — предатель,
А предателей — в тюрьму!

Пусть он там сидит, иуда,
Ждет решения суда, —
Я ему такого блуда
Не забуду никогда!

Впрочем, если бы он снова...
Забежал, но... так сказать...
То, пожалуй, я готова...
Заявление забрать!..

ПРИСТАВУЧИЙ

Он приставать к ней начал с мая,
Бродил за дамой, словно тень.
С июня, нежно обнимая,
Был рядом с нею каждый день.

Она его не отвергала,
Журила лишь: «Какой нахал!»
Ну, а ему все было мало,
Он тела женского алкал.

Но с октября все реже, меньше
Он обращал на даму взор...
И то сказать, для милых женщин
Загар — не вечный ухажер!..

ТЕАТРАЛКА

Однажды встретились два друга,
Один другому говорит:
— Скажи мне, чем твоя супруга
Больна, — наверное, бронхит?
Вчера в театре в первом акте
Она так кашляла, что зал —
Ее лишь слушал, а в антракте...
Тут друг товарища прервал:
— Супруге платье из Германии
Какой-то родственник прислал,
И, чтоб привлечь к себе внимание, —
Ее «кашлюнчик» и пробрал!..

НОВОГОДНИЙ СЮРПРИЗ

Вернулся из командировки
Под Новый год ревнивый муж,
Жену погладил по головке,
Немного выпил, принял душ.

И только он в семейной сфере
Поохладил ревнивый ум,
Как вдруг раздался в шифоньере
Нехарактерный в доме шум.

Супруг на шум бежит с тоскою,
А там — грузин с букетом роз.
Муж грозно: — Это что такое?
Грузин любезно: — Дэд Мароз!..

СОВПАДЕНИЕ

— Ах, какое совпадение —
На исходе стольких лет:
Ты — забыл мой день рожденья,
Я — сварить тебе обед!..

ПОСЛЕДНИЙ БУКЕТ

Говорил в «Цветах» мужчина:
— Вновь я к вам не закачусь!
— Очень жаль! А в чем причина,
Уезжаете?
— Женюсь!..

ЧЕСТНЫЙ ОТВЕТ

— Ты невинна, Люся? — с места
Взял в карьер жених. — А, Люсь?
— Да! — ответила невеста, —
Счастьем дочери клянусь!..

НА ПОМИНКАХ

И завершая скорбный ужин;
Сказал печально военком:
— Она жила с прекрасным мужем
И с нашим доблестным полком!..

НА СВАДЬБЕ

Закричал совсем не к месту
После третьей дед Илья:
— Кто еще не спал с невестой?
Лишь жених ответил:
— Я!..

ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА

Молвил дед: — В саду у Федьки
Хрен поднялся выше редьки!
Бабка: — Нинке сообщи,
Чай, потом доварит щи!..

ПОЖЕЛАНИЕ

Что пожелать тому мужчине,
Который стал рогат? — Живи,
Поскольку пользы в пантокрине
Гораздо больше, чем в любви!..

КОНСЕНСУС

В моей семье сейчас консенсус:
Пошла в целители жена.
Дочь превратилась в экстрасенса,
А я учусь на колдуна!..

СРАВНИЛ

Муж Николай супругу Веру
Привел в музей и говорит:
— Вер, ты похожа на Венеру —
Что в профиль, блин, что в габарит!

Жена ответила на это:
— Да уж, похожа, милый друг:
Живу разута и раздета,
А после смены, блин, — без рук!..

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

— Ну ты, братец, и проворен,
Всех вогнал буквально в шок —
Спер невесту, как Печорин!..
— Да уж, был такой грешок!

— Ну а родственники Вали
Не догнали вас тотчас?
— К сожалению, догнали:
До сих пор живут у нас!..

УТОЧНИЛ

Хозяйка дома, чуть не плача,
Канючит каждый день: — Куркуль,
У нас квартира есть и дача, —
Пора купить бы и «Жигуль»!

Устала я крутить педали,
А на машине без хлопот
Мы свет бы вместе повидали...
Хозяин: — Этот или тот?..

ЧАСТУШКИ

Повстречала я миленка
Возле Знаменских ворот,
У него в руках — лимонка,
У меня — гранатомет!

Мой миленочек похож
На лесного идола.
Я таких противных рож
Отродясь не видела!

Мы с миленочком дебаты
Каждую ноченьку творим:
Милый — верхняя палата,
А я — нижняя, под ним!

Моя милка — мастер спорта,
Но в головке — карусель:
Привезла медаль с курорта
За стрельбу глазами в цель!

Моя милка — «аферистка» —
Вот уже который год
Продает товар за триста,
Покупает за пятьсот!

ХРОНОЛОГИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ

7.00

Опадают с яблоневой ветки
Яблоки созревшие в саду.
Я иду, ребята, от соседки,
Я домой, товарищи, иду!..

7.10

Опадают с яблоневой ветки
Яблоки зеленые в саду.
Я скажу — вернулся из разведки,
Не поверит — сразу же уйду!..

7.20

Опадают с яблоневой ветки
Яблоки ядреные в саду.
Хорошо, друзья мои, у Светки,
Завтра снова, видимо, пойду!..

7.35

Опадают с яблоневой ветки
Яблоки несладкие в саду.
Денег нет, а дома плачут детки.
Ладно, водкой душу отведу!..

8.00

Опадают с яблоневой ветки
Яблоки румяные в саду.
— Эй, сынок, показывай отметки,
Или снова двойка по труду?..

8.05

Опадают с яблоневой ветки
Яблоки тяжелые в саду.

— Ну какие, Соня, шансонетки, —
Не болтай при детях ерунду!..

8.30

Опадают с яблоневого ветки
Яблоки назойливо в саду.
— Я и сам живу с тобой, как в клетке,
А порою, просто, как в аду!..

9.00

Опадают с яблоневого ветки
Яблоки отчаянно в саду.
— Дочь, накапай папе из пипетки,
А не то с ума сейчас сойду!..

9.30

Опадают с яблоневого ветки
Яблоки подгнившие в саду.
— Я ведь, Соня, делаю пометки,
Что кричишь ты триста дней в году!..

10.00

Опадают с яблоневого ветки
Яблоки решительно в саду.
— Развестись советовали предки?
Хорошо, но только по суду!..

10.30

Опадают с яблоневого ветки
Яблоки стремительно в саду.
На закуску только пол-конфетки, —
Ничего, и так не пропаду!..

11.00

Опадают с яблоневого ветки
Яблоки занудливо в саду.
Я ушел от Зинки и от Светки,
И от Соньки, видимо, уйду!..

12.00

Опадают с яблоневої ветки
Яблоки последние в саду.
Я упал, ребята, с табуретки.
До утра в сознание не приду!..

ИЗ ЖИЗНИ АРМИИ

ГЕНЕРАЛЬСКИЙ НАСЛЕДНИК

— Ну, в кого мой сын, в папашу?
— В вас! — польстил ему народ, —
Лыс, пузат, руками машет
И орет, орет, орет!..

ПОЧТИ ПО-ЛЕРМОНТОВУ

«Полковник наш рожден был хватом...» —
Бывало, чувствуя кураж,
Без лишних слов как хватит матом!
Ну, в общем, хват полковник наш!..

СБОР НА РЫБАЛКУ

Говорил начальник штаба:
— По две «банки» брать нельзя, —
До сих пор ругает баба
За протухшего язя!

Голос подал зам. по тылу:
— И по «банке» — перебор, —
Прошлый раз жена по рылу
Так дала, что до сих пор...

Комполка прервал сердито:
— Вижу, слабый вы народ! —
Получить у замполита
По три «банки» — и вперед!..

ПИСЬМО ИЗ АРМИИ

Казарма, клуб, столовка, плац —
Мир, огороженный забором.
Сержант зубами клац да клац,
Ефрейтор шелк да шелк затвором.

Бойцы по лужам — шлеп да шлеп, —
Сто двадцать шлепаний в минуту.
Сержант по кличке Губошлеп
Гоняет роту по маршруту.

Наш старшина ко кличке Руль
Явился пьяный в дым к обеду.
Старлей в четверг ушел в патруль,
Теперь вернется только в среду.

Начфин у нас по кличке Болт,
Когда не пьет — смирней овечки,
А как поддаст, кричит: «Дефолт.
Секвестр!» и прочие словечки.

А замполит наш — стук да стук,
Ему мы дали кличку Дятел,
Он свой «Жигуль» за сорок штук
Вчера толкнул и сходу запил.

Начпрода мы зовем Пельмень,
Пельмень точь-в-точь — тюлень на суше,
Уже не сходится ремень
На этой вечно пьяной туше.

А зампотылу, старый хрен,
Забрался, блин, на даче в бочку
И все кричал: «Я — Диоген!»,
Чем напугал жену и дочку.

Начальник штаба — Фантомас...
Все, допишу потом, Сережа,
А то уже десятый час.
Твой друг Иван по кличке Рожа!..

ПЕРВАЯ КОСМИЧЕСКАЯ (Звездные страдания)

Говорила милка: — Прав ты,
Дорогой мой Александр,
Я пошла бы в космонавты,
Да не сшить по мне скафандр!

Милка к звездам полетела,
Хорошо — не на Луну.
Я ее за это дело,
Как вернется — звездану!

Моя милка на орбите
Ухажера завела.
Как вернется — извините,
Погоняю вдоль села!

Милка выйти захотела
В чистый космос, и назад.
Жаль, для милкиного тела
Люк немного узковат!

Моя милка — вот зараза! —
Вышла в космос, не спросясь.
Говорил ведь: без приказа
Ни в каку дыру не лазь!

Моя милочка решила
Из полета сделать фарс:
Позвонила в ЦУП, дурила,
Говорит: «Лечу на Марс!»

Послезавтра, блин, неделя,
Как без милки дни влачу.
Баста! Первого апреля
На свиданье к ней лечу!..

СОЛДАТСКИЕ ЧАСТУШКИ

Пригласили как-то в штаб
Девяносто девять баб.
Что ж, вы спросите, не сто?
Ну, а сто-то нам на что!

Моя милка против танка
Выйдет хоть с берданкою,
Как чапаевская Анка...
Да и звать-то Анкою!

Моя милка учудила,
Толстомясая кобыла:
Встала задом к повороту, —
Задержала на день роту!

ИЗ ЖИЗНИ ОРГАНОВ

НОЧНОЙ ДИАЛОГ

- Нет поблизости мильтона?
- Нет, по-моему, а что —
- Нужен вам слуга закона?
- Нет! Снимай, мужик, пальто!..

СЕМЕЙНЫЙ ДИАЛОГ

- Отсидевшего год зэка
Навестила вдруг жена.
— Стал похож на человека! —
Констатирует она.
- Как сидится-то?
— Как дома:
На любой шажок — запрет,
Каждый вечер жду разгона
И жратва — хоть ешь, хоть нет!

ДИАЛОГ В ЗОНЕ

Говорил майор в апреле:
— Я прошу простить меня:
Вы случайно отсидели
В зоне больше на два дня!

Отвечает зек: — Прощаю,
Понимаю — совесть, честь,
Но когда вернусь к вам в мае,
Эти дни прошу учесть!..

ЦЕНОВОЙ ДИАЛОГ

— У меня к вам, если честно,
Веры нету ни на грош,
Но надеюсь, что известно,
Сколько вам дадут за ложь?

— Да, удастся мне едва ли
Избежать душевных мук,
Но за ложь мне обещали
Пятьдесят зеленых «штук»!..

ДАМСКИЙ ДИАЛОГ

— Несомненно, дорогая,
Ты нарядней всех вокруг,
Ох, немало, полагаю,
Получает твой супруг!

— Понимаешь, эта мода
Так изменчива сейчас...
А супруг четыре года
Получил последний раз!..

В АМЕРИКАНСКОЙ ТЮРЬМЕ

— Не боишься ли, приятель,
Что буквально через год, —
Вопрошает надзиратель, —
От тебя жена уйдет?

Заклученный отвечает:
— Не боюсь! Во-первых, Смит,
Кэт во мне души не чает,
Во-вторых, — сама сидит!..

ВЕК УЧИТЬСЯ

Сержант милиции Катанин
После просмотра фильма «Спрут»
Сказал своей подруге Тане:
— Все итальянцы, Таня, лгут!

Сержант поправил портупею,
А Таня выразилась так:
— От комиссара я балдею,
Он клевый кореш и чувак!

Чуть не упал сержант с балкона,
Затем пошел в читальный зал,
Там попросил словарь жаргона
И целый вечер изучал!..

ДОСТОЙНЫЙ ОТВЕТ

Крошка-сын отца-сержанта
Робко спрашивает: — Тут
Я слышал, что без таланта
К вам не службу не берут?

— Да, конечно же, не всякий
Может в органах служить.
Вот приказано с собакой
На дежурство выходить!

— Почему же так? Опасно?
— Нет, все дело в голове:
Голова одна — прекрасно,
А с собакой — сразу две!..

ПРИШЕЛЬЦЫ

Летают в космосе «тарелки»,
Земной им нравится причал.
Вчера мой друг в районе Стрелки
Двоих пришельцев повстречал.

Он там решил распить бутылку,
Ну и присел, как все сидят.
И вдруг спиною и затылком
Стал ощущать суровый взгляд.

Глядит — здоровые детины,
Оплечь — широкие ремни,
В руках — приборы из резины,
В глазах — нездешние огни.

И провоцируют на сделку,
Хотя и прут не напролом,
Мол, просим вас пройти в тарелку,
Она тут рядом, за углом.

Мой друг понятливый мужчина,
Забеспокоившись, сказал:
— А в чем, товарищи, причина?
Я что, не нравлюсь вам? — И встал.

Зажав в руке остатки зельца,
Он громко выкрикнул: — Вперед!
Заулыбались два пришельца...
Ох, и улыбчивый народ!..

МОНОЛОГ В РОВД

Как-то раз на вечеринке,
Заглотив пузырь вина,
Без пальто, в одном ботинке,
У раскрытого окна, —
Жарко, все-таки — весна, —
Подвалив к соседке Нинке,
Размалеванной блондинке,
Длинной, тощей, как былинка,
В тряпках, словно на картинке,
Злющей, словно сатана,
Неприступной, как стена,
Потрепав ее по спинке,
Как собаку Полкана,
Я решил спросить о рынке, —
Сам не знаю — на хрена.
А она, блин, без разминки
О башку мою две кринки...
Но ведь я же не шпана —
Ни кастета нет, ни финки...
А потом еще жена
Затряслась, как из «На-на»...
Во — настали времена!
Нет, товариш старшина,
Жизнь такая не нужна!
Забирайте! Все! Хана!..

ВАХТЕРША И ОПЕР

Все подъезды заколочены,
А к Людмиле опер прет...
Эй вы там, уполномоченный,
Через задний при проход!..

Муж-то Люськин? Он замоченный
Костей-киллером вчера.
Только вам, уполномоченный,
Знать про это бы пора!..

Чем вы этак озабочены?
В голове с похмелья муть?..
Если вы — уполномоченный,
В документик бы взглянуть!..

Мой-то? Может, и просроченный,
Я ведь в паспорт не гляжу...
Может, вам, уполномоченный,
Граммов сто для куражу?..

Вы чего такой всклокоченный?
Не дала? Она у нас,
Дорогой уполномоченный,
По утрам дает лишь в глаз!..

Что, весь день теперь испорченный?
Это фокусы для дам,
А на кир, уполномоченный,
Я сама вам денег дам!..

НАПУТСТВИЕ

Пожарный явно был в ударе,
Всех поразил его рассказ:
— Вчера, ребята, на пожаре
Я тещу собственную спас!..

Тут командир пожарной части
Сказал коллеге своему:
— Пожар, конечно же, несчастье,
Но торопиться ни к чему!..

ОБМАН СЛУХА

Сгорел магазин неожиданно винный,
Товарищ из органов был на пожарище,
Завмаг же, я слышал, явился с повинной —
Он в слове «товарищи» слышал «товар ищи»!..

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Сидит у ГАИ одинокий калека
С плакатом в руках, где такие слова:
«Включайтесь в борьбу за права человека!»
А снизу приписка: «Верните права!»

ИЗ ЖИЗНИ МЕДИКОВ

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Путь в науку труден, долог,
Крут, извилист и тернист.
У меня жена — эколог,
Сын — уролог, я — дантист.

У жены зарплата — триста,
У уролога — пятьсот,
У меня, специалиста
По зубам, — шесть тысяч (в год).

Говорит жена: — В Европе
Воздух чище, чем у нас!
— Мы в такой глубокой... яме, —
Добавляет сын, — атас!

— В ваших спорах мало толку, —
Я сказал, — но выход есть:
Зубы вырвать и — на полку, —
Все ж поменьше будем есть!..

ДВЕ ЖЕРТВЫ

— Доктор, есть один вопросец:
Вот уже двенадцать лет
Говорят, я — рогоносец,
Но рогов впомине нет!

Доктор вежливо ответил:
— Сам я жертва этих врак:
У меня, сказали, ветер
В голове, но там — бардак!..

ИЗ ЖИЗНИ ПОЛИТИКОВ

ПОЗИЦИЯ

Как понять политэлиту:
Не жалея средств и сил,
Встать готовы на защиту
Всех и вся, кто... победил?..

ВОПРОС

Скуратов Юрий за валюту
С Кремлем сражался, аки зверь.
А что, Скуратова Малюту
Вот так бы выгнали за дверь?..

УТЕШИЛ

Вложил недавно в уши вату
Главбух и слухи опроверг:
— Все, все получите зарплату,
Но после дождика в четверг!..

ОСТОРОЖНЫЙ

— Я не могу поставить подпись
На документах, господи,
Сейчас идет паденье в пропасть,
Вот долетим до дна, тогда...

ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЙ

— И в академии секвестр,
Вот цены с этого момента:
Экзамен — стольник, а семестр —
Полтыщи баксов со студента!..

ЛИЗОБЛЮДЫ

Уже ни крошки нет на блюде,
Но кот с усердьем лижет дно...
Когда в подобной роли люди —
Скорее, грустно, чем смешно!..

ВИЛЯТЬ ХВОСТОМ

Меньшие братья наши многие
Хвостом виляют аж с утра...
Бывают, правда, и двуногие
В подобном деле — мастера!..

ДЕПУТАТСКИЕ ХЛОПОТЫ

Депутат Памфилова, —
Встретив у Зюганова, —
Изругала милого,
Как кота поганого.

— А чего тут странного,
Депутат Памфилова,
Если у Зюганова
Вы застали милого?

Лучше, что ли, милого
Встретить с Хакамадою,
Или у Анпилова
На щеке с помадою?..

Что тут стало с Эллою,
В чувствах оскорбленную:
Стала Элла белою,
А потом зеленою.

— Я клянусь вам Думою,
Селезевым руленной —
Ревновать не вздумаю
Лишь к Е. Б. Мизулиной!..

РАЗГОВОР С НАРОДОМ

— Мне, друзья, предельно ясно,
Как избавиться от бед! —
Заявляет громогласно
Душелюб и людовед.

— Назову вполне серьезно,
Кто сегодня главный вор! —
Говорит с трибуны грозно
Словоблуд и крючоктвор.

— Ах, как жалко ветерана,
Потерявшего приют! —
Голосит с телеэкрана
Шелкопряд и лизоблюд.

Век за веком, год за годом,
День за днем, за часом час
Так «базар ведут» с народом
«Слуги верные» у нас...

ДЕНЬ ПРИМИРЕНИЯ И СОГЛАСИЯ **(Социологический опрос)**

— Праздник? В нашей катавасии
День за днем, за годом год
Примиренье и согласие,
Хоть со скрипом, но идет!..

— Мне сегодня нос расквасили,
Сняли куртку и берет...
Примиренье и согласие?
В наше время? Чушь и бред!..

— Я балдею, блин, в атасе я!
Ты чего гундишь, чувак?
Примиренье и согласие?
Без базара, блин, ништяк!..

— Я вчера ушел от пассии,
Понял, хоть и во хмелю:
Примиренье и согласие —
Путь в дурдом или в петлю!..

— Мы с утра с Васюхой вмазали!
Вась, ну чё ты там прилег!
Примиренье и согласие?
Праздник! Верно, Василек?..

ПОДАРКИ К РОЖДЕСТВУ

Новый год! Не за горами
Светлый праздник — Рождество.
— Что, дружок, подаришь маме?
— Извините, ничего!

В тишине ночного парка
Мерзлых веток перезвон.
— Что, и папа без подарка?
— Извините, но и он!

В небе звезды по карату,
Месяц льет бодрящий свет.
— Что-нибудь подаришь брату?
— Извините, тоже нет!

— А соседского Николку
Чем порадуешь? — Ему
Подарю вон ту двухстволку,
Если с гвоздика сниму!

Коля сходит с ней под арку,
Грабанет там кой-кого,
Вот и будет по подарку
Всем родным на Рождество!..

ОБОЗНАЛСЯ

Однажды близ Тутаева *
Я повстречал Басаева.

А может, не Басаева,
Но около Тутаева.

Нет, точно, не Басаева,
Я встретил близ Тутаева.

Да и зачем Басаеву
Тащиться вдруг к Тутаеву.

Навалом у Басаева
Проблем и без Тутаева.

Ну, в общем, близ Тутаева
Я встретил не Басаева!..

* Тутаев— город в Ярославской области.

С ПОМОЩЬЮ КЛАССИКА

«Повсюду стали слышны речи...»:
— Долой! Разруха! Кризис! Крах!..
Вот кто-то мне уже на плечи
Забрался с лозунгом в руках.

«И вот нашли большое поле...»,
Гектара в три, а может, в пять,
И ну орать!.. Я — хуже, что ли? —
Со всеми вместе стал орать!..

САИД — СУХОВУ (*Наши дни*)

— Встретив трудности, не сдавайся,
По пустыне идя домой,
Ну, а встретишь в пути Чубайса,
Отпусти его, рыжий — мой!

ИЗ ЖИЗНИ БОГАТЫХ

ПАМЯТКА БИЗНЕСМЕНА

Если в дверь звонит сосед
Долго и натужно,
Значит, здесь чеченский след,
Открывать не нужно!

Если к офису ОМОН
Подкатил на танке,
Значит, он намерен шмон
Сделать в вашем банке!

Если к вам пришел бандит —
С «пушкой», по заказу —
Тут уж вам не повредит
«Ноги сделать» сразу!

Если вдруг пришла жена,
А у вас — подруга,
Даму можно из окна
Выбросить с испуга!

Если к вам пришла любовь —
Молодая, в «слаксах» —
Вы спросите, хмуря бровь,
Сколько просит в баксах!

Если вам звонят с Канар
Или из Бильбао,
Отвечайте прямо с нар,
Не вставая: — Чао!..

ДРУЗЬЯ БИЗНЕСМЕНА

Я не робкого десятка,
Но с собою поутру
Ежедневно для порядка
Я Макарова беру.

Я не евнух и не инок,
Я не связан со шпаной,
Я большой любитель финок,
Две из них — всегда со мной.

Поотстал слегка от моды
Вальтер, старенький плейбой,
Но его во все походы
Все равно беру с собой.

Мне Калашников не нужен —
Многовато громких фраз, —
Я сейчас с Береттой дружен,
Итальянка — высший класс!

Обожаю Тетю Таню,
С ней, с ТТ, мне равных нет,
С ней хожу я в клуб и в баню,
На бега и на балет.

Говорят мне, что друзьями
Я обманут буду, — чушь!..
Завтра утром на Майами
Еду с парочкой Катюш!..

ЖИЛЬЕ И ЖУЛЬЕ

Не жалеет на жилье
Денег русское жулье.
Строят отчие нахалы
Супер-гипер-Тадж-Махалы,
То есть дачи до небес
С прибамбасами и без.
Виллы строят и фазенды
Под банкеты-уикенды,
По десятку гаражей
В пять и больше этажей.
Выйдя, так сказать, за рамки,
Строят офисные замки.
Банки, баньки — первый сорт,
Не житуха, а курорт!..
Эх, жить бы им умеренно,
Да денег-то — немерено!..

КОПЕЕЧНОЕ ДЕЛО

Однажды «Мерс» влетел в «копейку»,
Из «Мерса» вышел господин:
— Тебе, мужик, влетит в копейку
Восстановленье тачки, блин!..

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНЫЙ

Услыхав, что будут гости,
«Целых двадцать пять утроб»,
Муж стал быстро прятать трости
Из прихожей в гардероб.

— Что, боишься — заиграют? —
У жены в глазах испуг.
— Нет, боюсь, что опознают! —
Отвечает ей супруг.

ИЗ ЖИЗНИ СЕЛА

СТРАДА ДЕРЕВЕНСКАЯ

Целый день лежал в овсе
Комбайнер товарищ Коля.
Он лежал во всей красе.
А чего, он был как все.
Завтра утром по росе
Уберут их бабы с поля...

УРОК АРИФМЕТИКИ

Дети спросили отца-тракториста,
Лишь тот очнулся, нюхнув нашатырь:
— Сколько получится: двести плюс триста?
Папа, икнув, им ответил: — Пузырь!..

БЕЗЫДЕЙНЫЙ

У шофера Иванова,
Что возил зерно на ток,
Немарксистская основа:
Пропил серп и молоток!..

ПИСЬМО В ДЕРЕВНЮ

Здравствуй, дед! Живу у Насти,
От которой муж ушел.
Организм трещит на части,
Принимаю лишь рассол.

Я, дедуль, аж месяц кряду
Кушал водочку, стервец, —
В организме столько яду,
Укушу кого — конец.

Внешний вид имею хилый,
В голове пурга, метель.
Константин Иванович, милый,
Забери меня отсель!

Я хоть пью, но я же гордый,
Не какой-нибудь бандит,
А вот Наська рыбьей мордой
Мне по морде норовит.

Я пишу тебе при свечке,
Отключили тут свет.
Как там козы? Как овечки?
Как там наш бычок Валет?

Ну а как там наша банька?
Как там речка, роща, луг?
До свиданья! Жуков Ванька,
Твой родной любимый внук!..

ДЕРЕВЕНСКИЕ СТРАДАНИЯ

Дождь идет четвертый день.
К Светке на свидание
Мне идти не то что лень,
Просто нет желания.

Ни тропинок, ни дорог,
Сплошь одни канавочки.
Без резиновых сапог
Не дойти до Клавошки.

Помню, к Зойке, трепеща,
Бегал по пороше я.
А явлюсь к ней без плаща —
Не поймет хорошая.

Может, сбегать для понта
Мне до Ленки Лаховой?
Нет, ребята, без зонта
Женишок я аховый.

Дождь идет четвертый день
По моей сторонushке.
— Все мечтаешь, старый пень! —
Слышу голос женушки...

ДЕРЕВЕНСКИЕ ГУЛЯНЬЯ

Шли, гуляли вдоль реки
Наши Маши с Колями,
А за ними мужики —
Пьяные да с кольями.

Мужики идут на риск —
Что ж ломать традицию! —
Парни — в воду, девки — в визг,
Ну а я — в милицию.

Закрутилась карусель
С криками, с припевками.
Парни выплыли на мель
И смотались с девками.

А менты и мужики,
Чтоб не портить сводочку,
Под соленые грибки
Принялись за водочку.

Вновь гуляют вдоль реки
Наши Паши с Аллами,
А за ними, мужики,
Я хожу... с фингалами.

РЯДОМ С КЛАССИКОМ

«Вот смерклось. Были все готовы...»,
Туман окутал ширь полей,
И лишь из глотки дяди Вовы
Неслось протяжное: — Нале-е-ей!

«Не многие вернулись с поля...» —
До водки каждый был охочь,
А бригадир наш дядя Коля
Так в борозде и спал всю ночь!..

ИЗ ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

Младший сын — за коммунистов,
Старший — ярый демократ,
Дочь — всецело за центристов,
За кадетов — муж и брат.

Зять рулетку крутит в баре,
Шурин — вечно во хмелю,
Тесть — торговец на базаре,
Ну а я... их всех кормлю!..

ИСПОВЕДЬ ОБМАНУТОГО ВКЛАДЧИКА

Завтра утром со стены
Я сниму берданку
И с восточной стороны
Подойду к сбербанку.

С юга деверь подойдет
Со своей винтовкой.
Притаранят пулемет
Шурин с сыном Вовкой.

Запад будет прикрывать
На новейшем танке
Офицер запаса зять
В форменной ушанке.

Ну, а с севера братан
Прилетит кометой,
У него аэроплан
С подвесной ракетой.

В общем, шурин, деверь, брат,
Я и зять в ушанке —
Выбьем бабкин вклад назад,
Что лежит в сбербанке!

РЕНТГЕНОЛОГ

Путь открытий очень долог,
Труден, нет ему конца.
— Что такое — рентгенолог? —
Дочь спросила у отца.

— Рентгенолог, дорогая, —
Дед Степан! — сказал отец.
— Он супругу бабу Раю
Запросвечивал вконец! —

После третьей стопки сразу
Горлопанит «зоркий» дед:
«Я насквозь тебя, заразу,
Вижу сорок с лишним лет!»

ИСЦЕЛИЛСЯ

Прочитал в одной газете
Дед при помощи очков,
Будто «лучший маг на свете»
Всем больным помочь готов!

Дед решил поправить зрение,
Испытать последний шанс,
И поехал в воскресенье
В дом культуры на сеанс!

Экстрасенс больных со сцены
Исцелял посредством рук...
Дед, когда узнал про цены,
Заикаться начал вдруг!..

БЛАГОДАРНЫЕ ВНУКИ

Как-то вечером соседу
Гордо хвастал дед Федот:
— Внук решил на день Победы
Подарить мне пулемет!

Горделивому соседу
Так ответил дед Кондрат:
— Внучка мне решила в среду
Подарить систему «Град»!..

ИЗ МРАЧНОГО ЮМОРА

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕЧТЫ

Как все на свете копая,
Он о душе мечтал и душе,
И чтоб тяжелая земля
Была полегче и посуше.

Когда же выпустил он дух,
Его обмыли, и отныне
Земля была ему, как пух,
И сухо было, как в пустыне...

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Когда-то, собираясь на балет,
Я покупал за три рубля билет,
И был одет, как карточный валет,
От галстука с рубашкой до штиблет.

Теперь же, собираясь на балет,
Беру с собой кастет и пистолет,
И кроме галстука, рубашки и штиблет,
Натягиваю я бронежилет,
Иначе, граждане-товарищи, — привет!..

ПРИКАЗАНО ВЫЖИТЬ

Все новые приказы и задания
Приходят к нам, коверкая судьбу.
Объявлена борьба за выживание,
И я включился сразу же в борьбу.

Ломал я стулья, портил табуретки,
Курочил пол, подпиливал кровать...
Через полгода — съехала соседка.
Ох, и непросто было выживать!..

УТЕШИЛ

После кораблекрушенья
Чудом спасшийся матрос
В крайней степени волненья
Задал боцману вопрос:

— Боцман, сколько километров
До большой родной земли?
Перекрыв порывы ветра,
Боцман крикнул:
— Ровно три!

От такого «утешенья»
Наш матросик сразу скис:
— А какое направление —
Влево? Вправо или...
— Вниз!..

ЗАКОН НЬЮТОНА

Сидел под яблоней Ньютон
Подолгу без движения,
Чтобы потом открыть закон
Земного тяготения.

Вчера прораб Иван Кузьмич
Изматерил Ньютона:
Ему на голову кирпич
Шарахнулся с балкона!..

ЗАРПЛАТА ОРУЖЕЙНИКА

— ПТУРС, винтовка, две гранаты,
Пистолет и пулемет —
Это часть моей зарплаты,
Да и то за прошлый год!..

ВЫПРОСИЛ

У пивной стоит бродяга:
— Пожалейте, хоть на квас
Дайте узнику ГУЛАГа!..
Пожалели, дали... в глаз!

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Размышлял террорист-одиночка
Возле им же порушенных стен,
Как назвать ему крошку-сыночка,
И решил наконец — Гексоген!..

ИЗ ЖИЗНИ ХРОНИКОВ

ПЕРЕПУТАЛ

Жена — подвыпившему мужу:
— Я ведь сказала, дорогой:
Пивка — не более двух кружек,
А в десять часиков — домой!

Мужик, с трудом соображая:
— Конечно, ты во всем права,
Но я все спутал, дорогая:
Взял пива — десять, прибыл — в два!..

УГОВОРИЛА

Возвратился муж-верзила
Из пивной, жена — пилить,
Раз пятнадцать повторила:
— Признавайся, будешь пить?

Муж выслушивал с тоскою
Долго женин нагоняй,
А потом махнул рукою:
— Ладно, буду, наливай!..

ПОЛНЫЙ КАЙФ

На прошлой неделе
У Коли, у Васи ли
Мы лихо гудели
И круто мы квасили.

Не помню, у Юли
В кафе, у Тамаза ли
Мы крепко бухнули
И клево мы вмазали.

За старой столовкой
С вонючей помойкою
Мы вздрогнули с Вовкой
И хряпнули с Зойкою.

Три дня мы не ели
Горячей картошечки,
Балдели у Нели,
Тащились у Тошечки.

Потом мы у Вали
Ширнуться затеяли,
И так заторчали —
Чуть ласты не склеили!..

ПРЕДНОВОГОДНИЙ СБОЙ

Трещит мороз, трещит супруга,
Трещит башка, трещит звонок...
Под Новый год я сбился с круга,
Но поначалу сбился с ног.

Я обошел все магазины
С огромной сумкой «Адидас»,
Купил бананы, апельсины,
Лимоны, груши, ананас.

Затем купил жене колготки —
Чем не подарок в Новый год! —
После чего бутылку водки
Вкатил без закуси. Так вот,

Не ограничившись бутылкой,
Еще взял две и — на погост,
Где над заснеженной могилкой
Уговорил их в полный рост.

С погоста — в бар, там встретил друга,
Который, как и я, намок...
А почему я сбился с круга?
Да потому, что сбился с ног!..

ИЗ ЖИЗНИ СПОРТСМЕНОВ

УДАЧЛИВЫЙ СТРЕЛОК

Стрелок Осечкин был в ударе:
Перед отправкою в Сеул
Он у товарища в пивбаре
Пятнадцать долларов стрельнул!..

МЕТКАЯ НАСТЯ

Спортсменка Настенька Стрелкова
Всегда стреляет точно в цель:
— Стреляя глазками, любого
Я уложить могу в постель!..

ВЕЖЛИВАЯ ПРОСЬБА

— Стой, стрелять буду! — два раза
Крикнул мент и ну палить.
— Ну стреляй, стреляй, зараза!
— Дай, приятель, закурить!..

ИЗ ЖИЗНИ РЕКЛАМЫ

ПИСЬМО В ГАЗЕТУ

...Перхоть, кариес и запах,
Что от пота и во рту,
Нам привез, конечно, Запад
На своем гнилом борту.

Дети, женщины, мужчины —
Одиночно и в кругу —
То в шампуне, как в пучине,
То со жвачкой на снегу.

Рекламирует вояжи
Каждый день мордастый хряк.
А питье воды на пляже —
Это ж форменный бардак!

Хруст идет с телеэкрана,
Охи, ахи, вой и крик...
Жаль соседа-ветерана,
Безобидный был старик!

Как обычно, на балконе
Дед читал «Калейдоскоп»,
Ну а тот, на стадионе —
Заорал, старик и — хлоп...

А вчера от бабки Насти
Услыхал такую речь:
— Видя этикие страсти,
С мужиком противно лечь!

Наши бабы мужнин запах
Стали чуют за версту, —
Вот чего привез нам Запад
На своем гнилом борту!..

* * *

— Чай попил — какая сила!
— Ну так выпей «Клеросила»!
— Я, товарищ, по утру
«Клеросилом» рожу тру!..

* * *

— Ты, мой миленький, мне подсоби!
— Чтобы ты не нуждалась в «Оби»?..

* * *

— Поговори со мною, мама,
Хотя бы раз поговори!
— Сынок, вот это — масло «Рама»,
Не перепутай с «Педигри»!..

* * *

— Почему у вас собака
Зубы скалит, как шакал?
— Потому, что вы, однако,
Съели весь ее Гри-Пал!..

* * *

Жалко папу, жалко маму,
Жалко маленьких ребят:
Если раньше мыли раму,
То теперь ее едят!..

ПРИЩУР ПАРОДИСТА

*Сгоришь на том же самом вольте,
Глаза в глаза,
И только спать со мной — увольте!
Ни полпраза!*

Вячеслав КОВАЛЬКОВ

УСЛОВИЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Вернись ко мне, моя отрада,
Явись, хотя бы, к февралю.
Но только спать со мной не надо,
Я это дело не люблю.

Не надо спать со мной, и точка! —
(Тем более — глаза в глаза) —
Ни полпраза, ни треть разочка,
Ни даже четверти раза.

Чтоб не спалиться с потрохами
На вольте, в будущем году
Явись ко мне ты, и стихами
Тебя в экстаз я приведу!..

*А в окошко стукну,
Разбужу семью.
Как тебя позвать мне,
Милую мою?*

Юрий ЖЕРЕХИН

ЛЮБОВЬ ПОЭТА

Я тебе немножко
Подложу свинью, —
Постучу в окошко,
Разбужу семью.

Выйдет твой папаша
На крыльцо с ружьем,
Но не дамся, Глаша,
Я ему живьем.

Я на крышу влезу,
Буйна голова,
Стукну по железу
Палкой раза два.

Выкушав кефира,
Выскочит маман,
Чтобы наш, Глафира,
Оборвать роман.

Но любовь — не шутка!
Вставши на карниз,
Сигану, Глашутка,
Я башкою вниз.

Приземлюсь я белкой
Прямо на крыльцо,
Влет мне солью мелкой
Грохнет ружьецо.

Саданет дуплетом
Твой отец мне в зад,
Только нам, поэтам,
Нет пути назад.

Нам, поэтам, лира
Как родная мать.
Выходи, Глафира,
Брюки зашивать!..

*У меня было сто мужчин
И никаких причин,
Чтобы это число
Росло.
Я любила их всех по мере
Того, как они умели
Нечто в меня вложить,
Без чего и не стоит жить.*

Юнна МОРИЦ

БЕСКОРЫСТНАЯ ЛЮБОВЬ

У меня ровно сто мужчин,
Все красавцы, блин, как один,
Чин имеют и нет причин
Мне вбивать между нами клин.

Всех люблю я. По крайней мере
Тех, кто в ЮННОСТЬ мою поверя,
Может что-то вложить в меня, —
Мой девиз: без мужчин — ни дня!..

*Я как был всю жизнь конягой,
Так конягой и умру.*

О. В. ИЗOTOB

ЖИЗНЬ ПЕГАСА

Я родился в прошлом веке
В сельской местности, друзья,
Только как о человеке
Обо мне сказать нельзя.

Дело в том, что не ребенком
Я родился — во дела! —
А игривым жеребенком
Меня мамка родила.

Без больших на то усилий.
Скоро вырос я в коня.
Звали папеньку Василий,—
Крут был батя у меня.

Если я какую телку
Приголублю—все, конец!—
Батя—хватъ меня за холку,
Мол, не балуй, жеребец!

Я не пчелка, не мотыль я,
Но годочкам к двадцати
Почему-то стали крылья
За спиною вдруг расти.

Сердце полнится отвагой,
Грива вьется на ветру...
Коль родился я конягой,
Так конягой и умру!..

*Прав Окуневич! Он сказал давно:
«Пиши. И всё! И не вступай... в Союз».*

Владимир САХАРОВ

РЕШИТЕЛЬНЫЙ ПОЭТ

Союз писателей? Смешно,
Неинтересно, архаично!
Сам Окуневич мне давно
Сказал: «Пиши. И всё отлично!»

И я пишу. И пью вино.
Рифмую: Вова и корова...
И всё же осенью... в Союз
Вступить я попытаюсь снова!..

*Иные сыновей рожают,
А у других выходят дочери,
Но я стараюсь невпопад:
Давно рождаю только строчки!*

Владимир САХАРОВ

БЕРЕМЕННЫЙ ПОЭТ

Я всё стараюсь невпопад
Связать рифмованных два слова,
А мне писаки говорят:
«Оставь ты это дело, Вова!»

Жужжат писаки: жу-жу-жу,
Но я активный, я упорный,
Опять беременный хожу
Четвертой книжкой стихотворной.

Супруга злится: «Дуралей,
Вот, у других — сынки и дочери!»
Да, это так! Но юбилей
Отмечу вновь рождением строчки!..

ОПИСАТЬСЯ МОЖНО

ОПЕЧАТКИ

Бомжеский вид
Инаркомыслие
Девопроизводитель
Импатент на изобретение
Социологический опорос
Возвращение на други своя
Охренелый объект
Виагрывает сильнейший
Победителей кремировали
Семяизвержение вулкана
Опойный клей
Кто там шагает с Лёвой!
Портрет Джона Ленина
Портрет взадницы
Картина «Неравный барак»
Скотство с оригиналом
Палач Ярославны
Сустав тронулся
Укоротительница титров
Следующая обстановка «Революционная»
У животных начался драчный сезон
Витамин А — стимулятор роста
Нет пороков в своем отечестве!
Пункт обмана волюты
Казанское хамство
Слаборазлитые страны
Безопасная битва
Истерическое сражение
Едкая книга
Полночный представитель президента
Алименты таблицы Менделеева
Урки демократии
Комбайнеры закончили жратву
Рдеют ряды коммунистов
Потребовал Книгу жлоб

Кинорежиссер Маркс Прудкин
Колесо оборзения
Прогноз погоды: заморозки на почте
СОСостояние здоровья больного
Начался утопительный сезон
Драчный период
Думовая завеса
Адмосфера
Геникологическое древо
Певца поздравили с новым кляпом
Ликероводочному заводу исполнилось 100 грамм
Успехов в уличной жизни!

КНИГИ Е. ГУСЕВА

- «Причастность». Стихи. «Содействие», Ярославль. 1991 г.
«Готовьтесь на уху!». Стихи. «Риск», Ярославль. 1991 г.
«Парная баня». Проза. «Орбита», Москва. 1992 г.
«Русский декамерон». Проза. «Орбита», Москва. 1992 г.
«Средство от запоя». Стихи. «Стриж», Ярославль, 1993 г.
«Русский декамерон-2». Проза. «Орбита», Москва, 1993 г.
«Утоли моя печали». Стихи. «Стриж», Ярославль, 1994 г.
«Русский декамерон-3». Проза. «Орбита», Москва. 1994 г.
«Имя твое — любовь». Стихи. «Стриж», Ярославль. 1995 г.
«Васильки на погонах». Стихи. МВД, Москва. 1995 г.
«Такая работа». Стихи. «Стриж», Ярославль. 1996 г.
«Визит к даме». Проза. «Дом печати», Рыбинск. 1996 г.
«Три века любви». Стихи. «ЛИЯ», Ярославль. 1997 г.
«С высоты любви». Стихи. МВД, Москва. 1997 г.
«И вечный бой». Стихи. «Голос профсоюзов», Ярославль. 1998 г.
«Праздник Покрова». Поэма. «ЯРТЕХ», Ярославль. 1998 г.
«Огонь памяти». Стихи. «Голос профсоюзов», Ярославль. 2000 г.
«Детям знать положено...» Стихи. УГИБДД, Ярославль. 2001 г.
«Августовский звездопад». Стихи, рассказы, юмор.
«Рыбинское подворье», Рыбинск. 2003 г.

**Автор благодарит за помощь
в издании книги:**

ГРЕШНЕВИКОВА Анатолия Николаевича,
депутата Государственной Думы Российской Федерации;

МАРТЫСЮКА Леонида Викторовича,
начальника УГПС МЧС России Ярославской области;

ЗАЯШНИКОВА Евгения Николаевича,
генерального директора
ГСП ОО «Славнефть-Ярославнефтеоргсинтез»;

ВОРОНЧИХИНА Александра Ивановича,
генерального директора ОАО «Фритекс»;

АРЗИМАНОВА Анатолия Григорьевича,
генерального директора ОАО «Ярпиво»;

МАТРОСОВА Владимира Григорьевича,
генерального директора ОАО «Ярнефтехимстрой»;

АБАКУМОВА Андрея Евгеньевича,
директора ЗАО «Надежность».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

ТРИ ВЕКА ЛЮБВИ

Утоли моя печали	6
Зодиакальная ночь	7
«Тебя за ручку, как ребенка...»	8
«Ты шла уверенно и твердо...»	9
Императрица	10
«Тепло твоих лучистых глаз...»	11
Письмо	12
«Я не кусаю губы в кровь...»	13
Очень сердитое письмо	14
Прекрасной даме	15
«Сжег я все твои записки...»	16
«Ты гони, гони, гони же...»	17
Жду тебя	18
«Жил я смело, балом правил...»	19
Неотправленное письмо	20
Последнее письмо	21
Августовский звездопад	22
Осеннее	23
«Стынет осень. Бабье лето...»	24
Нашему любимому художнику	25
«Ты помучай меня, помучай...»	26
«Мои следы стирает вьюга...»	27
«Я не буду ни строгим, ни ласковым...»	28
«Задуваю свечу...»	29
«Ты для меня не попутчица...»	30
«Ты вновь до белого каленья...»	31
Наш путь	32
Три века любви	33
Спасибо вам!	34

МАЛАЯ РОДИНА

В деревне	36
«Что за этим перелеском...»	37
На родине	38
«Дождичком малая родина...»	39
Душа	40
«К деревне новую дорогу...»	41
«Переключово, Вокшары, Скоково...»	42
«Деревня есть — Великий Двор...»	43
«Глубокой осени дождусь...»	44
«Стихотворенье, как спасенье...»	45
Река детства	46

Вечерние беседы.....	47
Бабка Вера	48
«Вырубали деревья...»	49
«Вставай, приехали, однако...»	50
«Хрустит снежок под валенком...»	51
«Все отдам на этом свете, лишь бы...»	52

ОГОНЬ ПАМЯТИ

Им возвратиться не дано	54
Атака в лоб	55
Рассказ ветерана	56
Смерть командира	57
Последний бой	58
Память	59
Осенний сон 41-го	60
Конюх	61
Гармонист	62
Старики	63
Рассказ пожилого человека	64
Медсестра	65
Человек упал	66
В гостях	67
Двадцать второе июня	68

ПОСЛЕДНИЙ ДЕСАНТ

Вопросы	70
Бог Афгана	71
Последний десант	72
Ветеран	74
Саша	75
Двое	76
Не пойте о смерти	77
В землянке. Чечня-99	78
Полковник в отставке	79
Сотрудник милиции	80
Ордена на атласе	81
Красивый человек	82
Чернобыльский триптих	83

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

Мадонны смутного времени	86
Черная пучина	87
Художник	88
Ван Гог	89
Душа России	90
Приметы времени	91
Боль	92
Зимние грезы	93
Одиночество	94
Избави, Бог!	95
Пять киллеров	96

У богатого еврея	97
Дворник Фима	98
Крест	99
Не дай нам Бог!	100

ПРАЗДНИК ПОКРОВА

(поэма)

Часть 1. Детство	102
Часть 2. Творчество	106
Часть 3. Сон	100
Часть 4. Старики	112
Часть 5. Город	116

ВИЗИТ К ДАМЕ

Проза жизни	122
Жена замполита	124
Рекламная пауза	129
Один день Николая Алексеевича	132
Нелетная погода	135
Напугал	137
Неземная женщина	142
Гармония жизни	147
Бабник	150
Шутки Мишутки или мужская солидарность	154
Японский метод	157
Стук и скрип	162
Исцеление	167
Благотворное влияние	172
Сняли	176
Цепи Гименея	180
Благородный разбойник	186
Анекдоты на кухне	192
Метод омоложения	198
Жертва перестройки	202
Тонкое дело	206
Вечная профессия	211
Чао, господа	216
Национальное достояние	224
Сила слова	227
Заводной мужик	230
Смерть драматурга	239
Испорченный праздник	244
Визит к даме	248
Водолаз поневоле	256
Переселение душ	260
Мизэрабиле дикту	264
Суд товарищей	271
Парад лилипутов	275
Репортаж с зимней дачи	279
Новогодний халаявшик	281
Визит пожарного инспектора	283
Ревнивый Леха	285
Сила внушения	290

Вещий сон.....	294
Из жизни животных.....	297
Филантропка.....	299
Задумчивые беседы.....	300
На приеме у врача.....	303
Два товарища.....	308

ОТ ВЕСЕЛОГО ДО СМЕШНОГО

Из записных книжек.....	304
Из жизни слов.....	326
Из жизни поэтов.....	342
Из жизни дам.....	358
Из жизни органов.....	363
Из жизни медиков.....	371
Из жизни политиков.....	373
Из жизни богатых.....	381
Из жизни села.....	385
Из жизни пожилых.....	390
Из мрачного юмора.....	394
Из жизни хроников.....	397
Из жизни спортсменов.....	400
Из жизни рекламы.....	401
Прищур пародиста.....	403
Описать можно.....	408
<i>Книги Е. Гусева.....</i>	<i>410</i>

Евгений Павлович Гусев

АВГУСТОВСКИЙ ЗВЕЗДОПАД

Стихи, проза, юмор, сатира

Редактор *С. А. Хомутов*
Художник *Г. В. Соколов*
Технический редактор *А. С. Хомутов*
Корректор *Ю. В. Пашкова*

Сдано в набор 25.02.02. Подписано в печать 17.01.03.
Формат 84×108/32. Гарнитура «Таймс ЕТ». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,4. Тираж 1000 экз.
Заказ 4153. Цена договорная.

Издательство «Рыбинское подворье»
152901, г. Рыбинск, Волжская набережная, 77.

ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8